

НОВАЯ ПОЛЬША 5/2012

Содержание

1. НАШ ВЕЛИКИЙ СОСЕД
2. ЧЕЛОВЕК ОТТУДА
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ДАВАЙТЕ УВАЖАТЬ «СМОЛЕНСКУЮ» ПОЛЬШУ
5. НЕ БОЮСЬ НИЧЕГО, КРОМЕ ГРЕХА
6. АНАЛОГОВАЯ ФОТОГРАФИЯ УЧИТ ДУМАТЬ
7. ИСПОВЕДЬ ФОТОГРАФА
8. ЛИЦО НОВОЙ РОССИИ В ФОТОГРАФИЯХ РАФАЛА МИЛЯХА
9. СТИХОТВОРЕНИЯ
10. ИСТЕЧЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИИ
11. ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ «ИСТОРИЯ ПРАВИТ ШКОЛОЙ»
12. ИЗ СТИХОВ 2011 ГОДА
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. БЛОГОСФЕРА
15. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
16. ГОСПОЖА СКРИЖАЛИНА
17. ХВАТИТ УЖЕ, СПАСИБО
18. ОБЯЗАННОСТИ ЖЕНЫ ПРЕЗИДЕНТА
19. ПАМЯТИ АРИАДНЫ ФАДДЕЕВНЫ ЧЕРВИНСКОЙ (ЗЕЛИНСКОЙ)

НАШ ВЕЛИКИЙ СОСЕД

После того как немцы в конце июня 1941 года заняли Ровно, они сделали город моего рождения центром большой оккупационной зоны, которую называли Reichskommissariat Ukraine. Теперь мы могли познавать и созерцать природу второго государства, участвовавшего в разделе Польши. Волынь была быстро превращена в колонию, которую Третий Рейх собирался неустанно эксплуатировать на протяжении своего апокалиптического тысячелетия. Количество учреждений, толпы военных и чиновников в форме, их манера держаться, их отношение к покоренному населению — всё это свидетельствовало, что наша судьба определена, быть может, до самого конца света. В согласии с генеральной директивой Берлина, которую всех мастей коллаборанты разгласили по городу, вся здешняя славянская популяция, даже пока что не уничтоженные евреи, должна была тяжким трудом содействовать немецкой военной машине и ее администрации.

Национализированное Советами имущество стало, разумеется, собственностью Германии. В нее вошли и коллективизированные или национализированные сельские хозяйства. Так расположенное под самым Ровно, в деревне Тынное, бывшее имение пани Бонкович, которое в марте 1940 году Советы превратили в совхоз, стало теперь владением Рейха: Staatsgut Tynne.

Немецкая администрация обратила на него особое внимание, так как в нем каким-то чудом уцелели многочисленные теплицы и большие поля парников. Их быстро довели до состояния годности. Силой доставили известного ровенского садовника и приказали ему обеспечить хозяйство рабочими руками. Речь явно шла о кулинарной базе для высших учреждений и о снабжении армейского командования ранними тепличными плодами. Это соответствовало тогдашнему колониальному стилю жизни немцев на колонизированной Волыни. Тон задавал сам рейхскомиссар Эрих Кох. Без всяких колебаний он изгнал из нескольких деревень украинских мужиков, чтобы учредить там для немецких любителей охоты заповедник дичи. Весной 1942 года он организовал фестиваль культуры, чтобы его многолюдная администрация могла наслаждаться музыкой Бетховена и Вагнера. В августе того же года выполнил приказ

ликвидировать на этот раз всех евреев, которые еще оставались в живых. Тогда-то у нас в Тынном застрелили пана Мигдала.

Управляющим этого хозяйства стал поляк, какой-то знакомый отца. Случайно встретив отца, он внезапно предложил ему должность кладовщика и жилье в бывшем имении. Отец ни секунды не колебался. Так он ускользал от внимания разных опасных коллаборантов и селил семью, как сам сказал, вблизи еды. При Советах внутри имения всё было сильно перестроено: при той системе всегда многочисленное начальство нуждалось во множестве жилых помещений. Итак, мама упаковала белье, наше единственное сокровище, велела мне связать веревкой несколько наших книг и в одном из этих помещений разбила для нас очередной бивак. Семье нужна была любая копейка, а главное так называемые выдачи, поэтому я стал работать в теплице.

Всю продукцию Staatsgut Tynne продавал в специальных пунктах скупки. Наличные передавал надутому чиновнику, который время от времени приезжал к нам в сопровождении двух солдат Вермахта. Кроме того хозяйство было обязано доставлять заранее заказанные овощи и фрукты на кухню Kreislandwirt'a, учреждения, надзиравшего за государственными сельскими хозяйствами. Это обстоятельство довольно существенно повлияло на мою жизнь. Петро, молодой украинец, который занимался лошадьми и транспортом, не знал ни der, ни die, ни das. А я знал. Еще до войны пан Нудель, один из многочисленных друзей нашей семьи, немного подучил меня своему родному языку — по ясно выраженному желанию отца. Учил он методом столь же древним, сколь и простым. Вбивал в меня грамматические правила и столбцы упорядоченных слов. Месяцы, зерновые, фрукты, овощи. Благодаря тому, что я хоть как-то понимал, что мне говорят по-немецки, мог даже слепить примитивное предложение и знал, что die Petersilie — это петрушка, меня прогнали из теплицы и придали в помощники к Петру. С весны 1942 года мы составляли тандем, ответственный за транспортировку наших плодов на тысячелетнюю кухню Kreislandwirt'a.

Понятно, что Петро, взрослый восемнадцатилетний мужчина, который приобрел уже многие необходимые и важные в жизни навыки, стал мне образцом и учителем. Лошади не были для меня загадкой — в конце концов, я вырос в кавалерийском полку, но Петро знал их лучше и лучше умел с ними обращаться. Умел он и всё починить. Петро напоминал своего тезку из «Наталки-Полтавки» Ивана Котляревского, тильки вин не блукався по заробитках, а постоянно жил в своей

деревушке, и единственным городом, который он знал, было Ровно. «Полтавку» знали повсеместно. Все пели пени из нее. Мама очень любила «У сусида хата била». Петро подхватил из нее выражение «мое сэрдэнятко», которым щедро одарял кого угодно. Когда во время перерывов в работе холостяки собирались в овине и, разумеется, начинались рассказы о мужских победах, он демонстративно иронически отстранялся, заканчивая описание подвигов убийственным словом «побрэхэньки». Он был начитан в родной литературе, ориентировался в соотношении политических сил, которые действовали тогда на селе. Нашим пропитанием и бельем занималась моя мама. О жалованье не было и речи: все мы жили на счет хозяйства. По сути таков был истинный смысл существования Staatsgut Tynne. Кроме ночи с субботы на воскресенье, тандем спал в конюшне и очень сжился.

Когда Петро замыкал ее тяжелые ворота, кошмар немецкой Волыни таял в тишине. Нас охватывал покой безопасного логова. В углу, отделенном от лошадей завалами спрессованной соломы, между двумя постелями, на ящике, покрытом клеенкой, возносился под балки потолка светлый огонь карбидной лампы. Остальная конюшня была погружена в полумрак и полную тьму. Часто мы долго лежали молча, чтобы послушать музыку счастливой жизни: лошадиный храп и священный шелест, когда лошади набирали в рот овса. В наших местах господствовало всеобщее убеждение, что человек, которому докучают паразиты, должен выспаться в конюшне. Пропитанную лошадиной мочой конюшню рассматривали как что-то вроде дезинфекционной камеры. За такое лечение несколько несчастных предлагали нам по целому литру самогона. Петро гнал их взашей. Даже и мысли не допускал, что конюшня могла бы так запахаться, а лошади — оскверниться. Ему тут ничего не принадлежало, но он чувствовал себя ответственным за лошадей, за их дом и наше теплое логово, картина которого часто возвращается сегодня ко мне во снах и наяву как сказка о выпрошенной, как милостыня, безопасности.

Нашему тандему, однако, не был сужден покой. Украинская повстанческая армия, УПА, целью которой было полученное от Советов, хоть и скорректированное национализмом украинское «государство рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции», уже зимой 1943 года начала действовать, с тем чтобы на этот раз, после этой войны, ни Галицию, ни Волынь Польша уже не смогла присоединить к своим владениям, как это удалось ей после Первой Мировой войны. К польскому населению на Волыни отнеслись как к неприятной

помехе в осуществлении этого идеала. Способ ее устранения был прост. В серьезной публицистике его называют этническими чистками. На самом деле шли массовые убийства, нередко предваряемые изощренными пытками. Результат этой операции должен был быть таким же простым. Поляки, которые уцелеют в этой резне, возьмутся за ум и быстро смоются за Буг.

В наших местах всерьез опасно стало только в середине весны 1943 года. Сначала царил такой удивительный обычай, родившийся из желания обмануть грех: убивали только по ночам. Поэтому под вечер мы теперь отправлялись в Ровно, где отец нашел нам приют в семье Бжозовских. Мама снова увязала белье в узелок, но икону оставила в имении. Дни в Staatsgut Туппе начали разнообразиться частыми визитами советских партизан, которых интересовали только свиньи и птица. Немцам тут сказать уже было нечего. Колония Третьего Рейха съёжилась до пределов города. В хозяйстве никто не работал. Все присваивали себе всё, что только удавалось сдвинуть с места. Особенно продовольствие. Может, поэтому отец каждое утро тащил нас в Тынное. Но вот однажды запыхавшийся Петро подбежал к отцу, отозвал его в сторону и сказал, что в деревне всё плохо. Там решили, что недостаточно напугать ляхов и изгнать на берега Вислы, потому что они всегда будут пытаться вернуться. Надо их убить, закопать в землю, и тогда уж точно не вернуться. Как стояли, так мы немедленно отправились в город, с единственным нашим настоящим сокровищем — ощущением смертельной опасности. В тот день я видел Петра в последний раз. Тандем перестал существовать.

Но зимой с 1942-го на 1943-й мы еще жили в покое и, можно сказать, безделье, почти без выездов, холя лошадей и заботясь об упряжи. Однажды в субботу Петро заявил, что домой ему не хочется, и мы ночевали в конюшне. Как-то нам пришло в голову, что стоило бы в конце концов забраться на чердак старого дома. В хозяйстве пусто, так что никто нами не заинтересуется. Мы не очень-то знали, зачем, но хорошо было бы осмотреться в этом закомарке.

Назавтра, когда мы оказались во мраке под крышей, чердак тут же явился нам как чудесным образом воспроизведенное, но и покалеченное прошлое. Чего там только не было! Какие-то поломанные столы и совершенно крепкие стулья. Полно тростника и множество занавесок. Немало разнообразных глиняных дежей и очень приличный, хотя и хромой диван. Всюду множество советских административных документов и газет. Петро нашел даже несколько украинских книг и раз за

разом выкрикивал: «Иван Франко! Леся Украинка!» А я среди полутора десятков неизвестных мне романов выкопал книгу в прекрасном переплете, весьма элегантную, явно остаток от бывшей библиотеки имения.

Это был четвертый том «Сочинений» Мауриция Мохнацкого с портретом автора, изданный в Познани в 1863 году книжным магазином Яна Константы Жупанского. О Мохнацком я знал всего лишь, что он участвовал в восстании 1830 года. Это было, если можно так сказать, любимое восстание отца, и дома, когда собирались гости, о нем часто рассуждали. И я отложил чтение «Сочинений» Адама Мицкевича, которые Тадеуш Пини собрал в один не особо удачный том, и всей душой погрузился в свою неожиданную находку, так как одна из помещенных там статей называлась «О характере московских захватов». Я не должен добавлять, что чтение подростка носит неистовый характер. Автор его не интересует. Важно, что именно тот написал, а значит, он не пропустит ни единой страницы.

Вот так в этой уютной и тихой конюшне, при слегка вонючей карбидке, я начал приобретать добросовестные политические знания о государстве, о котором ныне в газетах и по телевидению пишут и говорят: наш Великий Сосед. Сам Мауриций Мохнацкий, как оказалось, не прошел для меня даром. Он не притупил моей ненависти к России за так называемое «всё» с особым учетом нападения 17 сентября 1939 года, но мою бессильную ярость уже навсегда заменил работой разума. Это было ценное приобретение, потому что где-где, а в Польше уже пятнадцатилетний подросток обязан держать в голове грозное и мрачное зло — российское государство. Некогда, ныне и всегда.

Непотребство королей Европы

Прежде чем в феврале 1940 года началась массовая высылка, постоянной темой вечерних разговоров в польских домах на Волыни были Франция и Англия. На них продолжали возлагать надежды — а на кого ж еще можно было их возлагать. Острова не возбуждали опасений. Их защищало море. Боялись за Францию, хотя тревогу слегка смягчала унаследованная от довоенных времен вера в линию Мажино. Эта полоса обороны была будто бы такой современной и так великолепно оснащенной, что если бы немцы попытались ее прорвать — обломили бы зубы. Более трезвые статисты сразу начали каркать, что линию Мажино можно обойти. Никто не сомневался, что немцы не колеблясь растопчут и Голландию, и Бельгию.

Для меня это было время погружения в атлас. Отец всегда следил за моими интересами, и когда я спросил его однажды, где же лежит эта самая Укаяли, над которой поют рыбы, и что такое созвездие Ориона, он на следующий же день принес мне прекрасный атлас мира с картами северного и южного небесных полушарий. Я уставился в края на берегах Рейна, и у меня получилось, что тогдашний вариант прославленной дилеммы «войдут — не войдут» перестал иметь всякий смысл. Высылки в Казахстан и поражение Франции свели вечерние разговоры к одной теме: выжить. Неизвестно, как, но известно, что любой ценой надо выжить. Здесь или там. За Уралом, в степях, за морем и повсюду.

Народ, у которого в соседях разбойная империя, быстро становится мастером подозрений. Само по себе подозрение паршиво двусмысленно. С одной стороны, оно учит проницательности, которая защищает нас от наивности и горьких ошибок. Во всяком случае заставляет думать и охраняет от хитрости манипуляторов и мошенников всех мастей. Но с другой — сочит в ум страх перед общением с окружающими. Парализует мысль, так что она предпочитает не нарываться на риск и выбирает неподвижность. Уговаривает отказаться от познания. Тогда начинаешь прозябать в беспомощности.

Такое извилистое подозрение по отношению к западным странам появилось в вечерних разговорах сразу после нападения Германии на Россию, 22 июня 1941 года. Какое решение они теперь примут в вопросах преступления, которое совершил в 1939 году союзник гитлеровской Германии, а теперь великий участник их коалиции? Как всегда у нас, вопрос этот рассматривали в этических категориях, а накопившиеся до тех пор факты, из которых вытекало это застарелое подозрение, утвердили наших отцов в убеждении, что они снова нас предадут и снова нас продадут.

В своих статьях Мохнацкий старался избегать морализаторства, но ему это не всегда удавалось. Французское восхищение Россией, которое дало о себе знать вместе с появлением июльской монархии в 1830 году, он считал политической ошибкой, оправданием которой не служило невежество общественного мнения. Ибо мало что было известно о действительной системе правления в царском государстве. Об отношениях между населением и властью рассказывали выдумки. Это началось еще в XVIII веке, когда группа энциклопедистов, пламя просвещения и кремень разума, Вольтер, Даламбер и Дидро, начали «захваливать

Франции Россию». Эти «философы монархию Петра и Екатерины Европе и цивилизации за образец указывали. Французское правительство, как видно, и ныне пошло за их мнением». Польша была для них возмутительным доказательством отставания в цивилизации и варварской нетерпимости, страной разнузданной анархии. Совершенно ясно, что она не была способна организовать себе разумно управляемое государство. Значит, справедливо была уничтожена. Ее земли наконец попали под скипетр просвещенных монархов.

Мохнацкий был далек от того, чтобы скрывать религиозное ожесточение, отсталость и политическую глупость нашей шляхты, но не считал, что всё это оправдывает союз с целью захвата и раздела суверенной страны. Причины его возмущения лежали не в этике, а в принципах прав сосуществования между государствами. Нескрываемое восхищение Россией Вольтер выражал с таким пылом, что лезть можно было спутать с униженностью. «Говорят, — писал он прусскому кролю Фридриху 21 августа 1771 года, — что мои любимые русские побиты турками. Я в отчаянии и умоляю Ваше Высочество соизволить меня утешить». «Дело постыдное и безумное, — писал он Екатерине 6 июля 1771 года, — чтобы тридцать молокососов из моей страны нагло собирались воевать с Вами [речь идет о военной помощи генерала Ш. Ф.Дюмулье барским конфедератам. — Р.П.], в то время как двести тысяч татар оставляют Мустафу, чтобы Вам служить. Вот татары полны политеса, а французы обратились в скифов. Извольте, прошу Вас, заметить, что я вовсе не вэлш. Я швейцарец. А был бы моложе, стал бы москалем». Velche, слово, хорошо известное еще Шопену, — это французская калька немецкого Welsch, которым на родине царицы презрительно обзывали французов.

Политические оценки Мохнацкого не всегда были верны, но диагноз причин польской подозрительности в отношении Запада был, пожалуй, метким. «Не отважиться признать независимость польской нации в границах, указанных манифестом Сейма [во время восстания 1830 года], дрожать перед царем тогда, когда он сам был так близок к падению, когда польская кровь так изобильно проливалась, было чем-то большим, нежели ничтожество. Было высочайшим политическим неразумием. Польша и на этот раз частью от своих погибала ошибок, частью — от островного равнодушия Англии и непросвещенного эгоизма Запада, где внутренняя политика со времени падения Наполеона во внешней никакого прогресса не допустила». Убеждение в том, что такое поведение

западных государств было неразумно, только напоминает вариант польских горьких сожалений. Но тезис о западном невежестве был хорошо обоснован.

Западные представления о царском государстве, говорится в статье «Дорога из Москвы в Восточную Индию» от 24 августа 1832 года, сформированы двумя факторами. Первым была свободная печать, или частные газеты, как кто предпочитает. По сути дела речь шла о кампании, организованной Россией с того момента, как она поняла, что общественное мнение в этих странах обладает кое-каким влиянием на правительства. Мохнацкий описал эту процедуру на примере Англии. «Ни в одной, быть может, столице нет у Москвы столько платных писателей, как в Лондоне. Со времени июльской революции [1830] это влияние в Париже, возможно, выросло, но на общественное мнение действует не так успешно, как в Англии. Одним из фортелей Москвы всегда было нейтрализовать те органы общественного мнения, которые стремятся возвещать миру силу и направленность этой державы. Царскосельский кабинет, полуазиатский, полугерманский, любит тихие завоевания. Однако что взял, того уж не уронит. Заслуживает внимания, что со времен Петра I ни квадратного фута москалей не потеряли». Эти оплачиваемые писатели и публицисты, как правило весьма влиятельные, были попросту агентами Москвы. В то время Москве было важно оказать нажим на правительство, чтобы оно приняло такое решение по ближневосточным вопросам, которое подготовило бы почву под планируемые военные действия России на этой горячей территории. Во Франции аналогичные подвиги действительно приносили результаты похуже, но этот неуспех Москва восполнила огромным влиянием во французской полиции.

Вторым фактором была тоже печать, на этот раз, однако, официоз. Мохнацкий анализировал образ России, пропагандировавшийся в полуофициальном органе французского правительства «Журналь де деба», или — как он сам перевел — «Дневнике обсуждений». Правительство создало этот образ на нужды своей текущей политики, обосновывая этим свои начинания в сфере франко-русских отношений. Этот старательно подготовленный, как теперь говорят, *image* России носил, по мнению Мохнацкого, все черты сказочного повествования, столь же смешного, сколь и ужасающего. «Ежели ныне Франция такое представление о Москве обрела, [то] горе Европе, горе [самой] Франции».

В этой сказке царская империя являлась как монолитное государство, сплоченное «широкой и глубокой народностью»,

une nationalité vaste et profonde, «побратимством и общностью рода и духа между шестьюдесятью миллионами». «Эта общность рода, веры и духа, — заверял «Журналь де деба», — повелевает политикам и военным уважать этот безмерный укрепленный лагерь, охватывающий девятую часть суши, где правительство страстно любит цивилизацию, ибо опасаться ее еще нет причин, и на семиста тысячах квадратных миль изливает благодеяния гражданского мира, неизвестного до сей поры в летописях всего мира». Поскольку ни одна информация не отвечала действительности, Мохнацкий не хотел «подробно изъяснять вещи, «Дневнику обсуждений» хорошо известные. Где политика, — прибавил он, — накручивает до самых зрелищ статистику и под полюсом находит себе вдохновение писать о восточных интересах, нет смысла укорять в статистических ошибках».

Целью такого рода текстов было укрепление образа России как мощнейшей державы. Французы обязаны быть убеждены, что «это сильная и счастливая нация, которой противостоять не удастся». Это было основой тогдашней французской политики в отношении России. Она оправдывала готовность к компромиссу любой ценой и склонность к капитуляции перед требованиями царизма ценой нескольких лживых слов, убаюкивающих Великую Францию от стыда. Таким же было и обоснование «тесного союза Франции с Россией». «Россия никем поколеблена быть не может, ne peut être entamée par personne, разве что возникли бы [какие-то] коалиции. И это ее первая выгода. Россия угрожает всем. И это ее вторая выгода».

Такой подход, писал Мохнацкий в статье «О характере московских захватов», навязывала вера в «фатализм московской мощи». Хотя Франция сама была державой и ее правительство не допускало мысли, что Россия могла бы угрожать ее существованию, однако она предпочитала не давать воли воображению, как — не говоря худого слова — Наполеон в 1812 году. Но всем малым и слабым нациям она советовала подчиниться мощи царского колосса. «Если кому бы то ни было не везет, — писал Мохнацкий, — Франция ему тут же говорит с поспешностью, предвещающей его политическое уничтожение: “Погибай без спасения!”».

Фатализм московской мощи, в «ничем не сдерживаемый рост» которой верило французское правительство, породил западную политику дозволения на наглые требования и мелкие авантюры России. «Петербургский кабинет, — писал Мохнацкий, — сто лет не то делал, что мог, а только то, что другие ему по небрежности позволили».

Мохнацкий довольно мрачно оценивал отношение Европы к российским попыткам контролировать ее и осаждать. Причины слабости Запада в этой степени были для него ясны.

Революционные движения к тому времени были рассеяны. Не умели объединиться. Не умели действовать систематически. Не отважились перейти от возмущения к атаке. Поэтому «в теле Европы по-прежнему таится умершая и все-таки всемогущая институция, которая с тем, что давно пропало, остается в дружеском взаимопонимании; которая тому, что догорает, скончаться не дает; которая неестественным и противным Богу союзом соединяет жизнь со смертью». Это Союз Королей Европы, которые, как братья, вдоль и поперек континента подали друг другу руки. «К бою всегда готовы, всегда и всюду свои интересы разумеют и этим интересам всем жертвуют, даже собственной алчностью, гордыней и себялюбием. Боязнь общего врага годами успешно одолевает страсти, свойственные всем разбойникам по причине неравного участия в дележе добычи». Общий интерес монархов только укрепил политический принцип: не дразнить русского колосса и позволять ему угрозы и запугивание.

В конюшне, при карбидной лампе, слушая мурмурандо^[1] лошадей, жующих овес, я усвоил банальный польский политический комплекс, убеждение в извечном непотребстве королей Европы с безмерно алчной Россией. Правда, позднее, прожив себе ни много ни мало, а несколько десятков лет, я часто начинал сомневаться, комплекс ли это. Он всё больше выглядел трезвыми наблюдениями.

Из книги «Улыбка Демокрита»

Перевод Натальи Горбаневской

1. Мурмурандо — пение с закрытым ртом. — Пер.

ЧЕЛОВЕК ОТТУДА

Откуда бы то ни было, а Рышард Пшибыльский (род. 1928) — человек Оттуда. Эту местность, правда, не удастся обозначить на карте, однако она так реальна, как ни одна из тех, что мне до сих пор довелось познать. Выдающийся эссеист, поклонник классических форм, тем не менее открытый к их изменениям, чуткий комментатор поэзии и эрудит, способный соединять друг с другом авторов, так далеко отстоящих во времени, как Микеланджело и Тадеуш Ружевич, читатель, способный в тексте писем обнаружить музыкальные ритмы, внимательный читатель сочинений раннехристианских отшельников и в то же время откликающийся на голоса современных поэтов — вот он.

Пшибыльский дебютировал книгой «Достоевский и “проклятые вопросы”» (1964), где анализировал раннее творчество будущего автора «Бесов», и в то же время он — переводчик Мандельштама. Труд о Достоевском должен был иметь продолжение, о чем свидетельствует одно из самых знаменитых польских эссе 1970-х — «Ставрогин», — после выхода которого (в журнале «Тексты») на автора по инициативе советского посольства был наложен запрет печататься. Быть может, впрочем, до этого и так бы дошло, потому что Пшибыльский, молодой русист, во время своих поездок в СССР сумел найти путь к кругу Анны Ахматовой и Надежды Мандельштам. Я прекрасно помню, какое впечатление произвел на меня снимок Мандельштама, который ему вверила Н.Я., а он привез в Польшу, — тогда фотографию нельзя было не только публиковать, но и признаваться в том, что она у тебя есть. Это было время, когда благодаря Алиции Стерн, вдове поэта-футуриста Анатоля Стерна, выдающегося переводчика русской поэзии, я прочитал одолженные мне «на одну ночь» воспоминания Надежды Мандельштам, одно из самых, как я считаю, выдающихся произведений всемирной прозы XX века. Пшибыльский, который этой книги, вышедшей на Западе, не знал, не скрывал своей зависти, но вскоре книга и к нему попала. Позднее, будучи большим поклонником автора, он решился — хотя всегда старался держаться в стороне от, по его мнению, политической окраски периодики, выходившей в Польше неподцензурно, — напечатать замечательный некролог

Надежды Мандельштам на страницах подпольного журнала «Res Publica».

Примерно в то же время в одном эмигрантском издательстве вышла книга Пшибыльского «Благодарный гость Бога», посвященная творчеству Мандельштама. В заключительной главе автор пишет: «Для Мандельштама, который связывал бытие с речью, первоначальным событием не могло быть событие историческое — первоначальным был текст. История становилась бытием только тогда, когда была окроплена в поэтический текст, а поэтический текст — не образ истории, но форма прочного бытия. Это убеждение давало Мандельштаму чувство собственного достоинства, поскольку поднимало поэта над историей. Когда Мандельштам говорил о достоинстве и святости поэзии, то кроме нескольких умнейших и безумных женщин все его современники — часть из них были люди не столько глупые, сколько недоумки, — выразительно постукивали себя пальцем по лбу. Это был сумасшедший, реликт прадавней эпохи, запыленный экспонат. Он верил в чистоту поэзии. Впрочем, их действия были логичны. Воистину, поэт, который не верит, что поэзия есть познание и откровение истины, действительно не может знать, что такое ощущение собственной правоты и на чем основано достоинство творца. Стихотворение, написанное таким литератором, — всего лишь навоз истории. Пораженный светом, Мандельштам трудился над распознаванием и поэтому умел перешлифовать историческое время в ослепительные вечные кристаллы».

Рышард Пшибыльский, вне всякого сомнения, — человек из того пространства, где поэтические законы отменяют или откладывают в сторону преходящее зрение и поэтому позволяют оказаться вне мучительного давления текущих дел. Однако это не значит, что текущие дела обязаны остаться за горизонтом исторического опыта. Следующие книги Пшибыльского вводят читателя будь то в пространство поэзии Юлиуша Словацкого, будь то в места опыта отцов-пустынников, в лабиринт старости или в хрупкий пейзаж мысли Шопена. При поразительном множестве миров, в которые он находит путь, у Пшибыльского все-таки остаются два вожатая — Осип Мандельштам и Тадеуш Ружевич. И нет ничего удивительного в том, что они встретились — вместе с Томасом Стернсом Элиотом — на страницах книги «о мечтаньях поэтов», сборника эссе «Et in Arcadia ego» (1966). И, несомненно, Пшибыльский — один из тех немногочисленных писателей, которые, идя по путям, указанным поэтами, в состоянии указать своим читателям дорогу к тем аркадийским

пространствам, которые, правда, всё время остаются недостижимыми, но к которым сознательно или бессознательно стремятся все. Поэтому в прекрасном эссе «Мифическое пространство наших чувств» он пишет: «Уже в истоках нашей цивилизации поэт толковал сны, так что ничего удивительного, что и сам любил рассказывать сказки. От этой одержимости — может быть, священного долга, а может быть, приносящей неприятности привычки — от не избавился и сегодня, хотя живет в эпоху, рационализированную до мозга своих рахитичных костей и, правду сказать, тонущую одновременно в мнимостях и чернокнижных фантазмах». Вот оттуда и приходит Пшибыльский — из мира сказки и сна.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Результаты всеобщей переписи населения. По данным Главного статистического управления (ГСУ), 36 085 млн. граждан Польши считают себя поляками, 809 тыс. — силезцами (в т.ч. 362 тыс. заявляют, что это их единственная национальность, а 415 тыс. считают себя одновременно силезцами и поляками), 228 тыс. — кашубами, 109 тыс. — немцами, 48 тыс. — украинцами, 47 тыс. — белорусами, а приблизительно по полтора десятка тысяч — цыганами, русскими, американцами и лемками». («Тыгодник повшехный, 1 апр.)
- «По сравнению с предыдущей переписью число лиц, считающих себя украинцами, увеличилось на 17 тыс., а число белорусов уменьшилось на 2 тысячи человек». («Дзенник — Газета правна», 23-25 марта)
- «Наше общество стареет. Если бы мы хотели сохранить нынешнюю долю молодых работающих людей благодаря иммигрантам, то через 50 лет они составили бы 45% населения Польши. Но это нереально». («Газета wyborcza», 17-18 марта)
- «Согласно опросу ЦИОМа, против повышения пенсионного возраста мужчин до 67 лет высказываются 84% поляков, против повышения пенсионного возраста женщин до 67 лет — 91%». («Жечпосполита», 24-25 марта)
- «“Право и справедливость” на улице. В варшавской манифестации против правительственных планов повышения пенсионного возраста приняли участие около 5 тыс. сторонников партии Ярослава Качинского. В то же самое время около 3 тыс. правых активистов отправились на арендованном «Газетой польской» поезде в Венгрию, чтобы поддержать политику премьер-министра Виктора Орбана». («Тыгодник повшехный», 25 марта)
- «Коалиция «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ пришла к соглашению по вопросу пенсионной реформы. Поляки будут работать до 67 лет, хотя, если они не смогут трудоустроиться, у них будет возможность выйти на пенсию досрочно (у женщин — в 62 года, у мужчин — в 65 лет,

после, соответственно, 35 и 40 лет работы), причем до 67 лет их пенсия будет рассчитываться на основании половины накопленного капитала. В Сейме коалиция — при поддержке воздержавшегося Движения Паликота — отклонила подписанное 2 млн. человек требование профсоюза «Солидарность» провести референдум о повышении пенсионного возраста». («Тыгодник повсехный», 8 апр.)

- «Премьер обещал ограничить пенсионные привилегии военных, полицейских, пограничников, таможенников, шахтеров, крестьян, прокуроров, судей и священников. Первые изменения должны вступить в действие с начала 2013 года». («Газета wyborча», 26 марта)

- «Министр [администрации и цифровизации] Михал Бони представил законопроект, изменяющий принципы финансирования Церквей и религиозных объединений. Нынешний Церковный фонд, в который из государственной казны ежегодно поступает 90 млн. злотых (эта сумма расходуется, в частности, на социальное и медицинское страхование монахов-затворников и миссионеров) должен быть заменен добровольным отчислением в размере 0,3% от налога, а с 2014 г. все представители духовенства должны будут оплачивать свои взносы сами». («Тыгодник повсехный», 25 марта)

- «Примас (...) не согласен с ликвидацией Церковного фонда (...) Туск убеждает, что благодаря предложению правительства польские Церкви будут «финансироваться в такой степени, какой этого хотят верующие или налогоплательщики, а не в такой, какая вытекает из соглашений между властью и епископатом»». («Жечпосполита», 17-18 марта)

- «В нашем свободном отечестве нападки на Церковь более тонки и изощренны, чем во времена коммунизма», — кардинал Станислав Дзивиш. («Жечпосполита», 7-9 апр.)

- «В этом году первое причастие примут около 350 тыс. второклассников. Самые неугомонные родственники уже начали искать подарки (...) Велосипеды, ноутбуки, квадроциклы и скутеры нынче не в моде. Их вытесняют планшетики и смартфоны, совмещающие в себе функции мобильного телефона и компьютера (...) В этом году средняя цена подарков к первому причастию может приблизиться к тысяче злотых (...) Еще в прошлом году 6% поляков заявляли, что потратят на подарки более 1,5 тыс. злотых (...) Самый дешевый планшетник можно купить за 799 злотых, однако чаще всего покупают те, что стоят около 2 тысяч (...) Простейший смартфон стоит 300

злотых, но наибольшей популярностью пользуются образцы за 1200–2000 злотых». («Дзенник — Газета польска», 29 марта)

• «Мой отец был консерватором и считал, что так называемый «сахарный пасхальный барашек» — это сплошное издевательство. Он пек баранину и клал в нашу корзинку кусок настоящего барашка. Я согласен с ним: барашек есть барашек (...) Роман Ключка сказал мне, что, когда овечка окотится, у нее могут быть дочки и сынки. Дочки нужны ему, чтобы делать сыр (...) Поэтому перед Пасхой я получаю от него барашков-сынков, которых пеку к праздничному столу (...) Пасха — это мясной праздник», — Адам Гесслер, владелец сети ресторанов. («Впрост», 2–8 апр.)

• «По всей Польше состоялись марши и другие мероприятия в защиту зачатых детей (...) Крупнейший марш, в котором участвовали несколько тысяч человек, прошел по улицам столицы (...) Участники несли транспаранты: «Жизнь священна» и «Нет абортам»». («Жечпосполита», 26 марта)

• «Несколько тысяч человек участвовали вчера в 13 й варшавской манифестации, организованной Обществом женщин «8 марта» (...) По этому случаю в Варшаву съехались феминистки и представительницы профсоюзов со всей Польши (...) Участники манифестации выкрикивали антицерковные лозунги (...) Время от времени повторялся лейтмотив: «Перерезать пуповину!» Речь шла о пуповине, которая якобы связывает государство с Церковью (...) В воскресенье манифестации феминисток прошли и в других городах». (Магдалена Дубровская, «Газета wyborcza», 12 марта)

• «50 638 801 злотый — столько собрал в этом году «Большой оркестр праздничной помощи» Юрека Овсяка, в очередной раз побив собственный рекорд (...) За собранные в январе деньги будет куплена, в частности, аппаратура для спасения недоношенных детей и инсулиновые помпы для беременных, страдающих диабетом». (Гжегож Шиманяк, «Газета wyborcza», 9 марта)

• «В общественном сознании существует явление, которое можно назвать «экономическим воображением» (...) Вместе с проф. Кшиштофом Загурским мы провели опрос репрезентативной выборки взрослых поляков на тему экономического воображения (...) Важнейшими причинами успеха экономики опрошенные назвали инвестиции, конкуренцию, интервенционизм государства, а также противодействие чрезмерному неравенству и прогрессивные налоги (...) На уровне фирмы решающую роль в достижении

успеха играют человеческий, общественный и экономический капитал, хорошие отношения с сотрудниками и соблюдение закона. Экономический успех индивидуума основывается, по мнению опрошенных, на упорстве, решительности, хороших межчеловеческих отношениях, квалификации, предприимчивости, но порой и эгоизме, кумовстве, мошенничестве», — Анджей К. Козьминский, президент Академии им. Леона Козьминского. («Жечпосполита», 28 марта)

- «По последним данным Евростата, в прошлом году производительность труда в Польше выросла по сравнению с 2010 г. на 3,3%. Это один из лучших показателей в ЕС. Нас опередила только Болгария. Столь же высокий рост эффективности польских работников наблюдался в 2010 г. — 3,4%». («Жечпосполита», 9 марта)

- «С момента вступления Польши в Евросоюз наши зарплаты выросли на треть, но они по-прежнему в три раза ниже, чем в среднем по ЕС. По данным Евростата, в 2011 г. средняя начисленная зарплата составляла в Польше 800 евро и была на 33% выше, чем в 2005 году. Однако средняя зарплата в 27 странах ЕС составляет 2177 евро, хотя за последние шесть лет она выросла не столь значительно — всего на 11,8%». («Дзенник — Газета правна», 2 апр.)

- «В прошлом году каждый поляк отдал государству в виде различных налогов в среднем 7,8 тыс. злотых. Это почти на 9% больше, чем в предыдущем году. «Если налоговые доходы государства растут быстрее, чем экономика, значит, наше налоговое бремя увеличивается», — говорит экономист Рышард Петру (...) В 2001 г. польская экономика развивалась в темпе 4,3% (...) В 2009 г., когда ВВП вырос на 1,6%, налоги на душу населения уменьшились на 2,6%. В 2010 г. ВВП вырос на 3,6%, а налоги — на 2,9%». (Анна Тесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 26 марта)

- «Как сообщило министерство финансов, в 2011 г. задолженность государства составила 56,4% ВВП. Это был очередной год, когда наш долг вырос». («Жечпосполита», 30 марта)

- «В среднем польская семья тратит на продукты питания 24,2% своих денег. Это больше, чем в прошлом году. Между тем в предыдущие годы доля продуктов питания в покупательской корзине поляков систематически уменьшалась». (Патриция Мацеевич, «Газета wyborcza», 26 марта)

- «Согласно отчету бюро кредитных историй «Солидитет Польша» из группы «Bisnode», начиная с 2009 г. в Польше закрылось 50 тыс. магазинов. Магазины не выдерживают конкуренцию с супермаркетами. Только в этом году число магазинов уменьшилось на целых 6,4% и составило 324 тысячи». («Дзенник — Газета правна», 13 марта)
- «ГСУ опубликовало данные о прошлогодних инвестиционных затратах фирм, насчитывающих более 50 сотрудников. Затраты эти составили чуть менее 100 млрд. злотых и были на 10,8% выше, чем год назад (когда было отмечено их падение на 3,2%). Больше всего средств (свыше 47 млрд. злотых) фирмы предназначили на покупку машин и оборудования. Расходы выросли более чем на 5%. Затраты на новые здания увеличились на 3,1%». («Жечпосполита», 27 марта)
- «В прошлом году Европейский банк реконструкции и развития инвестировал в Польше рекордную сумму — 900 млн. евро, а в этом году намерен вложить в польскую экономику еще 500–600 миллионов. «Мы хотим сконцентрироваться на поддержке финансового и энергетического секторов. В случае второго мы сосредоточимся на энергии из возобновляемых источников, а также на поставках клиентам газа и электричества», — говорит президент ЕБРР Томас Миrows. В финансовом секторе банк будет продолжать финансирование малых фирм. До сих пор ЕБРР инвестировал в Польше 5,5 млрд. евро». («Дзенник — Газета правна», 21 марта)
- «Государственный Геологический институт оценил польские залежи пригодного для добычи сланцевого газа в 346–768 млрд. кубометров. «Это в 2,5–5,5 раз больше, чем в имеющихся традиционных месторождениях [145 млрд. кубометров — Ред.]. Учитывая полную потребность Польши в газе, вместе с сырьем из традиционных месторождений его хватит на 35–65 лет — утверждает Петр Возняк, замминистра охраны окружающей среды и главный геолог страны. Залежи сланцевой нефти составляют 215–268 млн. тонн. Это в 8,5–10,5 раз больше, чем в ранее подтвержденных традиционных месторождениях (свыше 25 млн. тонн). Учитывая полную потребность Польши в нефти, вместе с сырьем из традиционных месторождений ее хватит на 10–12 лет (...) Хотя оценки института значительно ниже ранее прогнозируемых (...) фирмы, занимающиеся разведкой сланцевого газа, оценивают их положительно». (Томаш Фурман, «Жечпосполита», 22 марта)
- «Огромному множеству поляков не хватает денег на уголь, и они отапливают свои дома, сжигая в печах что попало. В частных домах трубы короткие, поэтому дым оседает в их

собственных дворах. А в нем содержатся диоксины, сажа, тяжелые металлы, сера. По выбросам т.н. взвешенной пыли Польша занимает первое место в Евросоюзе», — проф. Мацей Садовский. («Пшеглэнд», 1 апр.)

- «Более половины летающих над Краковом твердых частиц и свыше 90% бензопирена выбрасывают примитивные домашние печи и угольные котлы. В старых домах в историческом центре города по-прежнему дымят почти 20 тыс. подобных устройств (...) У жительниц Кракова, которые во время беременности дышали загрязненным воздухом, рождались дети с весом меньше нормы (...) В настоящее время более 90% энергии вырабатывается в Польше благодаря сгоранию угля. В 2010 г. из возобновляемых источников было выработано всего 6% энергии». (Томаш Уляновский, «Газета wyborcza», 17-18 марта)

- «Наши леса сожгут? На польских электростанциях уголь сжигают вместе с древесиной. Полученную таким образом энергию называют «зеленой», хотя с экологией она не имеет ничего общего, а к нашим счетам ежегодно прибавляется свыше миллиарда злотых. Господин вице-премьер Павляк, Вы должны это изменить! www.Greenpeace.pl». Текст объявления. («Газета wyborcza», 20 марта)

- «Польша наложила вето на европейскую климатическую политику, заблокировав дорогостоящее для нашей экономики сокращение выбросов углекислого газа. «Отсталая Польша блокирует климатическое соглашение», — возмущается «Гринпис». «Пришло время европейским лидерам не позволить Польше диктовать условия климатической политики», — призывает Фонд дикой природы». (Анна Слоевская, «Жечпосполита», 10-11 марта)

- «Мы — крупнейший бенефициар Евросоюза и сохраним этот статус, если предложения Еврокомиссии на следующий бюджетный период останутся в силе. Как простое чувство приличия, так и дальновидность велят нам не блокировать интеграцию, а укреплять ее», — министр иностранных дел Радослав Сикорский. («Тыгодник повшехный», 8 апр.)

- «Исъявив желание заниматься экологическим ореховодством, можно ежегодно получать (в сочетании с другими дотациями, вытекающими из Единой сельскохозяйственной политики) 2,8 тыс. злотых на каждый гектар. Согласно инструкциям министерства, плантатор не обязан собирать урожай и даже ухаживать за саженцами. Соответственно, деньги выплачиваются неизвестно за что.

Фиктивные плантации — это, как правило, латифундии по несколько сот и более гектаров. Тогда дотации исчисляются миллионами». (Иоанна Сольская, «Политика», 4-10 апр.)

- «“Вера поляков и польского правительства в европейские идеи всегда была для меня образцом”, — сказал президент Германии Йоахим Гаук в интервью польской прессе. Сегодня Гаук прибывает в Варшаву с первым после выборов зарубежным визитом». («Газета wyborcza», 26 марта)

- «Калининградский треугольник оправдал себя — в один голос заявили вчера в Берлине министры иностранных дел Польши, Германии и России. В таком составе они впервые встретились в прошлом году — в Калининграде (...) Калининградский треугольник — это неформальный форум обмена мнениями на министерском уровне, у которого уже есть первые достижения — например, заключение в декабре прошлого года польско-российского договора о малом приграничном движении. В заключение этого соглашения внесла свой вклад и немецкая дипломатия». («Жечпосполита», 22 марта)

- «26 июня 1989 г. в посольство Польши в Москве принесли письмо от неизвестного отправителя — без даты, печати и подписи. На листке бумаги было написано: «Сообщаем, что место захоронения польских военнопленных, содержавшихся в Осташкове, находится на территории дома отдыха бывшего НКВД близ деревни Медное, примерно в 30 км к северу от Калининграда». Адресатом этого письма был недавно назначенный генеральный консул Михал Журавский. Отправителем — польский сектор ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Как правило, Михал Журавский получал от своих российских партнеров то, в чем был заинтересован. Может быть, потому, что у него было мало черт чиновника, а много — человека открытого, относящегося к противнику с уважением (...) Михал Журавский: родился в 1938 г., умер 27 марта 2012 года», — Кристина Курчаб-Редлих. («Жечпосполита», 3 апр.)

- «Встреча с проф. Адамом Даниэлем Ротфельдом по случаю выхода его книги «Мысли о России... и не только». Дворец Сташица, ул. Новый Свят, 72, 17.00». («Газета wyborcza», 17 марта)

- «Парафирование в пятницу договора об ассоциации между ЕС и Украиной (...) во многом заслуга польской дипломатии и польских лоббистов в Европарламенте. Как, впрочем и планируемое назначение поляка на должность посла ЕС в Киеве». (Збигнев Парафиянович, «Дзенник — Газета правна», 26 марта)

- В демонстрации в Вильнюсе приняли участие почти 7 тыс. литовских поляков, которых поддерживали русские и белорусы. Протестующие требовали охраны польской системы образования в Литве. («Жечпосполита», 19 марта)

- Толпа из 700 сторонников теории заговора, собравшаяся во вторую годовщину смоленской катастрофы перед посольством России в Варшаве, выкрикивала оскорбления в адрес польских и российских властей. Участники демонстрации сожгли куклы премьеров обоих государств. Демонстрацию организовали клубы «Газеты польской». Ярослав Качинский сказал: «У меня такое ощущение, что президент Лех Качинский был убит». И объявил, что выдвинет свою кандидатуру на ближайших президентских выборах. («Газета wyborcza», 10 апр.)

- «В 8.41 (точное время смоленской катастрофы 10 апреля 2010 г.) перед Президентским дворцом было около тысячи человек (...) В 16.30, когда перед дворцом должен был вновь появиться Ярослав Качинский, демонстрантов было уже около 6 тысяч (...) День завершился мессой и вечерним Маршем памяти — снова к дворцу. По предварительным оценкам полиции, в этом шествии (...) участвовали уже 12 тыс. человек. Люди шли, скандируя: (...) «Их убили!» Слово взял председатель «Права и справедливости» (ПиС). Он назвал Леха Качинского “первым президентом, который был достоин этого звания”». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 11 апр.)

- Согласно опросу Интерактивного института рыночных исследований, 10 апреля 65% поляков не собираются каким-либо образом чтить память жертв смоленской катастрофы. 15% планируют это сделать, 20% еще не приняли решение. («Ньюсуик-Польша», 10-15 апр.)

- «В подготовке зарубежных поездок государственных лидеров участвуют несколько институций: канцелярии президента и премьер-министра, МИД, Бюро охраны правительства (БОП), а до недавнего времени еще и спецполк, обслуживавший полеты официальных делегаций (расформирован в прошлом году). Высшая контрольная палата (ВКП) проверила, как выглядело их сотрудничество в 2005-2010 годах. Результаты проверки ужасают: все эти институции нарушали существующие правила (...) С президентом и премьером летали неопытные офицеры, которые не только не знали правил гражданской авиации, но даже не говорили по-английски (лишь 35% летчиков знали этот язык в достаточной степени) (...) БОП не изучило ситуацию на аэродроме «Северный» (...) Руководство канцелярии премьер-министра смотрело сквозь пальцы на то, что президентская администрация не предоставила (...) список

пассажиров, а также не указала даты и время прилетов и отлетов (...) По данным ВКП, полет 10 апреля был незаконным. С формальной точки зрения, смоленский аэродром в тот день был закрыт». («Впрост», 18 марта)

- «75 лет назад началась «польская операция» НКВД, в рамках которой было убито более 130 тыс. поляков, живших в СССР (...) Если в 1937–1939 гг. из всех арестованных НКВД (независимо от национальности) к смерти приговорили 20%, то среди арестованных поляков доля приговоренных к смерти составила 80%». (Петр Косцинский, «Жечпосполита», 17–18 марта)

- «В течение десятилетия число посетителей Государственного музея Аушвиц–Биркенау выросло почти втрое и приблизилось к 1,5 млн. человек в год. «Если посещаемость будет расти в таком темпе, то необходимо будет ввести лимит посетителей», — предупреждает дирекция музея (...) Чаще всего в Аушвиц приезжают из Польши (610 тыс. человек в год), Великобритании (82 тыс.), Италии (78 тыс.), Израиля (62 тыс.), Германии (58 тыс.), Франции (56 тыс.), США (52 тыс.), Испании (46 тыс.), Чехии и Южной Кореи (по 43 тыс.)». («Газета wyborча», 20 марта)

- В баварском доме престарелых на 92 м году жизни умер Иван Демьянюк, бывший охранник в лагере смерти Собибор, признанный мюнхенским судом соучастником убийства 28 060 человек. («Жечпосполита», 19 марта)

- «Как сообщило МВД, в прошлом году в Польше произошло 90 инцидентов расистского характера, в т.ч. десять в Подлясье, где, в частности, был разрушен памятник убитым евреям». («Жечпосполита», 22 марта)

- Неизвестные преступники осквернили могилу родителей Адама Михника на кладбище Старые Повонзки. За последние шесть лет это произошло в третий раз. На перевернутом надгробии хулиганы намалевали звезду Давида на виселице. («Газета wyborча», 21 марта)

- «Результаты опросов поразительны (...) Польская идентификация у нас повсеместна и очень сильна. Мы ощущаем себя в большей степени поляками, чем, скажем, европейцами (...) И даже в большей степени поляками, чем просто людьми», — Михал Билевич, руководитель Центра изучения предубеждений Варшавского университета. («Политика», 15–21 февр.)

- «Пять человек ведут в столице голодовку в знак протеста против планов (...) ограничить уроки истории в средних школах. Это продолжение голодовки, объявленной в пятницу в Кракове». («Жечпосполита», 2 апр.)

- «Я не восхищаюсь польскостью, как не восхищаюсь и человечеством вообще. Моя жизненная философия сводится к словам Софокла: «Не родиться совсем — удел лучший». Тогда бы мне не пришлось сейчас разговаривать с журналистами или слушать, что Ярослав Качинский хочет сказать на тему патриотизма», — Анджей Млечко, художник, сатирик. («Газета wyborcza», 24-25 марта)

- «Вскоре государства ЕС передадут нам 12 тыс. арестованных и осужденных там поляков (...) В прошлом году полиция 384 авиарейсами перевезла в Польшу 1425 заключенных (с учетом автотранспорта — 2040) (...) Из года в год эти цифры растут. Настолько, что в 2001 г. полиция создала три воздушных моста: она конвоирует преступников арендованными у армии самолетами из Лондона, Мадрида (через Париж) и Амстердама. «Геркулесы» и CASA приземляются в Окентье чаще раза в неделю (в 2011 г. было в общей сложности 65 таких рейсов) (...) В настоящее время в местах предварительного заключения стран Евросоюза находятся около 8 тыс. поляков, в тюрьмах — 3,5 тыс. уже осужденных». («Газета wyborcza», 24-25 марта)

- «Только в прошлом году государство выплатило 13,5 млн. злотых компенсаций за необоснованные задержания и аресты. С сотрудников полиции, принимавших незаконные решения, ему удалось взыскать всего 14,4 тыс. злотых. На протяжении 13 лет!» («Газета wyborcza», 13 марта)

- «Меняется сама природа коррупционных преступлений. «Когда-то это была т.н. «белая коррупция», сосредоточенная на получении доступа к политику или чиновнику и его подкупе. Сегодня это «черная коррупция» — всё более сложная, использующая специальные знания о конкурсах, расходовании европейских дотаций, создании очень подробных законодательных актов», — говорит политолог Войцех Яблонский». («Дзенник — Газета правна», 16-18 марта)

- «Сколько стоит плохое законодательство? Проф. Кшиштоф Рыбинский перечисляет: «Стоимость патологических налоговых льгот, которые, по мнению министерства финансов, не выполняют никаких социальных функций, достигает 70 млрд. злотых. Стоимость отсутствия предписаний, противодействующих чрезмерному потреблению алкоголя, — около 2% ВВП ежегодно.

Существование 300 закрытых профессий приводит к очередным миллиардам потерь, росту безработицы и замедлению экономики. Законодательный понос ведет также к огромному увеличению числа чиновников — ежегодное содержание этих дополнительных чиновников обходится налогоплательщикам в 5 млрд. злотых». (Томаш Мольга, «Впрост», 1 апр.)

- «За одно заседание Катовицкий окружной суд отменил 105 из 107 заявленных министерством юстиции приговоров районных военных судов, вынесенных в 1944–1955 годах». («Дзенник — Газета Польска», 23–25 марта)

- «Верховный суд окончательно оправдал командира и двух рядовых, обвинявшихся в совершении военного преступления (в августе 2008 г. они обстреляли афганскую деревню Нангар-Хель, в результате чего погибли восемь мирных жителей). Четверо солдат вновь предстанут перед судом: их показания противоречили друг другу». («Тыгодник повшехный», 25 марта)

- «После Нангар-Хеля у нас останется неприятный осадок, независимо от того, каким будет окончательное решение суда. В нашей памяти останутся маленькие дети, разорванные польскими гранатами». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 17–18 марта)

- «С сегодняшнего дня вступил в действие закон о ветеранах. Несколько десятков тысяч солдат и офицеров, участвовавших в миссиях начиная с 1953 г., получают особый статус. Это означает новые привилегии и государственную помощь». («Газета wyborча», 30 марта)

- «Бывшему директору Агентства разведки Збигневу Семёнтковскому предъявлено обвинение в причастности к созданию в Польше центра, в котором в 2002–2003 гг. ЦРУ держало в заключении пленных, подозреваемых в терроризме (...) Предъявление обвинения стало возможным лишь благодаря тому, что в конце 2011 г. прокуратура получила от Агентства разведки полную документацию по сотрудничеству с ЦРУ в первый период войны с терроризмом. Среди документов были и детали создания подчиненного американцам центра на территории разведшколы в Старых Кейкутах». (Войцех Чухновский, Адам Кшиковский, «Газета wyborча», 27 марта)

- «Обвинение, предъявленное прокуратурой бывшему директору Агентства разведки Збигневу Семёнтковскому, в очередной раз подрывает доверие к нам как к союзнику. Не

менее опасным может оказаться обнародование фамилий лиц, сотрудничавших со спецслужбами США. На протяжении более чем 20 летней истории Третьей Речи Посполитой это по меньшей мере третий случай нарушения тайны разведки». (Элиза Ольчик, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 28 марта)

- «В настоящее время Польша продвинулась в расследовании обвинений, касающихся тайных тюрем ЦРУ, дальше других европейских государств», — подчеркнул вчера в Брюсселе Адам Боднар из Хельсинского фонда по правам человека. («Газета выборча», 28 марта)

- «Во время проведения Евро-2012 Польша по требованию УЕФА приостановит действие некоторых своих законов. Мы лишимся части своего суверенитета. В результате чемпионата Европы (...) власть в нашей стране захватит УЕФА (...) Польша обязуется (...) изменить свое налоговое законодательство, законы об интеллектуальной собственности и госзаказах так, чтобы они максимально защищали экономические интересы УЕФА (...) Каждый город должен бесплатно предоставить рекламную поверхность в ключевых районах и украсить ее к Евро-2012 по утвержденным УЕФА проектам (...) «Управление по защите конкуренции и потребителей (УЗКП) представило замечания к регламенту Евро-2012 (...) Мы решили подать на УЕФА в суд», — говорит Агнешка Майхшак из УЗКП (...) Это первый официальный протест против всевластия УЕФА. Протест символический...» (Адам Гжещак, «Политика», 28 марта — 3 апр.)

- «Вместе с болельщиками на Евро-2012 в Польшу приедут тысячи проституток. Некоторые из них могут быть носительницами ВИЧ (...) Эта проблема особенно серьезна, поскольку число заражений в Польше растет». («Жечпосполита», 13 марта)

- «Согласно опросу ЦИОМа, 67% поляков отрицательно оценивают деятельность кабинета Туска, а 25% — положительно. По сравнению с февралем отрицательных оценок стало на 6% больше, а положительных — на 3% меньше. 57% опрошенных недовольны тем, что должность премьер-министра занимает Дональд Туск, противоположного мнения придерживаются 33%. 65% респондентов (на 7% больше по сравнению с февралем) считают, что политика правительства не дает шансов на улучшение экономической ситуации». («Жечпосполита», 27 марта)

- «Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 8-14 марта, после парламентских выборов доверие к Дональду Туску упало с 54 до

36%. За это же время недоверие к нему выросло с 29 до 45% (...) Доверие к Ярославу Качинскому выросло на 5% (до 32%), а недоверие упало на целых 9% (до 48%) (...) Лидером рейтинга доверия неизменно остается Бронислав Коморовский. Президенту доверяют 68% опрошенных (на 4% больше, чем месяц назад) (...) Второе место занимает Радослав Сикорский (45%). За ним следуют политики Союза демократических левых сил Рышард Калиш (43%) и Лешек Миллер (36%)». («Газета wyborcza», 29 марта)

- Согласно опросу TNS ЦИМО, проведенному 15-18 марта, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 29% поляков, ПиС — 25%, Движение Паликота — 12%, СДЛС — 7%, ПСЛ — 5%. Не определились с выбором 17% опрошенных. («Газета wyborcza», 22 марта)

- «Крестьянин из Варминско-Мазурского воеводства должен заплатить 101 тыс. злотых за вырубку тополя, а владелец земельного участка в Лодзи — 150 тыс. за вырубленный бук. Ни тому, ни другому не удалось добиться изменения этих решений в административном суде, поэтому они подали жалобы в Конституционный суд». (Рената Крупа-Домбровская, «Жечпосполита», 13 марта)

- «Во время инвентаризации рефугиума «Натура 2000 Журавце» на Замойщине (в нескольких километрах от границы с Украиной) глазам натуралистов (...) предстало жуткое зрелище. Почти все сто росших там экземпляров ятрышника пурпурного были выкопаны (...) Уничтожено одно из богатейших мест произрастания этого редкого и охраняемого вида, занесенного в Польскую Красную книгу растений. Виновники не найдены». (Кшиштоф Войцеховский, «Дзике жиче», апрель)

- Благодаря протесту экологических организаций генеральный директор по охране окружающей среды признал недействительным решение ольштынского регионального директора, разрешающее отстрел 250 воронов, 190 серых ворон и 600 сорок. («Дзике жиче», март)

- Эколого-культурное общество «Клуб Гайя» добилось отмены разрешения на отпугивание и отстрел больших бакланов в долине Сана. Разрешение выдала Генеральная дирекция по охране окружающей среды, а отменил его вчера Варшавский воеводский административный суд. С просьбой о выдаче этого разрешения обратилось правление перемышльского округа Польского союза рыболовов. («Жечпосполита», «Дзенник — Газета правна», 16-18 марта)

- «Исключения, допущенные в строгой охране некоторых видов животных, противоречат европейскому законодательству (...) Такое решение принял вчера Европейский суд справедливости (...) В 2010 г. Еврокомиссия подала против Польши иск (...) Суд признал его обоснованным. На Польшу не был наложен штраф, однако ей придется оплатить судебные издержки и изменить законодательство». (Лукаш Кулиговский, «Дзенник — Газета правна», 16-18 марта)

- «Убивают уток, рябчиков, куропаток, вальдшнепов, лысух, голубей, фазанов и гусей. Ежегодно погибает около 700 тыс. застреленных на месте или раненых птиц (...) Планируется гражданская законодательная инициатива — ввести запрет на отстрел птиц (...) Охотники подвергаются общественному ostrакизму. Птицы — не живые мишени», — Зенон Кручинский из Лаборатории защиты всех живых существ. («Политика», 14-20 марта)

- «Убийство животных было и остается простым и повсеместно распространенным. Многие люди вообще не видят причин изменять это или говорить об этом. Они воспринимают это как истерию, искусственную тему, претенциозность, сверхчувствительность, часто относятся к этому с раздражением или иронией (...) У человека, который убивает животное ради спорта, сидит в засаде, чтобы застрелить пасущуюся косулю, должно быть что-то не в порядке с эмоциями, состраданием, воображением и сердцем», — Ольга Токарчук. (Тыгодник повшехный», 8 апр.)

- «Люди всё чаще реагируют на случаи плохого обращения с животными (...) Благодаря вмешательству прохожей осужден владелец повозки, стоявшей у вокзала в Закопане. Женщину удивило, почему у лошади свешивается изо рта язык. Оказалось, что это результат сильно затянутого, заржавевшего удила. У животного были раны». (Ярослав Сидорович, «Газета wyborча», 10 апр.)

- Первый в Польше гнездовой столб для стрижей будет поставлен в Бялоленке. Стрижи смогут поселиться там и вывести потомство. Столичное Общество защиты птиц объявило конкурс на проект башни для стрижей, а районные власти выделили 60 тыс. злотых на ее строительство. В ней найдется место для сотен гнезд. («Жечпосполита», 22 марта)

- «Открылось «окно жизни» для... животных. Ненужных кошек, собак, черепах или кроликов можно принести в «окно жизни» вместо того, чтобы выбрасывать на улицу. Завтра состоится открытие. Пункт на ул. Вольской открывает «Охрана

животных». В этом месте находится ее клиника (...) К такому шагу «охранников» склонило огромное количество животных, которых они находили в лесу и на улице (...) «Охрана» обещает, что животные найдут приют в клинике. Их ожидают 90 боксов». («Жечпосполита», 14 марта)

- «56 организаций по защите животных сочли «окно жизни» опасной и общественно вредной инициативой, поскольку она пропагандирует мысль, что человек не несет ответственности за своих подопечных и может в любой момент от них избавиться». («Польска», 30 марта)

- «После двух дней работы «Охрана животных» закрыла свое «окно жизни». Почему? Слишком много приносили туда ненужных кошек и собак (...) «В течение двух дней заполнились все места, — говорит Том Юстынярский, пресс-секретарь «Охраны животных». — Мы приняли 90 четвероногих»». («Жечпосполита», 19 марта)

ДАВАЙТЕ УВАЖАТЬ «СМОЛЕНСКУЮ» ПОЛЬШУ

— Можно ли говорить, что «смоленская религия» пришла у правых на смену «религии люстрации»? Так считает Славомир Сераковский, главный редактор «Критики политичной» («Политической критики»).

— Можно и так сказать. Вся стратегия Качинского начиная с 1989 г. была направлена на глубокое размежевание общества. Однако и риторика, и целый набор лозунгов, предлагавшихся «Соглашением Центр», а затем и партией «Право и справедливость», были куда более значительными. Они боролись с «красными», с левыми, а затем всё более — с либеральной частью элиты, вышедшей из «Солидарности». Они боролись против «связей», против коррупции. Но потом сам Ярослав Качинский перестал упоминать о «связях», о коррупции; стал восхвалять как патриота Эдварда Герека...

В данный момент подлинным элементом, организующим воображение и направляющим действия людей из ПиС, стала борьба за интерпретацию смоленской трагедии.

Качинский всё больше склоняется к тому, чтобы принять тезис о покушении на брата. Он говорит о внешних силах и силах внутри самой Польши, которые это использовали. Нетрудно догадаться, что он имеет в виду Туска и Путина. Качинский и ПиС создают собственное контр-общество и контр-государство, с собственными традициями, собственными праздниками и собственными СМИ. Очерчивая границы распространения своей власти, они множат памятники, мемориальные доски и улицы, названные именем Леха Качинского.

— Когда Ярослав Качинский называет «свои» СМИ, речь, видимо, идет о свящ. Рыдзике и о «Газете польской»? Удастся ли Качинскому добиться успеха в общественном размежевании Польши?

— Политическое размежевание в условиях демократии — дело обычное. Проблема здесь заключается в том, что мы имеем дело с размежеванием двух реальностей. Опросы свидетельствуют о том, что примерно четверть всех поляков соглашается с той интерпретацией истории, которую выдвигает ПиС. Но и этого

количества людей довольно много, и над этим необходимо задуматься. Об этом писал в «Газете выборчей» Марек Бейлин; он говорил, что следует серьезно относиться к этому — как он называет — «смоленскому народу». Я с этим согласен. Как-то мало хорошего в том, что эмоции значительной части общества подвергаются манипулированию со стороны Качинского и других деятелей Пис. Есть ведь и гораздо более глубокие и более серьезные источники веры в теорию покушения; они коренятся в социальном, экономическом и нравственном положении этих людей.

— Как можно договориться со «смоленским народом»? Ведь это его представители сожгли перед российским посольством болтавшееся на виселице чучелко утенка Дональда Дака.

— Речь идет не о тех, кто непосредственно участвует в демонстрациях. Речь идет о тех 25% поляков, которые отождествляют себя с той картиной новейшей истории, которую представляет им Ярослав Качинский. Картиной, которую можно квалифицировать как одно большое обвинение тех, кто сейчас находится у власти в Польше, в преступлении и предательстве.

Но даже если мы считаем, что такая интерпретация нерациональна — а зачастую она бывает таковой и по вине власти, которая не смогла популяризировать правду о фактах, — к ней нельзя относиться пренебрежительно, презрительно или враждебно. Такое отношение может лишь на время удовлетворить тех, кто живет с ощущением, что он лучше, умнее и рациональнее. Но оно не может служить интеграции общества, способствовать преодолению глубоких разногласий и конфликтов. Ну и, конечно, не дает Польше больше шансов.

В смоленском деле надо видеть не только борьбу с абсурдными утверждениями о тумане или каких-то двух взрывах — здесь речь идет о борьбе за самосознание общества, а это имеет гораздо более широкие рамки, чем только вопрос о Смоленске.

— Кто может выиграть в борьбе за общественное сознание этой группы, этого «смоленского народа»? Качинский или Туск? Качинский на митинге перед Президентским дворцом несколько раз говорил о победе.

— «Смоленский народ» — плохое определение, в нем уже сокрыт элемент пренебрежения, иронии. Я предпочел бы говорить о той части польского общества, у которой есть ощущение своей беспомощности, комплекс лилипута, которая

не в состоянии справиться с реальностью и у которой часто теории заговора чрезвычайно популярны.

В любом обществе есть группы более чувствительные к таким интерпретациям, ибо реальность превышает их возможности, они настолько ощущают свою беспомощность перед ней, что пытаются найти некие чудовищные механизмы, скрывающиеся в этой реальности.

Убедить часть общества в более рациональном подходе к интерпретированию смоленской катастрофы наверное не удастся, но можно попытаться снизить уровень враждебности и отчуждения, хотя бы проявляя большее понимание и большее желание разговаривать. Ну и можно по крайней мере относиться к ним с уважением и проявлять добрую волю в деле поиска других источников их страхов и фрустрации.

— Целых 34% поляков утверждают, что польские власти вместе с российскими скрывают часть правды о катастрофе.

— Тут наверняка частичная ответственность лежит на власти: способна ли она вести разговор с обществом, давать ему объяснения. Наша политическая жизнь измельчала, почти нет настоящих дебатов, парламентской жизни, оказавшейся под влиянием вождистских партий. Подлинные дебаты — как исключение — касались лишь пенсионной реформы.

— Есть ли шансы у Качинского выиграть выборы и стать премьер-министром? Вчера на митинге он говорил, что создание Четвертой Речи Посполитой опять возобновилось.

— Его победа маловероятна. Риторика ПиС весьма убога. Качинский во многом утратил свою способность интерпретировать и навязывать другим свое понимание политических процессов и истории. Но надо также отметить, что во время выступления на Краковском Предместье Ярослав Качинский не только вспоминал — как в прошлом году — о «преданных на рассвете», но сильно расширил фронт — и здесь обозначился контур его новой стратегии. Он говорил о нападках на Церковь, на преподавание истории, на культуру, на общественное телевидение, на бедных, на пенсионеров, на больных, на рабочие места, говорил о разграблении национального достояния. Он вел наступление по всем направлениям!

Шансы Качинского зависят от трех факторов. Во-первых, от глубины кризиса. Пока что Польша защищается совсем

неплохо, прогноз на этот год носит позитивный характер. Но любое ухудшение конъюнктуры будет выгодно Качинскому.

Во-вторых, его шансы зависят от способности правящих кругов налаживать диалог с обществом, убеждать в необходимости перемен. А этого невозможно достичь с помощью высокомерного молчания людей во власти.

В-третьих, его шансы зависят от способности ПиС создать коалицию. Пока что ни одна из партий не готова входить с ними в соглашение.

Беседу вела Агнешка Кублик

НЕ БОЮСЬ НИЧЕГО, КРОМЕ ГРЕХА

— Сейчас заварю чай. Экономки у меня нет.

— На ваших плечах весь приход в Ясенице. Как вы управляетесь?

— Через три года после рукоположения я выехал в СССР, думая, что еду в помощь старому больному ксендзу. Но архиепископ Тадеуш Кондрусевич просветил меня: «У нас нет викариев; если священник слабый, получает один приход; когда уже освоится — второй, а потом третий. Если вижу, что он справляется, поручаю четыре прихода».

Я был потрясен. На Пасху служил четыре заутрени: первую в четыре утра, вторую в шесть, а потом в девять и в двенадцать. Я не мог себе представить, как скажу какой-либо из общин, что у них не будет пасхальной заутрени.

Когда затем я передал один из приходов другому священнику, то неожиданно почувствовал себя ненужным.

Поначалу я жил у двух старушек, которые мне готовили. Если оставлял на тарелке два кусочка, они плакали, что, стало быть, мне невкусно. Когда я вернулся с погребения на час позже, они переживали, что всё остыло. Потом я стал жить один и мог один и тот же суп есть четыре дня. Здесь у меня похоже: я один и, к счастью, без экономки.

— Сейчас у вас будет меньше обязанностей: архиепископ Генрик Хосер запретил вам преподавать Закон Божий в школе. За что?

— Епископ сказал мне об этом в Пепельную среду. Он объяснил, что это за мое творчество. Но я ведь никого не обидел. Бичевание зла, хотя бы даже среди клириков, — это не преступление. А встать на защиту обиженных — обязанность. Я догадываюсь, что всё это связано с моим ответом на открытое письмо епископа Веслава Меринга.

— Епископ Меринг нападал на Нергаля, а также на отца Бонецкого, на Магдалену Сьроду. Почему вы защищали Нергаля? Он разорвал Библию, говорил о ней вульгарно.

— Конечно, меня возмущает то, что он сделал с Библией и как выражался. Но нельзя же, публично реагируя на единичное зло, дискредитировать отца Бонецкого, пани Сьроду, ее отца или кого-либо иного. Это негоже не только епископу, но и христианину.

— Вы критиковали также архиепископа Хосера, когда он промолчал после надругательства над могилой красноармейцев в Оссове под Варшавой. Допустимо ли публично критиковать начальство?

— Я долго ждал реакции. После очередных актов вандализма состоялась встреча священников. Архиепископ говорил о многом, но об этом ни слова. Меня это поразило. Как и более позднее разъяснение: пусть могилами большевиков занимаются православные.

А ведь было бы достаточно, чтобы епископ пришел на это место и помолился за умерших. Я далек от того, чтобы с лупой выслеживать любой промах иерархов, но публичное событие требует публичного отклика. Незаклейменная ненависть быстро распространяется. Некоторые сочли отсутствие отклика за разрешение.

— С одной стороны, свобода личности, в данном случае священника, высказывание в соответствии с собственной совестью, а с другой — иерархизированный институт — Церковь. Одно должно происходить за счет другого?

— Нет. Это моя Церковь. Я в ней дома — и не представляю себе жизни вне Церкви. Думаю, что многие только покачали бы головой с пониманием и облегчением, если бы я бросил сутану или попросил о переводе в другую епархию. Увы, я чувствую, что вокруг меня образуется своего рода вакуум, мне трудно найти священника в помощь на предпраздничную исповедь или на говенье. Я вынужден искать по монастырям, в соседних округах. А тех немногих, кто со мной сотрудничает, я иногда спрашиваю, не боятся ли они от меня заразиться.

— Где же в таком случае в Церкви место для свободы?

— В Церкви много места для свободы. Истинная Церковь — это Церковь свободных людей. Когда-то я боялся, что меня не рукоположат во диакона. Моя совесть была чиста, но я чувствовал страх, стресс, опасения. После рукоположения я сказал себе: теперь я не буду бояться ничего, кроме греха. Ибо надо делать то, в чем ты убежден.

В первом приходе от благочинного слышу: мы на собрании решили, что поминовение будет стоить столько-то. Я ему на это сказал, что возьму столько, сколько дадут верующие. А он: значит, через полгода вас здесь не будет. И действительно, за полгода он меня сплавил. Но я чувствовал, что не изменил себе. Мне никто не скажет, что я должен говорить в проповеди или как наставлять в вере. Епископ не может меня наказать без преступления. Он может отозвать благословение учить детей в школе, ибо это суверенное решение епископа, которое не нуждается в обосновании. Ну, так он и сделал.

Пространство свободы огромно, и иерархи понемногу это осознают для себя. Они всё еще живут в системе, где если сказано «нельзя», «запрещаю», «сделай», то любой сразу повинует. Но люди все чаще спрашивают: а почему?

— От епископов католик все время слышит, например, осуждение *in vitro*. Где проходит разумная граница, разделяющая государство и Церковь? Вот снова развернулась дискуссия об *in vitro*. Несколько законопроектов уже подано в Сейм. Епископат хотел бы запрета. Но не все граждане — католики.

— Если бы в Польше было законодательство, подобное китайскому, предписывающее аборт семье, в которой уже есть один ребенок, то Церковь должна была бы громко воспротивиться. Но то, что можно купить алкоголь, не значит, что мы должны напиваться. То, что закон разрешает *in vitro* или аборты, вовсе не значит, что кого-то к этому принуждают. Сращение Церкви с государством — это дорога в никуда. Мы должны так проповедовать Евангелие, чтобы убедить человека, а не принудить. Не следует закрывать полгорода, если Церковь организует уличное шествие. А полиция должна обеспечить безопасность, чтобы какой-нибудь идиот не въехал в крестный ход на машине. Государство не должно нам сооружать храм Провидения, но мы имеем право настаивать, чтобы никто нам не рушил костелы и не мешал богослужению. Такой аспект сотрудничества государства и Церкви я считаю желательным и очевидным.

— А финансирование Церкви? Должен ли атеист своими налогами ее поддерживать? Правительство хочет ликвидировать Церковный фонд, а вместо этого добровольно отдавать 0,3% налогов.

— Церковь многие века была связана с престолом. И привыкла функционировать, используя государственные механизмы. Так не должно быть. Но трудно отказаться от того, что уже получил.

Я за ликвидацию Церковного фонда. Я пошел бы даже дальше и вообще отказался от денег из бюджета на церковную деятельность. Я бы предложил верующим добровольный налог, как в Германии, Испании, Австрии. И верю, что очень многие верующие приняли бы на себя такое добровольное обязательство в пользу Церкви.

Кроме того, я боюсь, что даже если бы мы получили столько, сколько хотим, то священники через минуту спросят: кто нам теперь будет платить добровольные? Священники не верят куриям. Если туда пойдут деньги, они попадут в черную дыру.

— Кто в таком случае должен был бы оплачивать священникам пенсионные взносы?

— Конечно, сами священники. То есть общины, в которых они служат. Священник должен заботиться о приходе, а не о своих накоплениях. Ему не нужны деньги. Довольно, чтобы у него было тепло в доме, горячая пища, а со временем достойная старость. Это в состоянии обеспечить община. Мне нравится старая традиция, когда ксендз-пенсионер оставался при приходе. Я помню по приходу в Милянковке четырех пожилых ксендзов-пенсионеров при алтаре. Они чувствовали себя по-прежнему нужными, а приход чувствовал свою ответственность за них. Тогда ощущается настоящая община.

— Церковь выполняет полезную работу. Клирики утверждают, что помогают государству: содержат приюты, различные центры помощи, ремонтируют костелы, — поэтому имеют право требовать финансовой поддержки.

— Христиане, которые перестают поддерживать нуждающихся, перестают быть христианами. Мы помогаем не потому, что государство дает нам деньги, чтобы у нас было чем помогать. Просто мы как христиане чувствуем себя обязанными к этому. Благотворитель может ходатайствовать о дотациях, а не требовать их.

— Из вашего блога: «Наши польские епископы чутко охраняют накопленное Церковью, публично и громко выступают в его защиту. Жаль, что столь же весомо не прозвучал голос в защиту людей, которых выгоняют из их домов, лишают заработанного за всю жизнь, в защиту подвергшихся раскулачиванию, национализации, переселению, лишенных собственности, униженных, третиравшихся оккупантами всех мастей».

— Я думал о гражданах нашей страны, которые, например, с Мазур выезжали в Германию, оставили за Бугом накопленное за всю жизнь, о тех, кто безрезультатно требует возврата имущества, которое называют «оставшимся от евреев». Когда появилась перспектива компенсаций, возмещений, исков с их стороны, я не припомню, чтобы Церковь поддержала эти усилия и сказала бы, что надо вернуть то, что забрали. А когда дело касается возврата церковного имущества, то мы слышим, что Церкви еще не всё вернули. Там речь шла о 10-17% компенсации, здесь же о 60-70% — и всё мало. Почему мы должны относиться к Церкви иначе, чем к обычным гражданам? Тем более что мы обращаемся не к Международному трибуналу, который бы истребовал от исполнителей то, что нам принадлежит, но хотим, чтобы демократическое правительство нашей страны забрало у граждан деньги, которые затем возвратит Церкви. Если бы коммунисты придерживали где-то церковное имущество, то можно бы его отобрать. А если там теперь школа с интернатом, как тогда решить? Конечно, это непорядок, что имущество Церкви изъято, но как оценить национализацию промышленности и раздел общинных земель? Свои интересы Церковь мерит иной мерой, нежели обиды других.

— Но ведь эти компенсации и земли Церковь использует на общественную пользу.

— А вы в этом уверены? Далеко не так, чтобы 100% этих средств Церковь предназначала на благотворительность. Кто знает, быть может, если бы был возвращен украденный участок в центре Варшавы, то прежний владелец, возможно, построил бы там хоспис, а не офисное здание?

— А чем именно должен заниматься сегодня священник, что у него самое главное? Помощь убогим, наставление в вере или, может быть, отслеживание вопросов с пограничья государства и Церкви?

— Овсяк и Охойская и так стыдят Церковь за благотворительность. Не скажу, что мы от нее бежим, но главная задача священника — это не строительство костелов или инвестиции и поддержка бедных, но проповедь Евангелия. Конечно, нуждающихся, которых встречаем, мы должны охватить заботой, но мы должны вести людей к жизни вечной.

— А достаточно ли, если священник только лишь выступает с проповедями?

— Я уверен, что если он будет стараться делать это хорошо, то найдет место и для деятельности иного рода. Но всё должно быть на своем месте. Помню, как-то я попросил ксендза перед мессой, чтобы он сказал людям несколько слов о Евхаристии. А он испугался: «Прямо сейчас говорить?» И побежал искать книгу.

— **А почему вы стали священником?**

— Не было никакого знамения свыше. В нашем приходе был викарий. Он совершенно не справлялся с религиозным обучением. Мы ему на голову садились. Вот я и подумал: я бы это сделал лучше. Это было еще до средней школы — так всё началось.

— **Кто был для вас примером?**

— У меня был удивительный руководитель дипломной работы — о. Богуслав Инлендер. Танкист. Любой предмет мог толково объяснить. Когда в 1983 г. русские сбили корейский пассажирский самолет, кто-то из наших харцерских лидеров сказал: ситуация недвусмысленная, убийство. А он нам сделал полторачасовой доклад о самолетах-шпионах, показал сложность ситуации. Он научил меня открытости, тому, что не бывает простых ситуаций. Если кто-то кажется воплощенным злом, найди в нем крупицу добра, если кажется кристальным — присмотрись к нему хорошенько, увидь в нем человека, а не идеал.

Прекрасный человек епископ Кендзёра. Иду по коридору, а он подметает. Вице-ректор! Такие картинки запоминаются на всю жизнь. Или епископ Крашевский, который мог с ксендзом есть яичницу с одной сковороды.

Церковь должна научить этой близости к человеку. Надо только следить, чтобы не пересолить, не влезть в чью-то жизнь с сапогами.

— **А семинария? Там хорошо готовили, чтобы стать священником?**

— Богословские знания можно было получить неплохие. Это было столпотворение, не то, что сейчас. Нас было 350, в комнате жило 12 человек, отчасти как коммуна. Но я помню также угнетавшие меня высказывания преподавателей о православных, мусульманах, евреях.

— **Перед костелом в Ясенице я видела необычный памятник**
— **Памяти детей еврейского народа, убитых «Иродами».**

— Эти каменные мацевы уже давно какой-то ксендз привез в Тлуц из Отвоцка. Я несколько лет раздумывал, как их благочестиво использовать. Когда я их готовил к монтажу, пришло письмо из курии: «Прекратить проводимые работы». Я провел своего рода референдум в приходе, считая, что памятник потеряет смысл, если его соорудить вопреки воле прихожан. Только 16 человек было против, а более тысячи — за. И памятник поставили. В костеле на шкафчике со Священным Писанием я устроил занавески в виде свитков Торы. Прибыла комиссия из курии, велела убрать, ибо это «недопустимое уподобление костела синагоге». Посоветовали, чтобы я так сделал в своей комнате. Я обратился к епископу, епископ сказал: я должен приехать, посмотреть. Почти три года прошло, пока что не приехал. Памятник стоит, шкафчиком пользуются верующие.

— В Церкви допустимо национал-демократическое, антисемитское мышление? Епископы промолчали, когда в Едвабном кто-то написал на памятнике: «Отлично горели» — и нарисовал свастику. Вы упрекнули епископат, что он этого не осудил. Один из преподавателей семинарии поделился наблюдением, что молодые люди, которые становятся клириками, всё чаще имеют сильные ультраправые, антилиберальные, национал-демократические и антисемитские установки. Вы замечали что-либо подобное в Церкви?

— Мои исторические знания на тему Катастрофы были после семинарии нулевыми. Много лет назад история Едвабного меня потрясла. Я был уверен, что это затронуло всех. Что Церковь сейчас задумается. Когда епископы не поехали на государственные мероприятия, я думал, что они хотят поехать отдельно. Не поехали. Еврейских детей бросали в горящий сарай — мне казалось, что это не может уместиться в сознании какого бы о ни было священника. Я говорил об этом с моим коллегой, ректором семинарии. Он спросил, зачем я этим занимаюсь. И добавил, что он этого не чувствует и потому «не вводит этого в семинарии». А если он этого не делает, образуется пространство для других интерпретаций: Ежи Роберта Новака или свящ. Хростовского, который считает, что поляки за Едвабное и за иные причиненные евреям обиды не должны просить прощения.

— Вы опасаетесь расцерковления? Всё меньше людей ходит в костел.

— Расцерковление — это факт. А если мы дальше будем поступать так, как поступаем, многие из тех людей, которые

отступились, не вернутся. Так обращаться с верующими — это выталкивать их из Церкви. Уровень проповеди во многих костелах позорно низок. Ксендзы говорят, что в костеле была толпа, пожертвований достаточно. Но если спросить людей, что они услышали на проповеди, то часть была бы не в состоянии ничего сказать, а часть услышала то же, что и от журналистов: политические оценки, не имеющие ничего общего с Евангелием. Как-то я в соседнем приходе видел, какие безобразия устраивали перед костелом во время мессы готовившиеся к конфирмации. Я подумал: если им сейчас всё равно, то кто склонит тех, которые на пять-семь лет старше, ходить в костел? Они видят, что никто ими не интересуется. Мой знакомый ксендз разослал именнные приглашения на годовщину конфирмации. Пришли два человека. Но он хотя бы постарался. А наша Церковь вообще не делает ничего, чтобы этих людей привлечь.

— Тогда каково же в этом обществе — всё более либеральном — место Церкви?

— Рядом с человеком. То есть, когда придут с просьбой крестить ребенка, надо встретить как братьев, сказать слово о крещении. На свадьбе говорить не о разводах и абортах, но о чуде любви. На похоронах сказать что-то, что вдохнет христианскую надежду. Тогда люди вернутся. Может, не обязательно будут ходить каждое воскресенье.

— Крестить ребенка, рожденного вне церковного брака?

— Конечно, да. Может быть, через какое-то время родители попросят о таинстве брака. А может, и нет. Но мы заботимся о том, что уже имеем. Когда один из затворников громыхал: вы в костел не ходите, аборт делаете, алкоголь пьете, — пенсионерка с четками в руках спросила: «Мы?» Мы наставляем тех, кто в порядке. Кто пришел, тому и проповедуем.

Скажем же что-то, чтобы потом они могли радоваться: «Боже, как хорошо, что я пришел».

— В Польше идет борьба с Церковью? «Образ польского священника начинает напоминать образ еврея с фашистских листовок», — так написал о. Генрик Зелинский в католическом еженедельнике «Идземы». А вот цитата из архиепископа Михалика: «Мы видим, как планомерно атакуют сегодня Церковь различные вольномыслящие, атеистические и масонские круги».

— Я не помню, как было в Польше в сталинские времена, так что об этом не скажу, но на востоке я видел разграбленные, уничтоженные, разрушенные костелы. Я говорил с людьми, которые сидели в тюрьме за то, что были католиками. С людьми, которые потеряли работу, потому что окрестили ребенка или пригласили ксендза на похороны матери. Поэтому, если кто-то говорит мне, что Церковь в Польше преследуют, я отвечаю: «Ты бредишь». Мы можем говорить, что Церковь чувствовала бы себя значительно комфортнее, если бы власти сделали то и не делали этого. Но с преследованием здесь ничего общего.

— Когда средства массовой информации заявляют о педофильских скандалах в Церкви, некоторые клирики тоже трактуют это как нападки.

— У Церкви в Польше проблемы с признанием ошибок. В делах о педофилии, похоже, как и в делах Едвабного. Надо извиниться перед общественностью. О грехах Церкви молчат епископы, молчит католическая пресса. Люди читают и светские газеты, сравнивают и приходят в недоумение. Это не может закончиться ничем хорошим. Старшие готовы многое простить, а эти, молодые, — они нас попросту оставят.

— Но епископат заявил недавно, что Церковь не потерпит педофилию.

— Недостает, однако, важного признания: было время, когда к таким сообщениям мы подходили с большим недоверием. Мы не умели принимать такие претензии, потому что за нами тянулось наследие коммунизма и мы всё трактовали как нападки на Церковь. Если мы разочаровали хотя бы одного обиженного человека — извинимся. Между тем епископат подвел жирную черту: что было — прошло. То, что заявили епископы: за компенсацией обращайтесь к обидчику, — это скандал. Если епископ знал о поступках ксендза-педофила и перевел его в другой приход, то он соучастник. Так что, я думаю, в будущем придется платить компенсации жертвам педофилии в Церкви.

— Движение Паликота борется с Церковью? Я слышала, как на одной из пресс-конференций в резиденции епископата священники и епископы говорили в кулуарах о Движении Паликота крайне резко. Но это, возможно, просто реакция на антиклерикализм Паликота, и нельзя осуждать Церковь, поскольку неприязнь двусторонняя.

— Надо сказать четко: движение Паликота — это наше детище. Первый митинг партии прошел возле Варшавско-Празской курии, когда архиепископ Хосер пригрозил отлучением депутатам, поддерживающим *in viro*.

— Тогда у Паликота был 1% поддержки.

— Потом он начал набирать силу. Те, кого Церковь отодвинула на обочину, отвергла, обидела, стали собираться вокруг него. С людьми Паликота надо говорить, а не оплевывать их. Пропасть между сторонниками и противниками Церкви начинает углубляться. Поэтому к словам сторонников Движения Паликота следует прислушиваться.

— Они всё более агрессивны и радикальны.

— Я не сказал, что с ними надо соглашаться, — к ним надо прислушиваться. Когда я читаю интервью с епископом Мерингом, который говорит, что среди неверующих есть такие, с кем не стоит разговаривать, у меня опускаются руки.

Редактор «Тыгодника повшехного» задал епископу вопрос, который показывает, как легко вступить на тропу, в конце которой только стена и смех: «А ведь Иисус заповедал искать заблудших овец?» На что епископ Меринг ответил, что не рассматривал бы это так буквально.

Если епископ убеждает мирянина, что не следует дословно понимать Евангелие, — это конец света. Конец Церкви.

— Тогда каково будущее Церкви? Отец Мацей Земба сказал недавно в «Тыгоднике повшехном», что во Франции католичество стало таким же экзотичным, как, например, буддизм в 60-е годы. На Церковь никто не нападает, ибо она в меньшинстве. И начинает — раз это экзотика — привлекать. Может быть, это парадоксально-оптимистический сценарий?

— Я думаю, что в Польше такого большого провала не будет и до экзотичности нам далеко. Всё еще очень многие люди в Польше находят в Церкви то, чего ищут. Всё зависит от того, насколько Церковь в Польше сумеет сама себя очистить. Возможно, Церковь начнет говорить с верующими другим языком, не претенциозным, отчужденным, а языком Евангелия. Тогда Церковь может даже развиваться. Не нужно ничего грандиозного, надо лишь уважать людей. Уважать человека, его достоинство, его свободы, его слабости и дарования может научиться каждый. Тогда люди придут не только на мессу, но и

с трудным вопросом. Это перспектива, доступная для каждого священника.

Беседу вела Катажина Вишневецкая

Войцех Леманский (род. 1960) — священник прихода Рождества Христова в Ясенице. Член Польского совета христиан и евреев, в течение многих лет участвует в польско-еврейском диалоге, отмечен медалью, присуждаемой Объединением евреев-ветеранов и пострадавших во Второй Мировой войне; президент Лех Качинский наградил его кавалерским крестом ордена Возрождения Польши.

— Сейчас заварю чай. Экономки у меня нет.

— На ваших плечах весь приход в Ясенице. Как вы управляетесь?

— Через три года после рукоположения я выехал в СССР, думая, что еду в помощь старому больному ксендзу. Но архиепископ Тадеуш Кондрусевич просветил меня: «У нас нет vikariev; если священник слабый, получает один приход; когда уже освоится — второй, а потом третий. Если вижу, что он справляется, поручаю четыре прихода».

Я был потрясен. На Пасху служил четыре заутрени: первую в четыре утра, вторую в шесть, а потом в девять и в двенадцать. Я не мог себе представить, как скажу какой-либо из общин, что у них не будет пасхальной заутрени.

Когда затем я передал один из приходов другому священнику, то неожиданно почувствовал себя ненужным.

Поначалу я жил у двух старушек, которые мне готовили. Если оставлял на тарелке два кусочка, они плакали, что, стало быть, мне невкусно. Когда я вернулся с погребения на час позже, они переживали, что всё остыло. Потом я стал жить один и мог один и тот же суп есть четыре дня. Здесь у меня похоже: я один и, к счастью, без экономки.

— Сейчас у вас будет меньше обязанностей: архиепископ Генрик Хосер запретил вам преподавать Закон Божий в школе. За что?

— Епископ сказал мне об этом в Пепельную среду. Он объяснил, что это за мое творчество. Но я ведь никого не обидел. Бичевание зла, хотя бы даже среди клириков, — это не преступление. А встать на защиту обиженных — обязанность. Я

догадываюсь, что всё это связано с моим ответом на открытое письмо епископа Веслава Меринга.

— Епископ Меринг нападал на Нергаля, а также на отца Бонецкого, на Магдалену Сыроду. Почему вы защищали Нергаля? Он разорвал Библию, говорил о ней вульгарно.

— Конечно, меня возмущает то, что он сделал с Библией и как выражался. Но нельзя же, публично реагируя на единичное зло, дискредитировать отца Бонецкого, пани Сыроду, ее отца или кого-либо иного. Это негоже не только епископу, но и христианину.

— Вы критиковали также архиепископа Хосера, когда он промолчал после надругательства над могилой красноармейцев в Оссове под Варшавой. Допустимо ли публично критиковать начальство?

— Я долго ждал реакции. После очередных актов вандализма состоялась встреча священников. Архиепископ говорил о многом, но об этом ни слова. Меня это поразило. Как и более позднее разъяснение: пусть могилами большевиков занимаются православные.

А ведь было бы достаточно, чтобы епископ пришел на это место и помолился за умерших. Я далек от того, чтобы с лупой выслеживать любой промах иерархов, но публичное событие требует публичного отклика. Незаклейменная ненависть быстро распространяется. Некоторые сочли отсутствие отклика за разрешение.

— С одной стороны, свобода личности, в данном случае священника, высказывание в соответствии с собственной совестью, а с другой — иерархизированный институт — Церковь. Одно должно происходить за счет другого?

— Нет. Это моя Церковь. Я в ней дома — и не представляю себе жизни вне Церкви. Думаю, что многие только покачали бы головой с пониманием и облегчением, если бы я бросил сутану или попросил о переводе в другую епархию. Увы, я чувствую, что вокруг меня образуется своего рода вакуум, мне трудно найти священника в помощь на предпраздничную исповедь или на говенье. Я вынужден искать по монастырям, в соседних округах. А тех немногих, кто со мной сотрудничает, я иногда спрашиваю, не боятся ли они от меня заразиться.

— Где же в таком случае в Церкви место для свободы?

— В Церкви много места для свободы. Истинная Церковь — это Церковь свободных людей. Когда-то я боялся, что меня не рукоположат во диакона. Моя совесть была чиста, но я чувствовал страх, стресс, опасения. После рукоположения я сказал себе: теперь я не буду бояться ничего, кроме греха. Ибо надо делать то, в чем ты убежден.

В первом приходе от благочинного слышу: мы на собрании решили, что поминование будет стоить столько-то. Я ему на это сказал, что возьму столько, сколько дадут верующие. А он: значит, через полгода вас здесь не будет. И действительно, за полгода он меня сплавил. Но я чувствовал, что не изменил себе. Мне никто не скажет, что я должен говорить в проповеди или как наставлять в вере. Епископ не может меня наказать без преступления. Он может отозвать благословение учить детей в школе, ибо это суверенное решение епископа, которое не нуждается в обосновании. Ну, так он и сделал.

Пространство свободы огромно, и иерархи понемногу это осознают для себя. Они всё еще живут в системе, где если сказано «нельзя», «запрещаю», «сделай», то любой сразу повинуется. Но люди все чаще спрашивают: а почему?

— От епископов католик все время слышит, например, осуждение *in vitro*. Где проходит разумная граница, разделяющая государство и Церковь? Вот снова развернулась дискуссия об *in vitro*. Несколько законопроектов уже подано в Сейм. Епископат хотел бы запрета. Но не все граждане — католики.

— Если бы в Польше было законодательство, подобное китайскому, предписывающее аборт семье, в которой уже есть один ребенок, то Церковь должна была бы громко воспротивиться. Но то, что можно купить алкоголь, не значит, что мы должны напиваться. То, что закон разрешает *in vitro* или аборт, вовсе не значит, что кого-то к этому принуждают. Сращение Церкви с государством — это дорога в никуда. Мы должны так проповедовать Евангелие, чтобы убедить человека, а не принудить. Не следует закрывать полгорода, если Церковь организует уличное шествие. А полиция должна обеспечить безопасность, чтобы какой-нибудь идиот не въехал в крестный ход на машине. Государство не должно нам сооружать храм Провидения, но мы имеем право настаивать, чтобы никто нам не рушил костелы и не мешал богослужению. Такой аспект сотрудничества государства и Церкви я считаю желательным и очевидным.

— А финансирование Церкви? Должен ли атеист своими налогами ее поддерживать? Правительство хочет ликвидировать Церковный фонд, а вместо этого добровольно отдавать 0,3% налогов.

— Церковь многие века была связана с престолом. И привыкла функционировать, используя государственные механизмы. Так не должно быть. Но трудно отказаться от того, что уже получил. Я за ликвидацию Церковного фонда. Я пошел бы даже дальше и вообще отказался от денег из бюджета на церковную деятельность. Я бы предложил верующим добровольный налог, как в Германии, Испании, Австрии. И верю, что очень многие верующие приняли бы на себя такое добровольное обязательство в пользу Церкви.

Кроме того, я боюсь, что даже если бы мы получили столько, сколько хотим, то священники через минуту спросят: кто нам теперь будет платить добродетели? Священники не верят куриям. Если туда пойдут деньги, они попадут в черную дыру.

— Кто в таком случае должен был бы оплачивать священникам пенсионные взносы?

— Конечно, сами священники. То есть общины, в которых они служат. Священник должен заботиться о приходе, а не о своих накоплениях. Ему не нужны деньги. Довольно, чтобы у него было тепло в доме, горячая пища, а со временем достойная старость. Это в состоянии обеспечить община. Мне нравится старая традиция, когда ксендз-пенсионер оставался при приходе. Я помню по приходу в Милянковке четырех пожилых ксендзов-пенсионеров при алтаре. Они чувствовали себя по-прежнему нужными, а приход чувствовал свою ответственность за них. Тогда ощущается настоящая община.

— Церковь выполняет полезную работу. Клирики утверждают, что помогают государству: содержат приюты, различные центры помощи, ремонтируют костелы, — поэтому имеют право требовать финансовой поддержки.

— Христиане, которые перестают поддерживать нуждающихся, перестают быть христианами. Мы помогаем не потому, что государство дает нам деньги, чтобы у нас было чем помогать. Просто мы как христиане чувствуем себя обязанными к этому. Благотворитель может ходатайствовать о дотациях, а не требовать их.

— Из вашего блога: «Наши польские епископы чутко охраняют накопленное Церковью, публично и громко выступают в его

защиту. Жаль, что столь же весомо не прозвучал голос в защиту людей, которых выгоняют из их домов, лишают заработанного за всю жизнь, в защиту подвергшихся раскулачиванию, национализации, переселению, лишенных собственности, униженных, третировавшихся оккупантами всех мастей».

— Я думал о гражданах нашей страны, которые, например, с Мазур выезжали в Германию, оставили за Бугом накопленное за всю жизнь, о тех, кто безрезультатно требует возврата имущества, которое называют «оставшимся от евреев». Когда появилась перспектива компенсаций, возмещений, исков с их стороны, я не припомню, чтобы Церковь поддержала эти усилия и сказала бы, что надо вернуть то, что забрали. А когда дело касается возврата церковного имущества, то мы слышим, что Церкви еще не всё вернули. Там речь шла о 10–17% компенсации, здесь же о 60–70% — и всё мало. Почему мы должны относиться к Церкви иначе, чем к обычным гражданам? Тем более что мы обращаемся не к Международному трибуналу, который бы истребовал от исполнителей то, что нам принадлежит, но хотим, чтобы демократическое правительство нашей страны забрало у граждан деньги, которые затем возвратит Церкви. Если бы коммунисты придерживали где-то церковное имущество, то можно бы его отобрать. А если там теперь школа с интернатом, как тогда решить? Конечно, это непорядок, что имущество Церкви изъято, но как оценить национализацию промышленности и раздел общинных земель? Свои интересы Церковь мерит иной мерой, нежели обиды других.

— Но ведь эти компенсации и земли Церковь использует на общественную пользу.

— А вы в этом уверены? Далеко не так, чтобы 100% этих средств Церковь предназначала на благотворительность. Кто знает, быть может, если бы был возвращен украденный участок в центре Варшавы, то прежний владелец, возможно, построил бы там хоспис, а не офисное здание?

— А чем именно должен заниматься сегодня священник, что у него самое главное? Помощь убогим, наставление в вере или, может быть, отслеживание вопросов с пограничья государства и Церкви?

— Овсяк и Охойская и так стыдят Церковь за благотворительность. Не скажу, что мы от нее бежим, но главная задача священника — это не строительство костелов или инвестиции и поддержка бедных, но проповедь Евангелия.

Конечно, нуждающихся, которых встречаем, мы должны охватить заботой, но мы должны вести людей к жизни вечной.

— А достаточно ли, если священник только лишь выступает с проповедями?

— Я уверен, что если он будет стараться делать это хорошо, то найдет место и для деятельности иного рода. Но всё должно быть на своем месте. Помню, как-то я попросил ксендза перед мессой, чтобы он сказал людям несколько слов о Евхаристии. А он испугался: «Прямо сейчас говорить?» И побежал искать книгу.

— А почему вы стали священником?

— Не было никакого знамения свыше. В нашем приходе был викарий. Он совершенно не справлялся с религиозным обучением. Мы ему на голову садились. Вот я и подумал: я бы это сделал лучше. Это было еще до средней школы — так всё началось.

— Кто был для вас примером?

— У меня был удивительный руководитель дипломной работы — о. Богуслав Инлендер. Танкист. Любой предмет мог толково объяснить. Когда в 1983 г. русские сбили корейский пассажирский самолет, кто-то из наших харцерских лидеров сказал: ситуация недвусмысленная, убийство. А он нам сделал полторачасовой доклад о самолетах-шпионах, показал сложность ситуации. Он научил меня открытости, тому, что не бывает простых ситуаций. Если кто-то кажется воплощенным злом, найди в нем крупицу добра, если кажется кристальным — присмотрись к нему хорошенько, увидь в нем человека, а не идеал.

Прекрасный человек епископ Кендзёра. Иду по коридору, а он подметает. Вице-ректор! Такие картинки запоминаются на всю жизнь. Или епископ Крашевский, который мог с ксендзом есть яичницу с одной сковороды.

Церковь должна научить этой близости к человеку. Надо только следить, чтобы не пересолить, не влезть в чью-то жизнь с сапогами.

— А семинария? Там хорошо готовили, чтобы стать священником?

— Богословские знания можно было получить неплохие. Это было столпотворение, не то, что сейчас. Нас было 350, в комнате

жило 12 человек, отчасти как коммуна. Но я помню также угнетавшие меня высказывания преподавателей о православных, мусульманах, евреях.

— Перед костелом в Ясенице я видела необычный памятник — Памяти детей еврейского народа, убитых «Иродами».

— Эти каменные мацевы уже давно какой-то ксендз привез в Тлуц из Отвоцка. Я несколько лет раздумывал, как их благочестиво использовать. Когда я их готовил к монтажу, пришло письмо из курии: «Прекратить проводимые работы». Я провел своего рода референдум в приходе, считая, что памятник потеряет смысл, если его соорудить вопреки воле прихожан. Только 16 человек было против, а более тысячи — за. И памятник поставили. В костеле на шкафчике со Священным Писанием я устроил занавески в виде свитков Торы. Прибыла комиссия из курии, велела убрать, ибо это «недопустимое уподобление костела синагоге». Посоветовали, чтобы я так сделал в своей комнате. Я обратился к епископу, епископ сказал: я должен приехать, посмотреть. Почти три года прошло, пока что не приехал. Памятник стоит, шкафчиком пользуются верующие.

— В Церкви допустимо национал-демократическое, антисемитское мышление? Епископы промолчали, когда в Едвабном кто-то написал на памятнике: «Отлично горели» — и нарисовал свастику. Вы упрекнули епископат, что он этого не осудил. Один из преподавателей семинарии поделился наблюдением, что молодые люди, которые становятся клириками, всё чаще имеют сильные ультраправые, антилиберальные, национал-демократические и антисемитские установки. Вы замечали что-либо подобное в Церкви?

— Мои исторические знания на тему Катастрофы были после семинарии нулевыми. Много лет назад история Едвабного меня потрясла. Я был уверен, что это затронуло всех. Что Церковь сейчас задумается. Когда епископы не поехали на государственные мероприятия, я думал, что они хотят поехать отдельно. Не поехали. Еврейских детей бросали в горящий сарай — мне казалось, что это не может уместиться в сознании какого бы о ни было священника. Я говорил об этом с моим коллегой, ректором семинарии. Он спросил, зачем я этим занимаюсь. И добавил, что он этого не чувствует и потому «не вводит этого в семинарии». А если он этого не делает, образуется пространство для других интерпретаций: Ежи Роберта Новака или свящ. Хростовского, который считает, что

поляки за Едвабное и за иные причиненные евреям обиды не должны просить прощения.

— Вы опасаетесь расцерковления? Всё меньше людей ходит в костел.

— Расцерковление — это факт. А если мы дальше будем поступать так, как поступаем, многие из тех людей, которые отступились, не вернутся. Так обращаться с верующими — это выталкивать их из Церкви. Уровень проповеди во многих костелах позорно низок. Ксендзы говорят, что в костеле была толпа, пожертвований достаточно. Но если спросить людей, что они услышали на проповеди, то часть была бы не в состоянии ничего сказать, а часть услышала то же, что и от журналистов: политические оценки, не имеющие ничего общего с Евангелием. Как-то я в соседнем приходе видел, какие безобразия устраивали перед костелом во время мессы готовившиеся к конфирмации. Я подумал: если им сейчас всё равно, то кто склонит тех, которые на пять-семь лет старше, ходить в костел? Они видят, что никто ими не интересуется. Мой знакомый ксендз разослал именнные приглашения на годовщину конфирмации. Пришли два человека. Но он хотя бы постарался. А наша Церковь вообще не делает ничего, чтобы этих людей привлечь.

— Тогда каково же в этом обществе — всё более либеральном — место Церкви?

— Рядом с человеком. То есть, когда придут с просьбой крестить ребенка, надо встретить как братьев, сказать слово о крещении. На свадьбе говорить не о разводах и абортах, но о чуде любви. На похоронах сказать что-то, что вдохнет христианскую надежду. Тогда люди вернутся. Может, не обязательно будут ходить каждое воскресенье.

— Крестить ребенка, рожденного вне церковного брака?

— Конечно, да. Может быть, через какое-то время родители попросят о таинстве брака. А может, и нет. Но мы заботимся о том, что уже имеем. Когда один из затворников громыхал: вы в костел не ходите, аборт делаете, алкоголь пьете, — пенсионерка с четками в руках спросила: «Мы?» Мы наставляем тех, кто в порядке. Кто пришел, тому и проповедуем.

Скажем же что-то, чтобы потом они могли радоваться: «Боже, как хорошо, что я пришел».

— В Польше идет борьба с Церковью? «Образ польского священника начинает напоминать образ еврея с фашистских листовок», — так написал о. Генрик Зелинский в католическом еженедельнике «Идземы». А вот цитата из архиепископа Михалика: «Мы видим, как планомерно атакуют сегодня Церковь различные вольномыслящие, атеистические и масонские круги».

— Я не помню, как было в Польше в сталинские времена, так что об этом не скажу, но на востоке я видел разграбленные, уничтоженные, разрушенные костелы. Я говорил с людьми, которые сидели в тюрьме за то, что были католиками. С людьми, которые потеряли работу, потому что окрестили ребенка или пригласили ксендза на похороны матери. Поэтому, если кто-то говорит мне, что Церковь в Польше преследуют, я отвечаю: «Ты бредишь». Мы можем говорить, что Церковь чувствовала бы себя значительно комфортнее, если бы власти сделали то и не делали этого. Но с преследованием здесь ничего общего.

— Когда средства массовой информации заявляют о педофильских скандалах в Церкви, некоторые клирики тоже трактуют это как нападки.

— У Церкви в Польше проблемы с признанием ошибок. В делах о педофилии, похоже, как и в делах Едвабного. Надо извиниться перед общественностью. О грехах Церкви молчат епископы, молчит католическая пресса. Люди читают и светские газеты, сравнивают и приходят в недоумение. Это не может закончиться ничем хорошим. Старшие готовы многое простить, а эти, молодые, — они нас попросту оставят.

— Но епископат заявил недавно, что Церковь не потерпит педофилию.

— Недостает, однако, важного признания: было время, когда к таким сообщениям мы подходили с большим недоверием. Мы не умели принимать такие претензии, потому что за нами тянулось наследие коммунизма и мы всё трактовали как нападки на Церковь. Если мы разочаровали хотя бы одного обиженного человека — извинимся. Между тем епископат подвел жирную черту: что было — прошло. То, что заявили епископы: за компенсацией обращайтесь к обидчику, — это скандал. Если епископ знал о поступках ксендза-педофила и перевел его в другой приход, то он соучастник. Так что, я думаю, в будущем придется платить компенсации жертвам педофилии в Церкви.

— Движение Паликота борется с Церковью? Я слышала, как на одной из пресс-конференций в резиденции епископата священники и епископы говорили в кулуарах о Движении Паликота крайне резко. Но это, возможно, просто реакция на антиклерикализм Поликота, и нельзя осуждать Церковь, поскольку неприязнь двусторонняя.

— Надо сказать четко: движение Паликота — это наше детище. Первый митинг партии прошел возле Варшавско-Празской курии, когда архиепископ Хосер пригрозил отлучением депутатам, поддерживающим *in viro*.

— Тогда у Паликота был 1% поддержки.

— Потом он начал набирать силу. Те, кого Церковь отодвинула на обочину, отвергла, обидела, стали собираться вокруг него. С людьми Паликота надо говорить, а не оплевывать их. Пропасть между сторонниками и противниками Церкви начинает углубляться. Поэтому к словам сторонников Движения Паликота следует прислушиваться.

— Они всё более агрессивны и радикальны.

— Я не сказал, что с ними надо соглашаться, — к ним надо прислушиваться. Когда я читаю интервью с епископом Мерингом, который говорит, что среди неверующих есть такие, с кем не стоит разговаривать, у меня опускаются руки.

Редактор «Тыгодника повшехного» задал епископу вопрос, который показывает, как легко вступить на тропу, в конце которой только стена и смех: «А ведь Иисус заповедал искать заблудших овец?» На что епископ Меринг ответил, что не рассматривал бы это так буквально.

Если епископ убеждает мирянина, что не следует дословно понимать Евангелие, — это конец света. Конец Церкви.

— Тогда каково будущее Церкви? Отец Мацей Земба сказал недавно в «Тыгоднике повшехном», что во Франции католичество стало таким же экзотичным, как, например, буддизм в 60-е годы. На Церковь никто не нападает, ибо она в меньшинстве. И начинает — раз это экзотика — привлекать. Может быть, это парадоксально-оптимистический сценарий?

— Я думаю, что в Польше такого большого провала не будет и до экзотичности нам далеко. Всё еще очень многие люди в Польше находят в Церкви то, чего ищут. Всё зависит от того, насколько Церковь в Польше сумеет сама себя очистить. Возможно, Церковь начнет говорить с верующими другим языком, не

претенциозным, отчужденным, а языком Евангелия. Тогда Церковь может даже развиваться. Не нужно ничего грандиозного, надо лишь уважать людей. Уважать человека, его достоинство, его свободы, его слабости и дарования может научиться каждый. Тогда люди придут не только на мессу, но и с трудным вопросом. Это перспектива, доступная для каждого священника.

Беседу вела Катажина Вишневская

АНАЛОГОВАЯ ФОТОГРАФИЯ УЧИТ ДУМАТЬ

— Ваши снимки еще не публиковались в польской прессе. Неужели так трудно пробиться фоторепортеру, не имеющему известной фамилии или не работающему в газете или агентстве?

— Всякий раз, когда у меня появлялся материал, который, мне казалось, был пригоден для публикации, я отправлял его фоторедакторам в несколько редакций. И не говорили, что материал слабый. Обычно отвечали, что материал прекрасный, но редакция хочет чего-то другого, что журналист не сумел написать текст на эту тему, что в газете нет места или что просто редактора это не заинтересовало. До сих пор я отправлял снимки из проектов «Береговая линия» — о польском побережье, «Темпельхоф» — об аэродроме, превращенном в парк развлечений, «Соединенные Штаты долга» — снимки протестов на Уолл-стрит. Но я руководствуюсь принципом, что сдаваться не следует.

— А то, что на вашем счету уже было несколько выставок в Польше, тоже не помогало?

— Выставки, пожалуй, не влияют на то, что пресса берет или не берет.

— Вы обучались искусству фотографии для прессы, хотя бы в мастер-классах Томаша Томашевского, а польские газеты не желают брать ваши снимки. Это, должно быть, огорчает?

— Действительно не очень приятно, когда не можешь публиковаться. Но я постоянно рассчитываю, что мне всё же удастся наладить сотрудничество с какими-нибудь изданиями. Однако, наблюдая за положением в прессе, я убеждаюсь, что таких снимков, какие делаю я, печатают всё меньше.

Главное, что меня интересует, — это документальный фоторепортаж. Поэтому я постарался попасть в мастер-класс Эдди Адамса и благодаря этому осенью прошлого года оказался в Нью-Йорке. Во время таких мастер-классов появляется возможность познакомиться с фоторедакторами различных газет — тогда у нас состоялись встречи с редакторами «Тайма» и «Нью-Йорк таймса». Мы показывали им свои снимки, и если

это их интересовало, то они сразу говорили, будут ли их печатать. Благодаря этой встрече мой материал был опубликован в блоге Lens, который ведет «Нью-Йорк таймс».

— Какие снимки вы посылали, чтобы попасть в мастер-класс Эдди Адамса?

— Я послал смешанное портфолио: немного цветных снимков, немного черно-белых; снимки из проектов «Береговая линия», «Венеция», «Темпельхоф» и «Театр жизни». Это мастер-класс для документалистов, поэтому стоит показать, что интересуешься социальной тематикой. В жюри было около 30 человек, поступило несколько десятков тысяч заявок — меня выбрали как одного из ста фоторепортеров. Наиболее ценными для нас там были встречи с великими фотографами, которые рассказывали, как они реализуют свои материалы, как издают, — например, Юджин Ричардс, Сьюзен Майзелас из фотоагентства «Магnum», Патрик Витти из журнала «Тайм». Несколько дней спустя я встретился в Нью-Йорке с Брюсом Дэвидсоном. Он высказал мысль, которая помогла мне понять, что именно должно быть важно в моем фотографировании. Мне было предложено ответить на вопрос о сентенции Роберта Капы: «Если твой снимок недостаточно хорош, значит, ты не находился достаточно близко». Дэвидсон, например, ответил, что, по его мнению, при этом важно в ментальном смысле быть ближе к человеку, которого фотографируешь, если хочешь стать хорошим социальным фотографом.

— Вскоре после этого, фотографируя протесты в Гарлеме, вы оказались настолько близко к протестующим, что один из ваших снимков был награжден премией World Press Photo — именно за умение показать эмоции.

— Вся сложность заключалась в том, что во время протеста перед зданием полицейского участка в Гарлеме полиция сначала пыталась оттеснить протестующих, которые загораживали вход в здание, а затем с помощью барьеров-заграждений оттеснила и фоторепортеров. Трудно было подойти так близко, чтобы запечатлеть эмоции собравшихся там людей и одновременно не раздражать полицейских. Одного из фоторепортеров, находившегося за мной, арестовали. К зданию комиссариата мы шли вместе с товарищем, но он остался на другой стороне улицы, а я попал в пространство между барьерами, благодаря чему оказался ближе к протестующим.

— Почему вы поехали в Гарлем? Ведь все фотографировали в основном протесты в окрестностях Уолл-стрит.

— На Уолл-стрит я тоже фотографировал, но там дни выглядели одинаково: вставали утром, устраивали манифестации вокруг парка Зуккотти, потом перерыв и снова манифестации. Поэтому, узнав, что в Гарлеме будут протестовать против агрессивности полиции и против эксплуатации, я подумал, что из этого может возникнуть нечто большее.

— Вспышка, которую вы использовали, фотографируя задержанную женщину, видна и на других ваших снимках. Вам нравится такая театральная техника?

— Мне нравится использовать вспышку, но, разумеется, не во всех снимках. Когда я наблюдал за тем, что происходит в Гарлеме, то понял, что использование вспышки может усилить эффект, выявить эмоции, которыми сопровождался этот протест.

— Вы чувствовали, что у вас получился хороший материал?

— Я считал, что у меня получился довольно любопытный материал о событиях, происходивших вокруг Уолл-стрит, причем как у одного из немногих польских фоторепортеров. Большого числа фоторепортеров из Польши я там не встретил. Коллеги, увидев мои снимки, посоветовали мне представить их на World Press Photo.

— Вы молодой фоторепортер, а занялись сразу же долгосрочными проектами, такими как «Береговая линия» или «Театр жизни». Это же требует времени и денег.

— Начиная заниматься фотографией, я анализировал работы разных фоторепортеров. И заметил, что меня больше всего интересуют долгосрочные проекты, рассчитанные на перспективу, так как они охватывают разные аспекты данной темы, не сконцентрированы на каком-то одном моменте. Мне это понравилось, и я стал этим заниматься. Но живу я не только за счет репортерской или документальной фотографии — я делаю и коммерческие снимки, и свадебные фотографии, фотосессии красоты и корпоративные фотосессии.

— Знакомясь со страницей о свадебной фотографии на вашем сайте, я подумала, что, возможно, это для вас способ выжить.

— Так оно и есть. Коммерческая фотография дает мне возможность зарабатывать на жизнь, и благодаря этому я могу позволить себе делать репортерские снимки и эссе.

— А коллеги не упрекают вас в том, что вы размениваетесь на мелочи, что это недостойное занятие?

— Да, конечно, я слышал, что занятие свадебной фотографией — это нечто недостойное настоящего фоторепортера. Но мне кажется, что когда мы зарабатываем на жизнь, то вовсе не важно, что именно мы делаем. Я зарабатываю фотографированием, что уже неплохо, хотя это и коммерческие снимки. Но за счет этих средств я имею деньги на собственные большие проекты.

— Вы сами финансируете свои поездки с целью осуществления ваших проектов, в том числе и заграничных?

— Да. Иногда ищу гранты, иногда интересуюсь у потенциальных спонсоров, не захотят ли они финансировать тот или иной проект. Бывает, ответ приходит положительный.

— Вы начали фотографировать с помощью цифрового фотоаппарата, а потом перешли на аналоговый. Все обычно делают наоборот.

— Это правда. Я начинал делать снимки с помощью фотоаппарата марки «Nikon D500», а теперь у меня «Canon 5D». Мне хотелось попробовать аналоговую фотографию, потому что меня привлекала темная фотолаборатория, возможность сделать снимок собственноручно, проявить негатив. Потом я заметил, что меня это увлекает: аналоговая фотография отучила меня «щелкать» бессчетное количество снимков, сколько позволяет флешка. Фотограф должен научиться думать.

— Кроме документального фоторепортажа и коммерческой фотографии вы занимаетесь еще и так называемой уличной фотографией, то есть не отказываетесь ни от чего. Вы ищете собственный путь?

— Уличная фотография — это нечто среднее между репортажем и документом. Эллиот Эрвитт и Анри Картье-Брессон были фоторепортерами-документалистами, но со временем их отдельные снимки стали классифицировать как уличную фотографию. Когда я делаю репортаж, то стараюсь наблюдать всё вокруг, в полном объеме: а вдруг получится уличная фотография? То есть такой снимок, в котором схвачено какое-то мгновение, ситуация, который объединяет сразу несколько аспектов: хороший свет, прекрасную композицию и вписавшийся в это хороший сюжет. А также какое-то информационное сообщение — хотя уличная

фотография такого сообщения может и не содержать. Причем подобная фотография — вопреки своему названию — не обязательно должна быть сделана на улице. Это может быть снимок, сделанный на пляже или в деревне.

Как-то я говорил с Рафалом Милахом, и он мне сказал, что если ты молод, то надо испробовать разные стили фотографии, чтобы отыскать тот, который хочешь найти. Вот я и ищу.

Беседу вела Рената Глуза

Томаш Лазар родился в 1985, живет в Щецине, окончил Западно-Поморский технологический университет. Изучал информатику в Европейской академии фотографии в Варшаве, принимал участие в мастер-классах Томаша Томашевского из агентства «National Geographic», в настоящее время учится в Институте креативной фотографии в Опаве. Член Союза польских фотохудожников.

ИСПОВЕДЬ ФОТОГРАФА

— Нет, я уже давно не делаю снимков. Да и что мне сегодня фотографировать? Бессмысленную войну в Чечне? Или олигархов? Не хочу. Кроме того, я уже старый... Но расскажу вам о чём-то, чего не говорил раньше никому: я же фотографировал так называемое освобождение Западной Белоруссии и Западной Украины. Расскажу, потому что теперь уже могу. Никто меня за это не уволит, не сошлет, не посадит...

Начало мая 1995 года. Через несколько дней — 50-я годовщина Победы. В Москве идут последние приготовления к параду. Ветераны обоего пола в это время года молодеют. Полируют свои ордена и медали, готовят торжественные ужины, радуются небольшому повышению пенсий и договариваются о встречах в ЦПКиО им. Горького. Это же их годовщина. Притом круглая.

Онежская улица на северо-западе российской столицы. На висящих над проезжей частью проволоочных звездах мигают лампочки. Магазинная витрина украшена оранжево-черными ленточками — как на планках ордена Победы. Люди с праздничными покупками проходят через замусоренный двор. На ободранной лестничной клетке — запах вареной капусты и ведущая в квартиру бронированная стальная дверь. Кнопка звонка, замазанная краской. Приглушенный голос убеждает, что я действительно польский корреспондент. Металлическая дверная рама со скрежетом и грохотом приоткрывается. Коренастый, полный мужчина внимательно присматривается ко мне из-под кустистых бровей.

— Приветствую вас. Я Халдей, Евгений Ананьевич.

Я прихожу не с пустыми руками. К 50-й годовщине хорошо подходит, хотя бы в смысле цифр, 50 градусная польская водка «Полонез». При виде краковской сухой колбасы лицо встречающего оживилось и просияло.

Шестнадцать квадратных метров вмещают комнату-клетушку, мини-кухоньку и еще меньшую ванную, которая исполняет также роль музея, архива и фотолаборатории. На полках, в картонных коробках, в конвертах, на стенах, в больших ящиках на полу — везде сотни, тысячи снимков. Они висят даже в ванной, занятой двумя внушительными увеличителями. Еще

два, не первой молодости, царствуют на столе в комнате. Они всё еще в рабочем состоянии. Зато фотографию самого близкого человека хозяин разместил высоко, в золотой раме под потолком, в углу над тахтой. Словно икону. Только вместо лампы там стоит букетик свежих весенних маргариток в вазочке. С пожелтевшей фотографии улыбается красивая женщина — скончавшаяся много лет назад жена Евгения Ананьевича. А рядом — книжный стеллаж с его альбомами на нескольких языках и фотоаппаратом «Лейка». Новехоньким.

— Это подарок от американцев из Лос-Анжелеса. Недавно я отдал в тамошний музей фотографии свою старую «Лейку». Несколько десятков лет я делал ею самые свои известные снимки. А они подарили мне это чудо. Только вот я уже не делаю никаких снимков...

Его фотографии, отснятые на Второй Мировой войне, знает весь мир. Нет, пожалуй, такой энциклопедии или учебника новейшей истории на любом языке, где не было бы снимков Халдея, военного фотокорреспондента ТАСС. Он сделал их тысячи: на передовых нескольких фронтах, в освобождаемых столицах Европы, а потом — при капитуляции Третьего Рейха, на Потсдамской конференции, при поражении японцев в Манчжурии, на Нюрнбергском процессе... Если бы он жил в нормальной стране, то благодаря гонорарам стал бы очень богатым человеком; так ему сказали американцы, потом это повторяли австрийцы, немцы, англичане, французы — все, кто издавал альбомы с фотографиями Халдея. А родина дала ему эту микроскопическую квартиру и пенсию. Тоже микроскопическую.

— Я не жалею. У меня есть что поесть, да и крыша над головой. Вы же хорошо знаете, что теперь, по прошествии стольких лет, многие из моих ровесников не имеют даже этого, — он освобождает место на столе, отодвигая немного в сторону фотоувеличители, чтобы угостить меня чаем и отведать праздничные подарки. — Однако мне обидно, что после войны меня не раз выгоняли с работы. И делали это по нелепым, абсурдным причинам: то за «ненадлежащий показ социалистической действительности», то позднее — за «космополитизм»... 50 лет назад в занятом нашими войсками Берлине мне благодаря обыкновенной иголке удалось, пожалуй, чудом избежать сурового наказания за то, что я хотел якобы «исказить образ советского солдата».

Его самый известный снимок — это «Знамя Победы над Рейхстагом»: советский солдат взбирается, поддерживаемый за ноги вторым бойцом, на одну из не очень высоких

декоративных колонн, которые венчают крышу Рейхстага, и в верхушку этой колонны втыкает флаг с серпом и молотом. Флаг этот Халдей привез заранее из Москвы, а обоих солдат, памятуя указания политруков, долго расставлял перед объективом, чтобы всё вышло как следует. Но, невзирая на это, все-таки навлек на себя гнев командиров самого высокого ранга: не обратил внимания, что у солдата, держащего за ноги того, который со знаменем, на обеих руках надеты... часы. По приказу разнервничавшихся начальников Халдей острым кончиком иголки осторожно и очень точно выскреб с негатива контур одного из хронометров. Тогда-то этот отретушированный снимок опубликовал «Огонек», а следом за ним — другие агентства и газеты.

Евгений Ананьевич говорит, что работа фотокорреспондента на войне несла с собой много опасностей, причем не только в окопах на переднем крае. Потому что фотоснимки должны были показывать действительность не такой, какова она на самом деле, а какой должна быть. Видимо, как раз по этой причине он с самого начала своей карьеры, несмотря на то что его фотографии облетели весь мир, в СССР не дождался больших почестей.

— В первый раз я подставился в 1939 году, будучи 22 летним парнем, который совсем недавно работал в «Фотохронике ТАСС». В сентябре меня послали в Минск, где я узнал, что вскоре мы будем освобождать наших западных братьев, «оккупированных гнусной буржуазной Польшей». Моя задача должна была заключаться в увековечивании всеобщей радости и повсеместного энтузиазма населения, вызванного вступлением наших подразделений. Но 17 сентября, делая с грузовика первые снимки, никакого особого энтузиазма я не наблюдал... При виде нас гражданские в чисто рефлекторном порыве прятались по домам. В деревнях и местечках только некоторые жители, главным образом белорусы и евреи, вели себя более дружелюбно. В первые дни этого освобождения я не видел украшенных цветами приветственных сооружений, триумфальных арок или чего-нибудь похожего. Польские солдаты, отрешенные и покорившиеся судьбе, сидели в придорожных канавах или шли куда-то маленькими группками, сдавали оружие нашим. Не то в плену, не то на свободе. Я не испытывал к ним враждебности, скорее нечто вроде сочувствия: с одной стороны их гнали немцы, а с другой — мы... Разговоры с ними были запрещены. На нашем пути к Белостоку до перестрелок дело не дошло, но мы узнали, что за Гродно, Вильно и Львов ведутся бои. Именно тогда я получил от моих начальников первое, причем сразу серьезное

предупреждение, что моей неправильной позицией могут заинтересоваться соответствующие органы... Ибо на моих первых фотографиях было слишком мало энтузиазма. Старшие, более опытные корреспонденты советовали этот энтузиазм... организовать, поставить, инсценировать. И во всём слушать и слушаться политруков, которые хорошо в этом разбираются. Вероятно, поэтому уже в Белостоке мне не было нужды напрягаться и прилагать усилия. Всё было подготовлено: приветственные комитеты, девушки с цветами, митинги с выступающими на них комиссарами и с транспарантами, оркестры и парады. Но имелось и кое-что еще: обыкновенная жизнь, так сильно отличающаяся от нашей. Эту польскую жизнь нельзя было фотографировать, хотя в душе мы ею восхищались...

Первое, что после пересечения границы поразило Халдея, — это дорожные указатели. В отличие от СССР, на польской стороне каждая, даже самая маленькая дорога была обозначена дорожным указателем, информирующим, куда она ведет и насколько до этого места далеко. Его удивление росло и на каждой стоянке, но уже по другой причине: вокруг он замечал прилично и даже элегантно одетых людей (причем крестьян и рабочих!) и заодно лицезрел явный признак их богатства — большое количество велосипедов! А в Белостоке увидел необычайное и неведомое в СССР изобилие товаров в магазинах. Обмен злотых на рубли по сказочному курсу 1:1 привел к тому, что красноармейцы быстро очистили магазинные полки. Первой покупкой Халдея были настоящие швейцарские часы за какие-то несчастные сто рублей и изящное платье для сестры.

— Тогда я впервые в жизни ел настоящую колбасу! Она имела чудесный вкус — точно так же, как обеды в маленьких еврейских харчевнях и закусочных. Я был королем жизни! О! Я в ту пору выглядел вот так, — и показывает фото улыбающегося молодого мужчины в кожаном пальто и высоких сапогах, с «Лейкой» на уровне глаза, опирающегося ступней о фонтан на площади Костюшко в Белостоке. Видимо, ему самому эта фотография давно не попадала в руки. Он смотрит на себя, моложе на 56 лет, и усмехается. Подарки из Польши тоже, наверно, имеют в этой умиленности свою долю участия.

В Белостоке у него почти год размещалась база, откуда он устраивал свои вылазки. Фотографировал «укрепление» советской власти под аккомпанемент согласованных усилий трудового народа городов и деревень. Иными словами,

действительность. Но такую, какой ей полагалось быть. Жил он тогда в самом центре — у Юзефа Рабиновича, в его фотоателье. Рабинович поначалу не имел ничего против того, что происходило после вступления Красной армии, а его жена и прочие родственники охотно принимали участие в митингах в поддержку новой власти.

— Поздней весной 1940 года этот энтузиазм семейства Рабиновичей неожиданно и разом прекратился. Помню, как всех корреспондентов вызвали в редакцию «Белостокской правды». Офицер НКВД выступил перед нами с довольно длинной речью о поляках — «врагах народа», «буржуях-антисоветчиках» и т.п. Закончил он словами: «Сегодня мы вывезем отсюда эту сволоту». Каждого из нас прикрепили к одной из групп НКВД, располагающих списками отдельных лиц и целых семей, которые подлежали вывозу. Неизвестно почему, меня тоже прикрепили, хотя строго-настрого запретили фотографировать ту страшную охоту, которая началась после наступления сумерек... — Халдей прячет лицо в ладонях. В маленькой московской клетушке несколько мгновений длится тишина, прерываемая только доносящимися откуда-то из соседних домов популярными мелодиями, которые славят советскую победу полувековой давности.

— Вы ведь знаете, что там происходило... Поляки, чьи фамилии стояли в тех списках, пробовали что-то объяснить, прятались под лестницами и на чердаках своих домов. Энкаведешники с криками грубо вытаскивали их на улицу. К женщинам относились по-хамски... На моих глазах затолкали на грузовик какого-то мужчину, который громко просил, чтобы ему разрешили подождать жену и дочь, так как потом они не найдут друг друга. «Полезай! Встретишься с ними на том свете!» — услышал в ответ этот несчастный. Не каждый из них успел захватить с собой хотя бы самые необходимые вещи и еду. Потом на вокзале их утрамбовывали в вагоны для скота и вывозили... Но на это я уже не смотрел. Потому что не выдержал. И, пользуясь темнотой, сбежал в дом Рабиновича. Тот, прежде чем открыть дверь, убедился, что я один. А на меня смотрел, как на преступника. Никогда не забуду его слов: «Вы обманули нас, а мы так ждали советскую власть». Потом при потушенном свете мы наблюдали через окно, как по главной улице Белостока, переименованной в Советскую, проезжают заполненные людьми грузовики.

Халдей фотографировал очередные успехи нового строя на землях Западной Белоруссии и Западной Украины: организацию колхозов, агитационные митинги в местечках и

деревнях, открытие новых фабрик и заводов. А торжественный запуск, после восстановления, канала Днепр—Буг, по которому на немецкую сторону поплыли первые баржи с советским зерном, запомнился ему особенно — благодаря комментарию Рабиновича.

— «Еще недавно Польша отправляла в Германию свиней, а немцы хорошо на них откормились и напали на Польшу», — сказал мой хозяин. И добавил, что теперь, как только немцы наедятся советского хлеба, они нападут и на нас... А я тогда только рассмеялся и постучал пальцем по лбу. Каким же я был глупым...

Над Москвой опускается предпраздничная ночь. Прощаясь, я замечаю на вешалке, около металлической двери, старательно отглаженный костюм, с орденами Отечественной войны и Красной Звезды на лацкане пиджака знаменитого фотографа. Евгений Ананьевич тоже готовится к торжеству. Когда я благодарю его за интересный разговор, он обрывает:

— Тут я вам благодарен. Меня это мучило с давних пор, а сегодня с моей души свалился камень. Теперь я могу праздновать.

День Победы Евгений Ананьевич Халдей отмечал впоследствии еще дважды. Умер он 23 октября 1997 года.

ЛИЦО НОВОЙ РОССИИ В ФОТОГРАФИЯХ РАФАЛА МИЛЯХА

Александр Блок в стихотворении «Скифы» сравнивал Россию со Сфинксом: «О старый мир! Пока ты не погиб, / Пока томишься мукой сладкой, / Остановись, премудрый, как Эдип, / Пред Сфинксом с древнею загадкой!» Россию в Европе и в самом деле часто рассматривали как тайну, из чего и родился миф российской экзотики, который на протяжении столетий как магнит притягивал в эту страну толпы путешественников. Рафал Милях силой интуиции художника великолепно уловил проблему самосознания современной России. Страны, стоящей на перепутье, не знающей, Азия она или Европа, демократия или авторитарная система, империя или федерация. На одном из снимков мы видим трансвестита Васю. Хотя он трансвестит показной, театрализованный, ибо имеет жену и ребенка, но подача этого образа основана на подчеркивании проблемы с полом. А это — фундаментальное начало, исходя из которого человек определяет себя самого, более существенное, чем лицо или имя. Зеркальное отражение, двойничество мы видим и на другом снимке, представляющем двух раздетых по пояс мужчин. У них разные черты лица, но одинаковые фигуры. Как два разных лика России, они смотрят друг на друга с интересом, но вместе с тем явно неодобрительно.

На фотографиях Рафала Миляха, которые можно было увидеть с конца февраля в Национальной галерее искусства «Захента»^[1], противоречивость образа России предстает особо выразительно. Ощущение подлинности повествования, содержащегося в фотографиях семи героев выставки, возрастает у зрителя, когда он видит комнаты этих героев. Кровати с разобранными постелями, словно персонажи только что проснулись, чтобы рассказать нам свои истории. Интересна фотография Миры (родом из Хакассии), чья хрупкая фигурка размещена на фоне подавляющей своим размером стены. Это символ азиатской России, распростершейся за Уралом.

Художник, подобно Яцеку Хуго-Бадеру (см. «Новую Польшу» №4 за этот год), ищет собственный путь познания этой страны. Он отправляется по ее окраинам, подальше от центра с его

идеологическими клише. Подчеркивает многокультурность и многоэтничность российской мозаики. Существенную роль в фотографиях Миляха играют мобильники и компьютеры, которыми пользуются его герои. Россия избрала путь современности и благодаря новым медиа открывается миру. Она уже никогда не вернется в прежнюю эпоху, будто бы заявляют фотографии. В беседе с Иоанной Киновской, куратором выставки, художник признался, что был момент, когда он «усомнился в ценности изображения, ибо слово оказалось значительно сильнее». Конечно, в текстах, которые сопровождают снимки, герои пытаются быть более политкорректными, чем на фотографиях: говорят о своей лояльности к власти и о ностальгии по Советскому Союзу. Слово в конфронтации с образом оказалось подавленным и управляемым идеологией. В сознании российских тридцати-сорокалетних на воспоминания детства накладываются воспоминания о Советском Союзе: о вкусе мороженого по десять копеек и относительной зажиточности. Аналогией таким установкам Милях нашел в книге Светланы Алексиевич «Зачарованные смертью», в которой она описала судьбы «искренних» коммунистов, которые не могут найти себя в действительности новой России и поэтому избирают бегство в смерть. На одной из фотографий мы видим пару влюбленных — Сашу и Настю, купающихся в озере. Таким обращением к непреходящей ценности, как любовь, Милях напоминает нам, что политика и идеология — это, в сравнении с настоящей жизнью, лишь иллюзия.

-
1. Рафал Милях «Семь комнат». Национальная галерея искусства «Захента», 25 февраля – 1 апреля 2012. Куратор — Иоанна Киновская.

Кристина Милобендская

СТИХОТВОРЕНИЯ

*

вид земли

(что замглится

заслонится забудется)

*

динь-динь

добрый день среди ночи

*

быть собой настолько, что уже не быть

(верти это в себе снова и снова,

до пустоты)

*

отдели свет от солнца

бег от дороги

твое от моего

мое от?

*

не подумать ни о чем

страшно подумать ни о чем

*

ближе к тем что ушли

недалеко до тех кого здесь уже нет

недалеко до тех кто всё ближе

||*||||| ||||||| ||Тебя собой сказывать|||Тобой сущая |||Тобой
говорю ||снова и снова дом|||снова и снова Ты |||снова и снова
говорю ||(говорю)|||(говорю) |||(говорю) ||(не хочу)|||(не
сущая) |||(не жду) |||||||

*

в глаза тому, в лицо, в листву

песок

*

песок

города, дома, сады, тропинки, реки, озера, пруды,

моря, чайки, леса, олени, косули, лошади, кошки,
собаки, лапы,

ноздри, животы, волосы

мои волосы, мои брови, мои ресницы, мои глаза, мои
слезы,

мой рот, песок

*

прибывай — отбывай — убывай — прибывай —
отбывай —

убывай — прибывай — отбывай — убывай —
прибывай — отбывай —

убывай

и бывай!

*

существительные, глаголы, определения, корни,

дополнения, наклонения речи, причастия,
прилагательные,

слоги, фонемы

моя дикция, мой голос, мои губы, мой нос,

мой лоб, мои глаза, мой рот, песок

песок

*

говори!

Тебя собой сказывать | Тобой сущая | Тобой говорю снова и
снова дом | снова и снова Ты | снова и снова говорю (говорю) |
(говорю) | (говорю) (не хочу) | (не сущая)| (не жду) ||

|*|||

|Тебя собой сказывать||Тобой сущая||Тобой говорю

|снова и снова дом||снова и снова Ты||снова и снова говорю

|(говорю)|||(говорю)|||(говорю)

|(не хочу)|||(не сущая)|||(не жду)

|||

ИСТЕЧЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Кристина Милобендская (1932 г.р.), дебютировала как поэт в 1960 году. Кроме того, она автор пьес для детей, что важно для понимания ее поисков в области языковой выразительности: найти общий язык с ребенком значит найти общечеловеческий язык. В последнем, кажется, и состоит задача Милобендской, чьи последние книги поражают своей языковой изобретательностью. Должен признаться, что давно не читал таких сжатых, концентрированных и в то же время таких открытых стихов. Их отправная точка — драматический опыт поэта, признавшегося: «Всегда одинока, на чужом языке». При этом необходимо помнить о том, что в поэтике Милобендской всякий язык — чужой.

Это поэзия, всё плотнее замыкающая себя на высказывании, пробуящая тем самым сократить дистанцию между мыслью и речью, найти для них своего рода общий «эквивалент высказывания»: «записать бег мысли, бег слов в бегущем мире. Которым бегу, который бежит мной. (...) Расстояние между мыслью и речью. Как пробежать это расстояние? Беглей говорить, говорливей бежать. (Произношу звуковой остаток того, что беззвучно мыслю. Записываю остаток этого остатка)». В то же время это поэзия, открытая некоему «ты» и всё сильнее стремящаяся к редукции своего «я», до сплавления его с общим «мы»: «твоими руками изъять себя (оставить) / растратить себя (сохранить) / собери меня из одних Тебя, отчетливей / буду ничто и многое».

Причастие в связке с местоимением — частый прием этой поэзии: «Если бы кто-то прочитал всё это, незаписанное и записанное. Если бы эти разрозненные фрагменты сложил по-своему. Если бы хоть кто-нибудь хоть как-нибудь приволил их себе». «Записанное» и «незаписанное», и то и другое — характерная черта речи, бытия, обращенного к другому человеку, к миру. Но при этом нельзя не заметить, что подобная регистрация этого «бега» — жизни, письма — может оборачиваться, как в цитированном стихотворении, недоговоренностью. Желание упорядочить хаос жизни посредством «записей» при том, что сами «записи» понимаются как оставляемые кому-то «разрозненные фрагменты» (думаю, что в этом можно увидеть своего рода троп, восходящий к поэтике фрагментов, к «разрозненной»

поэтике рапсодов — «сшивателей песен»), — это попытка выйти за пределы «литературы» («формы») и вместе с тем придать жизни форму литературного высказывания. Это напряжение в стихах Милобендской — результат наиболее последовательной в нашей поэзии попытки разрешить противоречие между «письменным» и «дописьменным» (хотя нет, скорее «устным»); иначе получалось бы, что речь идет не только о том, что «до поэзии», но о том, что вообще «до слова»). Поэтому у нее говорится: «Не мыслю словами. Мыслю образами». Смысл этого признания, приводящего к непривычно драматическим когнитивным последствиям, попытался уловить Анджей Фалькевич в замечательном эссе «Быть может»: «Большая часть нашего знания несказуема — то есть она не может быть выражена дискурсивно, не может быть явлена общедоступными средствами. Некоторая часть этой несказуемой части — образная или описательная — артикулируема, но являет наше знание не напрямую. Это материал религии или художественной удачи. Вечно молчащий остаток, который, быть может, всё и определяет».

Поэзия автора книги «Помню» не словесная, главный когнитивный инструмент этой поэзии — глаз. Язык всегда «чужой». Чтобы выучить его, необходимо либо присвоить его, либо реконструировать: «я только и делаю, что смотрю в есть / в одно и то же есть мое и воды / в то ослепление / ту сущ есть венность / сущ несть венность / которую сращиваю / которую сокращаю до существования». «Смотрение в есть» становится попыткой достигнуть самой сути существования. И тогда это существование приобретает измерение метафизического, даже мистического, опыта — когда, как в кульминационной точке всей книги, мы доходим до границ понимания: «Есть в опыте, нет в образе». Есть только «чужой» язык мира, текста, другого человека.

Одна из главных трудностей этой поэзии — горизонт видения. В книге «После крика» Милобендская вновь сталкивается с отношением я/цельность (я/мир). Сколько мира, столько же «я»: «наконец мой, мой во мне / мой со мной / мир / я первое и последнее лицо» (так заканчивается стихотворение в том экземпляре, который я получил от автора; в книге — «я лично»), — это своего рода взаимоуподобление «я» и мира, своего рода *praesens* (не в грамматическом значении «настоящего времени»), находящий выражение в формуле целокупности жизни: «выздоровела от болезни соединять всё со всем». Опыт такого соединения тут же фиксируется: «на фотографии / матьотец клумбаконьясень».

Однако в этом *praesens*'е тоже есть своя временная путаница: «прости за тут меня еще уже нет / за везде есть и всегда меня найдешь». Время в сущности неопределенно, а жизнь — «исчезновение»: «пиши пиши пока в писании не исчезнешь / смотри смотри пока не исчезнешь в смотре́нии», «сущая до исчезновения». Тут появляется «другое лицо» — в этой поэзии «ты» («Ты») очень важно — это открытость: другим, миру, себе, в конце концов. Милобендская (Бродский как-то метко сказал, что «лирический предмет» совпадает с «я»)

вообщена, вкрикну́та в людей

Но она же и

задушила свой крик

теперь молчит о жизни

В этих афористичных записях речь идет о подтверждении каждого слова самим собой: отсюда этот отход от «формы», от правил «стиха» — к памятке, наброску: «сними с себя Кристину / ребенка мать женщину / квартирантку любовницу туристку жену». Отсюда же подпись под рисунком на последней странице обложки книги: «Может / я должна / поставить / здесь точку». Это последовательно: после крика (а в итоге «после крика» — то же, что «после всего») наступает молчание, та самая граница речи, музыкальная пауза.

Книга «Потерянное» отсылает своим названием к предыдущему сборнику поэта «Собранное», опубликованному в 2006 году. Одновременно с «Потерянным» появилась книга интервью Ярослава Боровца с Милобендской и Анджеем Фалькевичем «Серый свет». В своих записях (я предпочитаю называть эту поэзию так, а не словом «стихи») Милобендская сосредотачивается на верификации, анализе слова: «Мне интересны все слова. Я пытаюсь разобраться в их устройстве, понять их родство, их созвучность, то есть их морфологию. Невозможно также оторвать слова от опыта, который этими словами записан. Но иногда достаточно самой музыки стиха, музыкальности записи».

Может быть, следует рассматривать последний сборник как попытку прояснить слово, ставшее названием предыдущей книги: «чьи слова? (...) / мои слова. (...) / потерянные. / потерянные по дороге». Слово неуловимо, моментально, неповторимо: «дерево так дерево / а дерева уже нет / облака (облака)». В этой записи есть феноменологическая рефлексия, усиленная как бы принудительной двусмысленностью: «дерево»

(drzewo) здесь может быть одновременно существительным и глаголом. Формула «дерево так дерево» говорит о древесной экзистенции к ничто, разодранной (от drzeć) на бытие и небытие. Следующая часть записи — «облака (облака)» — не только связывает облака с деревом, устремленным к ним, но и передает их скольжение относительно друг друга. И всё это к тому же усилено мелодическим контрапунктом.

Этот сборник можно читать и как запись трех (по числу серий квантовых лирических порций) медитативных поэм об истечении экзистенции, сосредоточенной вокруг неопределимого центра: «не подумать ни о чем / страшно подумать ни о чем». Поэзия Милобендской требует от читателя исключительной сосредоточенности, отсылает к внутреннему внеязыковому пространству, «ненарративному» мистическому опыту. Эта самоуглубленность связана не только с брэнностью, но и с мерцанием настойчивой жизни, которое моментально в языке (всего мгновение), но подтверждается каждой следующей записью – высказыванием.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ «ИСТОРИЯ ПРАВИТ ШКОЛОЙ»

В лицее после первого класса школьник должен будет выбрать, какие науки ему изучать: точные или гуманитарные. Если он выберет точные, то историю получит только в качестве дополнительного предмета, причем вместе с обществоведением.

Реформа министерства национального образования (МНО) приходит в лицеи в сентябре. Можно ли считать ее хорошей, если она вызвала войну по поводу истории?

Протестуют ученые-историки и школьные учителя, а правые круги пикетируют МНО и провели уже две голодовки. В «Газете выборчей» о месте истории в школе ведут спор два университетских преподавателя и публицисты.

*Беседа с проф. Яном Хартманом, философом,
преподавателем Ягеллонского университета в Кракове*

— Стоит ли голодать в защиту уроков по истории?

— Борцы за свободу голодали в разных странах из-за фундаментальных проблем. Упомянутые вами голодовки в связи с уроками истории только оскорбляют их память. Речь-то идет не о количестве уроков по истории, а об их содержании. У истоков лежит убежденность современных эндеков [национал-демократов] в том, что преподавание истории в школе — это их территория, которую кто-то пытается перехватить. Достаточно было оповещения МНО, что историю предполагается изучать в блоке под названием «история и общество». Этот второй член внятно свидетельствует об отходе от пропагандистско-национальной формулы преподавания, которая называется сегодня исторической политикой и представляет историю народа как череду дней славы и героизма, как беспримерную мартирологию, но обходит молчанием любые проявления вины и позора. В этом смысле беспокойство правых сил обосновано...

— Протестуют, однако, не только правые, но также историки — целые факультеты ведущих вузов. Они говорят, что урезанная история приведет к интеллектуальному обеднению учеников.

— Большинство учеников не запоминают из лица ничего, в том числе и по истории. Их не интересует учеба, и никакая реформа этого не изменит. Я имею дело с выпускниками и вижу это. Спрашиваю у студентов, когда были Средние века, — не знают. Кто такой Наполеон — не слышали. С кем граничила Польша до 1989 года? Они неспособны перечислить эти государства.

Нам следует признать, что просвещенческо-романтический замысел массового обучения на уровне среднего образования не сработал. Идея создания большой системы школьной подготовки, которая привела бы массы на порог интеллигентской образованности и гражданственности, — идея утопическая. Мы знаем это, но в силу бюрократической инерции продолжаем погрязать в ханжестве и лицемерии. Учим математике широкие массы, хотя всё равно от этого останутся четыре действия арифметики. На уроках литературы эпатируем детей языком филологического подхода и литературной критики, но преобладающая их часть в любом случае никогда не будет читать. Годами учим их истории, а в головах у большинства останется только несколько имен и названий. Массовое образование попросту биологически невозможно. Школа представляет собой фикцию и учит фикции. Все притворяются, что-то изображают, а вдобавок существует интернет, и никто уже не в состоянии дотумкать, зачем вколачивать в мозг те вещи, которые всегда под рукой и по первому требованию извлекаются из телефона. Тут-то и вылезает шило из мешка — фиктивное образование, бросовые договоры и большое, часто оправданное разочарование молодежи.

— *Так что же делать? Не учить?*

— Нет никакой необходимости, чтобы аттестат зрелости и высшее образование были массовыми. Чтобы все занимались по учебникам, которые придерживаются несколько упрощенного, но все-таки академического дискурса. Если бы мы разрешили учащимся покидать школу не в возрасте 19 лет, а раньше, это было бы дешевле, эффективнее, честнее. У нас имелось бы больше выпускников с реальным образованием, нередко и профессиональным.

Длительное общее обучение предназначалось бы для наиболее мотивированных. Так, как это обстояло до войны, с той лишь разницей, что сегодня каждый имел бы равные шансы на попадание в школу, ставящую высокие цели.

— *Дополнительные блоки с историей, глубокая специализация уже для 16 летних — этого пока хватит?*

— Изменения идут в хорошем направлении. Особенно мне нравится ограничение традиционного хроникально-пропагандистского повествования о королях и войнах в пользу истории обществ и культуры. Это важнее и поучительнее. Но не будем обольщаться: даже при самых лучших пожеланиях преподавание новейшей истории всегда будет исковеркано политической пропагандой. Так происходит везде. Правда — это роскошь для элиты. Невзирая на то что в библиотеке она ждет каждого. Даром.

**Беседа с проф. Анджеем Новаком, историком,
преподавателем Ягеллонского университета**

— *Голодовки против изменений школьной программы — это не перебор?*

— Нет, коль скоро предшествующие попытки привлечь внимание министерства не принесли результатов. Я был соавтором письма-протеста против таких изменений, которое в январе 2009 г. подписало свыше ста историков — профессоров высшей школы. Наши требования не были учтены ни в малейшей степени. С того времени звучало много похожих призывов из самых разных кругов. МНО всеми ими пренебрегло.

— *Но ведь уроки истории не исчезают из лицеев...*

— Этого мы не утверждаем. Должен добавить, что я позволяю себе употреблять множественное число по той причине, что эти требования поддержали целиком ученые советы Института истории Ягеллонского университета, Института истории Люблинского католического университета, исторических факультетов Вроцлавского, Торунского и многих других университетов, — это протест вовсе не политический, а сугубо по сути! Мы тем самым констатируем, что количество часов и ранг предмета оказались сниженными. МНО повторяет, что часов будет столько же, сколько до сих пор, но это манипуляция. Часов на так называемый блок «история и общество» планируется столько же, сколько ранее отводилось истории. С той лишь разницей, что в этот блок включены еще два других предмета: обществоведение и военная подготовка. Времени на историю станет меньше.

— *Почему количество часов столь важно?*

— Всё меньше учеников выбирают историю в качестве экзаменационного предмета для аттестата зрелости. Их число упало, когда вузы начали принимать на юридические специальности с экзаменом по географии и без требования о наличии в аттестате зрелости экзаменационной оценки по истории. Географию ученики сочли более легким предметом, а от истории отказались. Стало быть, точно так же лишь немногие станут выбирать исторический профиль — пожалуй, какие-то 5%. Остальные будут иметь дело с замещающим блоком, а в нем нет одного обязательного общего стержня. Есть несколько модулей, и каждый учитель может скомпоновать из них свою конфигурацию учебного курса. Таким образом, один класс пройдет курс по темам «Экономика и наука», «Женщина и мужчина, семья», а также «Язык, коммуникация, средства информации». Другой возьмет темы «Война и военная проблематика», «Родство и чуждость», «Европа и отчий мир». Без всякой точки соприкосновения. А где общее основание для обучения и воспитания?

История — это не такой же предмет, как любой другой. Невозможно переоценить ее гражданское значение. МНО убеждает, что для истории появится больше места. Это демагогия. Главная проблема заключается в том, что уже не будет возможности более серьезно поговорить о нашей совместной истории с людьми, которые соответствующим образом созрели. Ведь одно дело — беседовать о Конституции 3 мая с 13 летним школьником, и совсем другое — с 18 летним. Новая программа инфантилизирует историю.

— Разве нельзя в лицее обучать истории не хронологически, а проблемно?

— Конечно же, можно. Достаточно, чтобы в блоке «история и общество» один из модулей стал обязательным. Мы предлагали в 2009 г. и продолжаем по-прежнему предлагать, чтобы это был «Отечественный пантеон, отечественные споры». Это никакая не национальная агиография, здесь есть место для споров и дискуссий о Польше и ее положении в Европе. Прекрасный случай для того, чтобы вести с 18 летними разговор о важных гражданских делах.

И это не узкий взгляд историка на свой собственный предмет; подобным же образом я бы советовал просмотреть и другие дисциплины, так как они тоже пали жертвой указанной реформы.

Реформа лицеев наносит катастрофический удар по сущности современного образования, потому что она требует слишком

глубокой специализации 15 летних, тогда как их жизнь будет состоять в чём-то прямо противоположном — в непрерывной адаптации и многократных сменах профессии. В такой ситуации лучшим было бы хорошее общее образование.

Беседы вела Александра Пезда

ИЗ СТИХОВ 2011 ГОДА

Осмелюсь предложить вниманию читателей «Новой Польши» прошлогодние стихи с, условно говоря, «польскими мотивами». Так как «мотивы» не везде и не всякому очевидны, прибавлю некоторые разъяснения.

Весь прошлый год был у меня воистину Милошевским годом. И прежде всего даже не фестивалями, в которых я принимала участие, не Милошевским конкурсом русских переводчиков, а завершением работы над объемистым томом «Мой Милош». Помимо розыска и сбора прежних своих публикаций (начиная с 1980 года, с «Нобелевской речи») я перевела еще целый ряд стихотворений и, главное, статей — или, если кому угодно, эссе — Чеслава Милоша, больше всего из вышедшего в прошлом же году сборника «Россия» (том 1 — второй том вышел в Польше уже в нынешнем году). Работа над переводами статей «Достоевский и Мицкевич» и «Бедный камер-юнкер» заставила меня — как в те далекие времена, когда я переводила «Поэтический трактат» Милоша, — заново погрузиться в Мицкевича.

«...Виденье, или Вильно, и тот чудной поэт, // кто над рекой иною, / “укрывшись под плащом”...» — этот поэт, конечно, Мицкевич, и Виденье не случайно написано с заглавной буквы: это Виденье из «Дзядов», где место действия — Вильно. «Над рекой иною» — над Невой, где некогда, «Укрывшись под одним плащом, / Стояли двое в сумраке ночном» (пер. В.Левика). Двое — Мицкевич и Пушкин.

Пушкина Милош в заголовке своей рецензии на книгу Вацлава Ледницкого жалостливо назвал «Бедный камер-юнкер». Этот заголовок сразу прозвучал у меня в голове стихами, и, хотя стихотворене, начатое этой строчкой, далее не имеет никакого отношения ни к Милошу, ни к Польше, но без Милоша его просто не было бы.

К стихотворению «Метафизика-3» нечего прибавить: примечание составляет его интегральную часть.

С «Вариацией на мотив Бачинского» казалось бы, всё ясно благодаря эпиграфу, — хочу только добавить, что стихотворение, первые две строки которого вынесены в эпиграф, я много лет безуспешно пыталась перевести, и в этом

смысле «Вариация» стала знаком окончательной капитуляции: увы, не переведу. Есть прекрасный перевод Марии Сергеевны Петровых, и только одно в нем меня не устраивает — потеря множественного числа и в «любовях», и в заключительных «ненавистях». Так вот это у меня в «Вариации» вышло — с заменой «не вытопчут ненависти» на «ненависти не удушат». Но перевода — нет, перевода не вышло.

«...а значит, нигде» — обрывок знаменитой фразы, определяющей место действия в пьесе Альфреда Жарри «Король Убю»: «В Польше, а значит, нигде».

*

И в сумраке вечернем,
и в мороке ночном
вчерашних развлечений
не слышно за окном,
а только слышно-видно
сквозь дырочки тенет:
Виденье, или Вильно,
и тот чудной поэт,
кто, над рекой иною,
«укрывшись под плащом»,
окутает окно мое
плетущимся плющом.

*

Бедный камер-юнкер,
чугунный-аржаной,
выставлен в кунсткамере
с красавицей-жаной.
Ржавая чугунка,
столыпинский вагон.

Пашет пашню Глинка,
а пишет песню он ли?

Песня онли-ю
из-под ребер льется.

Сменяя колею,
меняются колеса.

Колеса, не стучите,
а паровоз, постой.

Сменяются учителя,
на постаментах стоя.

Бедный постамент,
уже и буквы стерлись.

И кто на нем поставлен?
Чапаев? Чукча? Штирлиц?..

метафизика-3

Эти ведьмовские зелья,
неразорванные звенья,
неразомкнутые кельи
в бездвиженьи, бездвиженьи.

По-над плоскою землею,
над поверхностью земною
neneбесные орлы и
неземные, неземные.

Там, где домик в три оконца,
а над ним Сатурна кольца,
там и Солнце холодает,

западает, западает.

От сияющего куба,

от бревенчатого сруба

если, ежели и кабы

не сильны, но и не слабы.

И не немощны, не мощны,

от мошны живут мощи,

всё, что можно, невозможно

от Пшедмужа до Пшедмोजа. ^[1]

ВАРИАЦИЯ НА МОТИВ БАЧИНСКОГО

Tych miłości które z nami

na strumieniach białych płyną...

Тех любовей, что за нами

вдаль плывут под парусами,

что, как чайки над волнами,

позабыть велят, а сами

ничего не забывают,

даже если уплывают

по реке-реке до устья,

по волнам-волнам до неба,

тех, что нет, не поддаются,

и ни Висла, ни Онега

их не вхлынет, не потопит

и глушилки не заглушат,

тех любовей — вот мой опыт —

ненависти не удушат.

*

...а значит, нигде.

Мор Фома, одна морфема,
отрицательное «у»,
и не рифма, а рифмема,
как в ютюбе король Убю.
Этот остров... Мимо, мимо,
мним и остров, и океан,
их обоих смыло, смыло
с пыльной карты дальних стран.
И на том ли океане
тот ли остров, тот ли гранит,
та ли шаль из той ли ткани
тот ли парус багрянит?

1. Przedmurze (польск.) — бастион, дословно предстенье (например, Польша всегда почитала себя «пшедмужем» христианства, нас соответственно считая теми, кто «за стеной»). Przedmorze (пол.) — предморье. Отмечу, что по-русски есть имя собственное Предморье (которого нет по-польски).

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

27 марта Мариинский театр из Санкт-Петербурга показал в Варшаве «Войну и мир». Вальдемар Домбровский, генеральный директор Большого театра — Национальной оперы, назвал петербургский спектакль под управлением Валерия Гергиева крупнейшим событием в культурных отношениях между Польшей и Россией за последние двадцать лет:

— Это первый и потому исторический визит полной труппы Мариинского театра в Польшу. Что такое Мариинский театр для истории России, мы прекрасно знаем. История этого театра просто феноменальна. Во-вторых, постановка Андрея Кончаловского, осуществленная в сотрудничестве с «Метрополитен Опера», была затем показана в Лондоне, Милане, Токио, теперь Варшава присоединилась к этой элитарной группе, что политически важно. Не каждая сцена может себе позволить поставить нечто столь грандиозное. В-третьих, «Война и мир» — это монументальная историческая фреска, воплощенная языком оперы, в которой переплелись гении Толстого и Прокофьева, *genius loci* Петербурга с современным величием Валерия Гергиева. Это еще одна причина, по которой данный визит исключительно важен.

А вот как оценил представление музыкальный критик «Жечпосполитой» Яцек Марчинский: «Четырехчасовой постановкой «Войны и мира» Сергея Прокофьева, показанной польской публике в Национальной опере, Мариинский театр из Санкт-Петербурга хотел утвердить державный дух своей страны, но, похоже, не свое положение в мире современной оперы. Ставка режиссера — прежде всего на гигантоманию. Исполнителей на сцене сотни. Впрочем, Андрей Кончаловский знал, зачем он это делает. Постановка была выполнена как совместная работа Мариинского театра и «Метрополитен Опера» из Нью-Йорка, где она имела огромный успех. Американцы любят грандиозные суперзрелища. «Война и мир» исключительна не только потому, что Прокофьев написал действо с участием 72 персонажей. В петербургском спектакле опера стала лишь чередой живых картин, эффектных поз и дешевых символов. Мы встречаемся со стилистикой, которая давно вышла из употребления в современном оперном театре, но и в этом отношении просмотр зрелища от Мариинского театра обеспечивает исключительные переживания. Свою

нынешнюю мощь Россия строит на своем сырьевом богатстве, и так же поступает Мариинский театр, поражающий мир множеством талантов, имеющих у него в распоряжении. Ни один другой театр не в состоянии поставить «Войну и мир» исключительно своими силами, труппа Валерия Гергиева делает это без проблем».

В «Alvernia Studios» под Краковом 31 марта состоялась предпреьера спектакля на музыку «Страстей от Луки» Кшиштофа Пендерецкого в постановке Гжегожа Яжины.

Яжина познакомился со «Страстями», когда ему было 16 лет. Его альянс с серьезной музыкой начался как раз с прослушивания пластинок Пендерецкого. Режиссер пишет: «Не только на вербальном уровне «Страсти» говорят о хаосе, из которого рождается остов веры, но и в музыкальном пласте из громады хаоса нарождается звуковой порядок. Поэтому я считаю «Страсти» космическим, тотальным произведением».

Сценическое воплощение шедевра XX века, каким являются «Страсти по святому Луке», — это очередной замысел Филиппа Берковича, художественного директора фестивалей «Misteria Paschalia» и «Sacrum Profanum».

14 апреля в варшавском Национальном («Народовом») театре состоялась премьера «Орестеи» в постановке Майи Клечевской с музыкой Агаты Зубель. Исполнение этой кровавой трагедии Эсхила потребовало объединения сил двух крупнейших в Польше театральных коллективов: Большого театра — Национальной оперы и Национального театра.

— «Орестею» мы назвали драмой-оперой, — объяснила Майя Клечевская. — Это эксперимент, в котором мы пытаемся объединить два жанра.

При работе над спектаклем режиссер использовала нестандартную психологическую методику (так называемые расстановки по Хеллингеру), предусматривающую, что история семьи, скрытые потребности и желания аккумулируются в манере поведения, языке тела. Что из этого получилось? По мнению рецензентов, не слишком удачная повесть о некрофильских поползновениях. Актеры? «Прекрасная Данута Стенка в роли Клитемнестры играет мать-польку того типа, портрет которого дан в автобиографии Дануты Валенсы, — кроткую, бегающую вокруг мужа на цыпочках», — пишет Яцек Цесляк в «Жечпосполитой». Но сама по себе «трехчасовая опера-драма тонет в мегапретенциозности и стереотипах. Себастьян Павляк (Орест) пробует лепить лицо нового человека

— буквально из теста, смешивая муку с красками и волосами. Сцена обнажает стиль работы режиссера: если она не знает, как строить драматургию, то показывает что придется: тушу лося, стадо убитых кошек, цветочки в горшочках, танец на канате, картины плывущих облаков и разлагающихся трупов».

Иоанна Деркачева очень похоже оценивает бесплодность такого типа режиссерских операций: «Ударные гремели. Кассандра (Виктория Городецкая) билась о стены, Электра пела брату «Video Games» Ланы Дель Рей. Зрители кричали: «Содом и Гоморра!» Самой большой трагедией «Орестей» стало то, что она оказалась неэффективной, и это в момент, когда Варшаве так действительно требуется очищение от некрофильских настроений и племенного культа умерших».

Кто наблюдает по телевидению репортажи о повторяющихся десятого числа каждого месяца на ул. Краковское Предмесье митингах и маршах в день смоленской катастрофы, прекрасно поймет, что имеет в виду рецензент «Газеты выборчей». Но едва ли в этом случае исцелит даже и прекрасно поставленная «Орестея».

«Гениальная эпоха. Наброски с Бруно Шульца» — такое название получила инсценировка прозы Шульца в режиссуре Рудольфа Зёлы в гданьском театре «Выбжеже» (премьера 1 апреля). Это выдержанные в поэтике сна рассказы из жизни еврейского местечка, написанные необычайно богатым метафорами языком. Театр по-прежнему хочет соперничать с шульцевской прозой. Не всегда выигрывает.

Бруно Шульц занимает в польской культуре уникальное место. Убитого в Дрогобыче в время Второй Мировой войны, его ценят как выдающегося художника и писателя. После него осталось только два сборника рассказов — «Коричные лавки» и «Санатория под клепсидрой». Другие, неопубликованные рассказы погибли во время войны, та же судьба постигла наброски к роману «Мессия».

Магда Умер обратилась к прозе Ежи Пильха. В театре «Полония» в Варшаве она показала инсценировку его знаменитой книги «Под Сильным Ангелом», удостоенной в 2001 г. премии «Нике». Премьера состоялась 30 марта. «Это спектакль о силе пьянства и нехватке сил на любовь, — сказала Магда Умер. — Об огромном желании любви и о том, что алкоголизм всегда выигрывает. Даже у большого чувства. Но в этом романе есть нечто, из-за чего мы начинаем верить в любовь, которая в состоянии выдержать кошмар алкоголизма».

В роли главного героя, алкоголика Юруся, выступил Збигнев Замаховский. Образчик стиля? «И я шел в кабачок «Под Сильным Ангелом» и с целью упорядочить впечатления выпивал четыре стопки, — говорит Юрусь в романе. — Потом в ближайшем магазине покупал бутылку водки и вызывал на бой суматоху предметов. Беспорядку, неустанно влезающему в оставленную моей женой квартиру, я не был в состоянии противостоять трезвым, хотя делал это стойко, я все же очень педантичен».

Еще одна хорошая новость для поклонников прозы Ежи Пильха: в середине апреля вышел его «Дневник» — записи 2009–2011 годов. Ранее в больших фрагментах писатель публиковал его в «Пшекруе». «Почти с самого начала я понял, что эти записки складываются в «нечто большее», что у них свой ритм и тональность; такое вот чувство, и для меня оно было важнее еженедельно высказываемых отдельных кусочков. Сейчас представляю в полном виде, серьезно отредактированными и во многих местах значительно расширенными», — написал Ежи Пильх. Записи на тему текущих событий переплетаются с комментариями, касающимися прочитанных книг, увиденных фильмов, культурных и политических событий — того, что было важно и что стоило сохранить в памяти. Читатели найдут тут Мартина Лютера и «Аватар», Господа Бога и Джойса, мать и отца, Краков, Варшаву, Вислу, католиков и евангеликов, а в конце, ясное дело, — футбол.

«Пильх со свойственными ему самоиронией и чувством дистанции ведет разговор не только о своей жизни, но, собственно, обо всех нас — а собеседник он острый, независимый, смелый и бескомпромиссный. И хотя он пишет: «Несколько кризисов у меня было серьезных, эйфории меньше, но была; в сумме — полбеда, поскольку, в принципе, я уже из чемпионата выбыл», — но все равно хочется читать его записки и провоцирующие комментарии», — привлекает нас издатель (вновь организованное издательство «Велька литера» — «Заглавная буква»). И без уговоров прочтем!

«Довольно» — это название было изначально, еще при жизни Виславы Шимборской, дерзкой шуткой. Теперь уже не так, ибо им, уже совсем всерьез, завершилось творчество поэтессы — нобелевского лауреата. Сборник «Довольно» с тринадцатью последними стихотворениями вышел 20 апреля в издательстве «а5». Большинство стихов было опубликовано ранее в литературной периодике. Сборник снабжен послесловием Рышарда Крыницкого с фрагментами незавершенных

стихотворений. Одно из них было о неандертальце, другое — о насекомых, еще одно должно было посвящаться Станиславу Баранчаку. Есть еще одно стихотворение, которое, в реконструкции Крыницкого и Михала Русинека, секретаря поэтессы, звучит следующим образом:

Юмор и жалость

Юмор и жалость — прекрасная пара.

Он ей не изменяет, она ему верна.

Им нравится быть вместе, тогда они счастливы.

У нее работа постоянная, у него — от случая к случаю,

но иногда он зарабатывает больше нее.

Когда, не по собственной воле, им приходится надолго расстаться,

мир сразу становится неопишным.

(Пер. Сергея Политыко)

Но были бы стихи именно такими, мы уже не узнаем.

В этом году в седьмой раз будет присуждаться центральноевропейская литературная премия «Angelus». В конкурс включены 43 книги 41 автора, в том числе из Чехии, Венгрии, Германии, Болгарии. Все они, в соответствии с регламентом премии, были изданы в прошлом году по-польски. Но почти две трети — это польские книги.

По мнению председателя жюри Натальи Горбаневской, в этом году было выдвинуто меньше переводных книг. «Не знаю, в чем тут дело, — сказала поэтесса. — Возможно, у издательств нет книг иностранных авторов, которые, по мнению издателей, могли бы претендовать на эту премию? Перевес польских названий в нашем списке, тем не менее, еще не предвещает польской победы». Напомним, что до сих пор ни один польский писатель не получил премию «Ангелус».

Специальную премию за совокупность творчества получил поэт Мартин Светлицкий. Церемония вручения награды, где будут объявлены победители в категориях «Книга года» и «Дебют года», состоится 19 мая.

Самая знаменитая картина польских собраний, «Дама с горностаем» Леонардо да Винчи, будет доступна публике в

Королевском замке в Вавеле. Такое решение приняли министр культуры Богдан Здроевский и основатель и президент Фонда Чарторыйских князь Адам Кароль Чарторыйский. Открытие выставки запланировано на начало мая.

Начиная с 2009 г. картина часто покидала Краков. Сначала гостила в Будапеште, потом в Варшаве. В 2011 г. ее показывали на трех выставках: в Мадриде, Берлине и Лондоне. Место постоянного экспонирования «Дамы с горностаем» — Дворец князей Чарторыйских в Кракове, находящийся сейчас на ремонте.

Выставка «За железным занавесом. Официальное и независимое искусство в Советском Союзе и в Польше. 1945–1989» в Гданьском национальном музее включает свыше ста произведений искусства из двух стран. Все работы — из частной коллекции Петра Новицкого, президента Фонда польского современного искусства в Варшаве; он же и куратор показа. Скульптуры и картины польских и советских художников представлены рядом друг с другом, благодаря этому зритель может наблюдать параллельное развитие искусства в обеих странах и то, как политика вмешивалась в судьбы искусства. Много знаменитых имен: Катажина Кобро и Владислава Стшеминская, Тадеуш Кантор, а также Йонаш Штерн, Эрнст Розенштейн. В разделе выставки под названием «Абстракция и фигуративность» показаны очень известные в советские годы, но сейчас подзабытые художники: Эрнст Неизвестный, Леонид Рабичев, Борис Жутовский. Среди изюминок выставки — портрет Маяковского, написанный в 1950 г. Ежи Новосельским.

Выставка работает в Гданьске до 17 июня. С 21 сентября по 22 октября, благодаря поддержке Института Адама Мицкевича, она будет показана во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства в Москве.

Свыше сорока работ известного польского скульптора Магдалены Абаканович можно увидеть на выставке в Сопотской государственной галерее искусства. Выставку сопровождают киноматериалы, посвященные жизни и творчеству художницы.

— Метафорическое название экспозиции «Potnia Theron» (по-гречески «Госпожа зверей») отсылает к преархаическим и архаическим культовым представлениям — в частности к строгой, пропорциональной статуе Никандры с Наксоса VII века до н. э., которая по тектонике и пластике кажется близкой

скульптурам Магдалены Абаканович, — объясняет куратор выставки Дорота Грубба-Тиде.

Выставка в сопотской галерее носит монографический характер: представляет творчество художницы начиная с произведений 60-х годов XX века до самых новых — 2010 года. Часть работ ранее никогда не показывалась публике. Выставка работает по 27 мая 2012 года.

Первые польские коллекции — Музея искусства в Лодзи и Музея дворца в Вилиянове — стали доступны на странице портала «Google Art Project», где представлены произведения из 150 с лишним музеев сорока стран. На странице www.googleartproject.com/pl/collection/the-wilanow-palace-museum вилияновский музей открыл с 3 апреля доступ к 55 произведениям своей коллекции в фотографиях высокого разрешения.

И один из самых старых в мире центров коллекционирования и показа авангардного искусства — Музей искусства в Лодзи — демонстрирует на странице www.googleartproject.com/collection/muzeum-sztuki 80 работ, в том числе богатую подборку произведений начала XX века и современных. Представлены, в частности, работы Станислава Игнация Виткевича, Станислава Выспянского, Эугениуша Зака, Тадеуша Кантора, Яна Добковского, Мирослава Балки.

В апреле на экраны кинотеатров вышел интересный польский документальный фильм «Всё течет» по сценарию и в режиссуре Петра-Ивана Иванова и Кшиштофа Дзёмдзёры. Это документально-художественный фильм пути, музыкально-кинематографическая импрессия о затерявшемся в жизни человеке, который бежит от проблем большого города в мир природы. Он отправляется в путешествие по Висле на лодочке-плоскодонке, и сплав по Висле от Варшавы до Гданьска становится повествованием о природе и дикой реке в самом центре Европы. Это также рассказ о том, как путешествие изменяет жизнь человека, позволяет взглянуть со стороны на прежние беды и поражения. Съёмки проводились в тех самых местах, где более 40 лет назад снимался знаменитый «Рейс» Марека Пивовского. Технологическое новшество: создатели фильма использовали цифровые фотоаппараты с возможностью записи видео.

«Евро-2012» все ближе. Атмосфера футбольного стадиона начинает увлекать также и людей искусства. Так, она вдохновила труппу Польского театра танца под управлением

Эвы Выциховской на создание спектакля «FootBall@...», балетного рассказа о блеске и нищете футбола. В одном из залов Международной Познанской ярмарки танцоры следуют за полетом невидимого мяча, проникают в тайны дриблинга и самоотверженно бросаются на паркет, не хуже настоящих вратарей. В течение нескольких недель они разучивали также сцены фолов и симулирование падений и травм. Настоящие мы будем скоро наблюдать на стадионах Польши и Украины.

БЛОГОСФЕРА

Холодный мартовский вечер. Модный клуб в центре Варшавы битком набит людьми. Организатор встречи — Центр польско-русского диалога и согласия. Среди участников начинающейся дискуссии — «отец русской блогосферы» Антон Носик и признанный авторитет польской блогосферы журналист Игорь Янке. Разница видна с первого взгляда. Носик в характерной шапочке беззаботно покуривает электронную сигарету. Янке — как всегда, в опрятном пиджаке, сосредоточенный и серьезный. И, хотя говорят они об одном и том же, на самом деле это рассказы о двух разных мирах.

Носик говорит об успехе своих сетевых инициатив и обращает внимание на одну существенную деталь: ему удалось пробиться только благодаря тому, что власть и медиа-магнаты игнорировали интернет. Затем он начинает перечислять слабости российской блогосферы. По его мнению, она охватывает лишь ничтожную часть населения России. Носик описывает интернет как место несерьезное, хотя и важное.

Янке утверждает, что блоги — это революция, которая каждому, у кого есть способности, дала возможность донести до читателей свое мнение. Сам он, будучи профессиональным журналистом, решил «перебраться» из традиционных СМИ в электронные. Однако он не стал отказываться от публикаций в прессе или выступлений по телевидению и радио. Блоги и созданный им портал salon24.pl играют роль мощных «резонаторов». По его мнению, каждый может быть VIP ом, влиять на действительность, комментировать ее.

В ходе беседы синхронная переводчица то и дело не может найти нужных слов или придумывает собственные, новые. Она не вполне понимает, о чем говорят участники дискуссии. Можно сказать, что она подобна традиционным СМИ; интернет, а точнее блогосфера — ее конкурент: массовый и легкодоступный. Но так ли на самом деле выглядит польская виртуальная действительность?

Несколько лет назад в рамках своей дипломной работы Альберт Хупа из Института прикладных социальных наук Варшавского университета исследовал структуру польских политических блогов. Ведь в дискуссии речь шла прежде всего о них. Политические блоги создаются партиями, политиками,

людьми, претендующими на эту роль, политическими обозревателями, активистами. Исследование выявило очень любопытную закономерность: проведенный автором анализ показал, насколько блоги замкнуты в собственном кругу. Они образуют тучи, состоящие из тысяч страниц с одинаковой идеологической направленностью, и немного напоминают лейбницевы монады, не общающиеся друг с другом. Быть может, их пользователи и читают чужие посты, но, как правило, это не находит отражения в том, что составляет суть интернета, — в ссылках на другие сайты.

Некоторое время назад польская политическая блогосфера выглядела довольно просто. С одной стороны, в ней были блоги «правых» (salon24.pl, wpolityce.pl) и «ультраправых» (niezalezna.pl, naszdziennik.pl), с другой — «левых» (форумы gazeta.pl) и «центристов» (onet.pl, blog.pl и т.п.). Все прилагательные я беру в кавычки в связи с размытыми определениями правых, левых и центристов в польской политике.

Блоги диаметрально отличаются друг от друга. Часть из них — с совершенно любительским оформлением — графически проста и базируется на содержании. У других блогов, которые ведут нанятые профессионалы, вид соответствует содержанию, а даже если нет, всё равно видно, что они не создавались бесплатно. Возрастная структура блогеров разнообразна — в этом смысле блогосфера не отличается от общества в целом.

Как Макиавелли писал своего «Государя» в изгнании, так и блогеры пишут преимущественно тогда, когда у них много свободного времени. Если внимательно приглядеться к блогам и форумам, то можно заметить, что очень важная группа читателей и авторов — это молодые матери. Почему? На раннем этапе воспитания детей трудно найти время на встречи со знакомыми. Зато легко найти несколько минут, чтобы написать пост или найти информацию, отвечающую нашим потребностям.

В политической блогосфере очень активны сторонники Януша Корвина-Микке. В большинстве опросов и анкет, где пользователи интернета выражают свою поддержку политическим деятелям, побеждает именно он (хотя в последнее время Януш Паликот начал отбирать у него пальму первенства). В то же время на всех реальных выборах Корвин-Микке не преодолевает даже избирательный барьер. У его сторонников и партийных активистов нет реального влияния на политическую жизнь, нет власти, поэтому они

организуются в интернете. Гораздо хуже справляются с этим партии, играющие в Польше значительную роль.

Умение главных польских партий — т.е. «Гражданской платформы», «Права и справедливости», Союза демократических левых сил, крестьянской партии ПСЛ или Движения Паликота — создавать себе имидж в интернете оценивается довольно низко. Почти все партии пользуются прежде всего услугами профессионалов, создающих сайты, блоги или профили на Фейсбуке. Им не хватает настоящей энергии, инициативы снизу. Интересных и живых блогов очень мало. Исключением из этого правила пытается стать Движение Паликота. Получится ли у него, покажет время.

Блоги, которые часть общественного мнения считает явлением новым и непознанным (как, впрочем, и весь интернет), для людей, лучше знакомых с виртуальной средой, давно стали чем-то очевидным. Конкуренция огромна, и то, что изначально предполагалось как чисто любительская сфера, все более профессионализируется. Лучшие блогеры могут рассчитывать на доходы от рекламы или контракты с крупными фирмами, которые пользуются их авторитетом.

Во времена «текучего постмодерна» резкое ускорение уже не удивляет. То, что сегодня кажется нам новым, завтра будет устаревшим. От блогов интернет быстро перешел к твитам (коротким сообщениям в пределах 140 знаков), мемам (графическим, часто язвительным информациям) и общению в социальных сетях вроде Фейсбука.

В дискуссии с участием Антона Носика и Игоря Янке, организованной Центром польско-российского диалога и согласия, интересно было то, насколько по-разному можно понимать сам интернет. Его определение зависит от того, что́ нам удастся в нем найти. Он не поддается простому определению, основывается на эмпирии, ссылках и перенаправлениях. В мышлении о блогосфере важным становится также политический аспект. Когда Антон Носик рассказывал о польском интернете, он с уважением отозвался о портале gazeta.pl как о крупном влиятельном сайте. Игорь Янке придерживался совершенно иного мнения.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В разделе заметок, завершающем очередной номер «Зешитов литерацких» (2012, №1), я обнаружил волнующие воспоминания Богдана Тоши о Москве 1983 года, в частности о встречах с Геннадием Айги, с чьими стихами еще с 60 х годов прошлого века, а затем в студенческие годы я знакомился благодаря спискам, которые привозил из столицы России приятель, учившийся там астрономии. Б.Тоша точно указывает на один из источников вдохновения поэта: «Истоки поэзии Айги трудные и сложные. Маяковский и Пастернак, но также Бодлер и Норвид — это главные источники поэтического вдохновения. Не знаю, однако, не более ли глубокая связь существует с пластическими искусствами, с супрематизмом, с Малевичем, которому Айги посвятил стихотворение». Конечно же, Малевич! Прежде всего Малевич. Но Малевич и как писатель, для которого одним из фундаментальных вопросов, как и для Хлебникова, был язык.

А вот сразу и следующая заметка: Анджей Бжезецкий «Что происходит в России? Попытка понять»:

«Демонстрации в несколько десятков, а то и в сто тысяч человек, которые мы видим в последние месяцы в России, — это новшество для эпохи Владимира Путина. (...) Эксперты предостерегают от сравнения их с протестами периода перестройки. (...) Важнейшая черта нынешних движений — то, что они зародились несколько поодаль или вне политической оппозиции. Прежняя оппозиция, лидеров которой мы поименно знаем со времен Бориса Ельцина, не была в состоянии мобилизовать такие массы».

Обращая внимание на то, что описываемые им демонстрации и протесты, вырастающие прежде всего из разочарования существующей властью, не имеют явных вождей, автор пишет в заключение:

«Совершенно понятно, что гражданское движение в результате выльется в какую-то политическую альтернативу Путину. Пока нельзя определить ее характер. Еще слишком рано (я пишу эти слова 18 февраля 2012). Но вовсе нельзя исключить, что у такой

альтернативы будет симпатичное, демократическое и дружественное миру лицо».

Иначе говоря, будет либо солнечно, либо пасмурно. В такие провидцы я и сам сгложусь.

Но, пока суд да дело, приглашу читателя на прогулку по Москве, которую удобно начать с открывающего представленную в том же номере «Зешитов» мини-антологию «Картины Москвы» отрывка из «Журнала 1617–1618» Якуба Собеского, отца короля Яна III Собеского:

«Здесь трудно сравнивать *situm* и наружность Столицы, ибо то и другое можно считать *inter pulcherrima orbis terrarum*. Она расположена на большой нагой равнине, лесов и пущ нигде нет, только низкий подлесок; около нее, словно звезды какие, монастыри и церкви каменные светятся. Под городом три реки текут: Москва, Яуза, Неглинная. Кроме деревянного огорода, как его называют, ибо не стеной, а частоколом опоясан и который был значительно больше и в прежних войнах сожжен, Москва включает в себя три стены и три больших города: белая стена послабее, которая точно добрую милю *ambitum* в себе имеет; вторая стена красная, так ее называют из-за кирпича, а в ней город Китайград; третья стена, в которой Крымград, это город, где сами цари живут».

Это, конечно, только одна из картин — их значительно больше. Многие вышли из-под пера поляков, немало, понятно, и русских, и гостей из дальних краев — назовем хотя бы таких как Казанова, Беньямин, Берлин или Рассел. Подборка дополняется рядом эскизов, составляющих портрет города: «Петербург и Москва» Николая Гоголя, «Москва-Петербург» Евгения Замятина (оба в переводе Роберта Папеского), «Москва» Роберта Байрона (перевод Агнешки Покойской) и «Москва: впечатления» Роберто Сальватори (перевод Халины Кралёвой). А венчают подборку московские стихи Осипа Мандельштама в переводе Станислава Баранчака.

Но это еще не всё. В том же номере журнала — прекрасный обзор двухтомника Милоша «Россия: трансокеанские видения», выполненный Эвой Зажицкой-Берард, которая подчеркивает:

«Поразительно, что Милош, демонстративно придерживающийся в своих текстах «государствообразующей» линии истории России, обходит молчанием ее противоположность, а именно глубоко укорененный и широко известный анархизм, вольность (своеволие), что противостоит

«свободе», очерченной законом. Эта общественная стихия имеет свое соответствие в мире лингвистики. (...) Иными словами, российское государство может исчезнуть, а язык останется. Эта диалектика стихии и предписания — исток прелести и исключительности русской литературы. Милош прекрасно знает ее историю, черпает из ее богатств полной мерой, но анализ данного произведения в рамках литературной традиции, которой мы принадлежим, его не интересует (его привлечет к тому лишь появление Бродского на небосклоне советской поэзии)».

Помимо этой рецензии, мы найдем в номере также очерк Петра Глушковского, посвященный Фаддею (Тадеушу) Булгарину и снабженный подзаголовком «Из польских патриотов в русские классики». Начало очерка может потрясти многих польских русистов (что, впрочем, свидетельствует только об ущербности такой русистики):

«В течение сорока лет XIX века Фаддей Булгарин (...) был на устах всей читающей России. В XIX веке лишь несколько русских писателей пользовались столь же громадной популярностью. Булгарин написал несколько десятков книг, из которых более дюжины стали бестселлерами, издавал также самую популярную российскую газету, в течение почти полувека формировал российское общественное мнение. Ни один поляк не воздействовал так сильно на воображение Александра Пушкина».

Фигура эта действительно особенная: Фаддей Булгарин, издатель проправительственных «Северной пчелы» и «Благонамеренного», предлагал назвать Россию Романовией, ориентируясь более на династическую, нежели на национальную идею русской государственности. Завершая свой очерк, Глушковский пишет:

«Польская память полна потерпевшими поражение восстаниями, бунтами и богатырскими битвами. Скорее всего, в ней нет места для Булгарина, который, вопреки всеобщим умонастроениям, решился на сотрудничество с Российской Империей. Глядя из XXI века, мы, однако, не имеем права осуждать людей, которые, отдавшись на волю судьбы, примирялись с захватчиками. Булгарин пошел на шаг дальше. Он не только избрал сервильную позицию, но и решился жить в России и осудить восстание 1830 года. (...) Булгарин с гордостью подчеркивал, что он русский. Определенно ли это означает, что он при этом перестал быть поляком? Сегодня трудно понять, как в век восстаний можно было ощущать себя одновременно

поляком и русским, но в XIX веке двойная идентичность не была редкостью».

Что ж, многие сегодня с определенностью скажут: изменник. Однако не все так просто: ведь тогда еще в общественном сознании не доминировали категории национального государства — государственность мыслилась как некая зависимость; безусловно, так это разумел и сам Булгарин, что сегодня, наверное, трудно понять. А кстати, зададимся вопросом о Казимире Малевиче, который писал по-русски: надо ли его считать скорее поляком, чем русским?.. В самом деле, рассуждения над такими «дилеммами» иногда диковинны.

При чтении этой прекрасной подборки российско-московских текстов (среди которых трудно переоценить очерк Петра Мицнера «Время Терца») меня захватил Гоголь. Великолепный! И ничего удивительного, что тем более увлекли меня фрагменты «Мертвых душ» в новом переводе Виктора Длуского, которыми открывается последний номер (2012, №1–2) «Литературы на свете». Здесь Гоголь, скажем так, наш проводник по России. Он представлен не только «Мертвыми душами», но и письмами к Пушкину, Жуковскому, Погодину, Плетневу, а прежде всего — к Белинскому. Без преувеличения можно сказать, что в этом номере журнала, исключительно удачно составленном, Гоголь — центральная фигура русской литературы, причем самым главным в его писательском инструментарии показан гротеск как способ представления мира, в особенности русской действительности, раскрытия ее абсурдов. И так же неудивительно, что дополнением к письмам Гоголя оказывается созвездие замечательных эссе (Виноградова, Набокова, Розанова, Тарасенкова, Тынянова и Синявского), обращенных к творчеству автора «Ревизора».

Но настоящей изюминкой номера стал новый перевод «Медного всадника» Пушкина, выполненный Адамом Поморским. Столь же замечательно, как сам перевод, сделанный через восемьдесят лет после Юлиана Тувима, и послесловие Поморского, который не только отмечает неудачу своего предшественника в использовании мужских рифм (в самом деле, в польском языке они, если не служат авторской поэтической игре и не привносят дополнительных смыслов, звучат искусственно и сбивают ритм), но и подчеркивает сущностное намерение своей работы — не один только перевод текста, но прежде всего передача идейной нагрузки произведения Пушкина:

«“Медный всадник” (...) это фигура, присутствующая у Пушкина с самого начала и ключевая для позднего его творчества. Поэма стала вехой в вековой, начавшейся с двадцатых годов XVIII века, истории борьбы русского «просвещения» с «самодержавием». (...) Системную оппозицию по отношению к самодержавию создала в XVIII веке наиболее просвещенная часть старой аристократии, привлекая на свою сторону ряд выдающихся мыслителей и писателей, которые помогли письменно сформулировать тезисы, надолго сохранившие актуальность. Основная констатация, свершившаяся в период восстания Пугачева, когда едва не рухнула империя, касалась пульсации истории новой России между крайностями деспотии и анархии, которую сама эта деспотия порождает злоупотреблениями кумовства, фаворитизма и коррупции. Преодоление анархии приводит, в свою очередь, к укреплению деспотии: выхода из этого нет, ибо не существует общественной структуры, которая могла бы противостоять этим двум стихиям. Так что основным лозунгом становится построение такой структуры, возможное только в условиях одновременной правовой гарантии личной свободы всех подданных (включая крестьян) и частной собственности как основной свободы. Постулат живо напоминает идею гражданского общества, а она проникает в Россию посредством первых масонских лож от идеологов английской Славной революции. Именно этот акт двойной правовой гарантии получил название «просвещения»; пусть сам термин и неоднозначен, стоит помнить о категории *civil society* — здесь окрещенной этим именем. То, что построение общественной структуры, угнетенной деспотией, видится как иерархия, обуславливалось оптикой родовой аристократии, но также и отвечающей общественным представлениям русской интеллигенции оптикой мыслителей. Утопия едва ли не феодальной пирамиды сословий и их взаимных обязательств, возрастающих с повышением положения сословия, в условиях самодержавия имеет и либеральный, а не только консервативный аспект. Такова логика противостояния «просвещения» и деспотизма. Характерно для этой проблематики обращение Пушкина в тридцатые годы XIX века к двум сугубо историческим трудам — истории Петра и истории Пугачева. Это именно конфронтация двух крайностей — деспотии и анархии: одна перетекает в другую. Это также аллегорический смысл «Медного всадника». Его замысел вызревал тогда не только в поэтической форме».

И в заключение очерка говорится:

«Пушкин не принадлежал к преклоняющимся перед «кумиром на бронзовом коне», хотя в человеческом величии Петру I не отказывал и понимал его роль в формировании новой российской государственности. Диагноз поэмы, однако, поразителен: тот, «чьей волей роковой под морем город основался», не допустит исхода из этой Империи: с одной стороны, разгул анархии волн повернувшей вспять реки, с другой — затаптывающие смертного копыта бронзового буцефала. Вне Империи, вне Города, который лишь внешне воспевается в прологе как произведение искусства, замкнутый в нем герой (протопласт русского интеллигента) не существует; ему некуда деться».

Действительно ли некуда? О том не мне судить, но все же не подлежит сомнению, что этот герой всё еще ищет выхода. Он делал это в период художественных поисков Хлебникова и Малевича, делал и позже, хотя последствия этих поисков, как в случае представленных в том же номере «Литературы на свете» обериутов — Хармса, Вагинова (он сам себя назвал «поэтом трагической забавы» и близок мне, потому что когда-то его переводил мой отец) или Введенского — бывали драматическими. По-моему, представление в журнале обериутов — это особенно удачный редакционный замысел: мост, соединяющий их гротескно-абсурдистский нарратив с гоголевской гениальной наблюдательностью, вырисовывается здесь с удивительной очевидностью. И, быть может (хотя это только допущение), эта идущая от творчества Гоголя линия критического взгляда на действительность сейчас, когда понемногу связываются разорванные нити литературных традиций, протянется далее, к поискам постмодернистов, таких хотя бы как Пелевин или Виктор Ерофеев, и к эволюционирующей с ними армии новых поэтов, всё чаще обращающихся к возможностям, какие дает свободный стих — поэтическая техника, до последнего времени почти не присутствовавшая в русской литературе, а сегодня распространяющаяся всё шире. Один вывод из всего этого чтения мне представляется безусловным: читайте русских, поляки! Не только у них есть свои «проклятые проблемы», у нас их тоже довольно — следует присмотреться, как можно искать в собственной традиции те языковые средства, которые помогут от этих проблем освободиться.

ГОСПОЖА СКРИЖАЛИНА

Мэри Скрижалина была хрупкая, увядшая, с дырами меж зубов, что свидетельствовало о ее терпеливой бедности. Всякий, кто ее видел, всегда ощущал излучение ее мягкой доброты. В Польшу она приехала после Первой Мировой войны с квакерской благотворительной миссией — нести помощь в стране, разрушенной военными действиями. Тут она познакомилась с русским эмигрантом Скрижалиным и вышла за него замуж. Когда я ее встретил, она уже овдовела, воспитывала двух подрастающих детей и зарабатывала на жизнь уроками английского. Несколько раз в неделю приезжала давать уроки мне и Янке в оккупированной Варшаве.

Кое-что я узнавал о ее огорчениях, а огорчения ей доставляли дети: хоть они родились и выросли в Польше, но ни в малой степени не чувствовали себя полякам. Дочка считала себя англичанкой, сын — русским, и в этом как раз была трудность. Он считал, что патриотический долг требует от него участия в войне с большевиками. Вопреки возражениям матери он записался в немецкую армию, и с тех пор от него не было никаких вестей. Это отсутствие известий продолжалось, пока я не потерял контакт с госпожой Скрижалиной, потому что мы взяли себе нового учителя английского в лице Туся (Ежи Теплица), до войны члена кинофирмы «Старт», а во время войны в Варшаве вполне процветавшего, хоть он и был евреем. У Теплицев был бизнес частично в Польше, частично в Италии, так что, наверное, у Туся были итальянские документы, хотя я его об этом никогда не спрашивал. Во всяком случае и госпожа Скрижалина, и Тусь подготовили меня неплохо, раз я осмелился перевести «Как вам это понравится» Шекспира для Эдмунда Вертинского, то есть для Тайного театрального совета.

Я отдаю себе отчет в том, что юноша-идеалист, желающий воевать с Россией на стороне Германии, — для сегодняшнего читателя фигура довольно гротескная. В Варшаве российские вспомогательные силы прославились грабежами и жестокостью, что не было лишено идейного элемента, раз бывшие советские люди считали Варшаву городом буржуазным, то есть заслуживающим грабежа и убийств. Сегодня, однако, трудно себе представить разнородность национальностей и позиций на тогдашней территории Европы

под господством немцев. Существовала не только немецкая армия, но целая идеология Европы, которую европейские народы защищают от восточного нашествия. Польша в этом не принимала участия, но польская точка зрения способствует теперь беспамятству о лозунгах той войны, между тем как на Восточном фронте воевали также итальянцы, венгры, румыны, азиаты, фламандцы и всяческие группы, руководствовавшиеся мотивами хотя бы отчасти идеологическими. Впрочем, в тогдашней мешанине наций и лозунгов бывали и такие случаи, когда никто не знал, с кем воюет и за что.

Крайним случаем следует признать приключение двух тибетцев, о котором я когда-то читал. Они заблудились в горах и, сами того не зная, перешли советскую границу, были схвачены и зачислены в Красную армию, потом попали к немцам в плен, и их отправили далеко на запад, на Атлантический вал, где они в свою очередь попали в плен к англичанам. Всё это время они могли говорить только друг с другом, не понимая, что происходит и кто с кем воюет. Только какой-то английский сержант, которому довелось служить на тибетской границе, сумел выслушать их рассказ, благодаря чему после войны они вернулись на родину. Во всяком случае они, хоть и не по своей воле, могли похвастаться, что принимали участие в боях на фронтах Второй Мировой войны.

Молодой Скрижалин несомненно был идеалистом и принадлежал к тем русским, по отношению к которым подозрительность Джугашвили была обоснована. Однако статья, даже во имя любви к родине, на сторону жуткого тоталитарного режима — такое не могло не вызывать в нем нравственных сомнений, даже если знание о сути того режима было лишь частичным. Здесь можно было бы задуматься над дилеммами русских эмигрантов, которые даже выпускали свои издания на территории Третьего Рейха. «Русское слово»^[1], еженедельная газета, выходившая в Берлине, доставляла мне ценные сведения о пространствах, занятых немцами, — вплоть до Кавказа. Прямо трудно поверить, что такую газету можно было купить в варшавских киосках. Она отличалась высоким уровнем и минимумом подхалимажа — редакционной платы. Разумеется, газета была резко антисоветской, и чтение ее дало бы варшавянам знания, которых они не желали, — знания о системе ГУЛАГа. Она в лучшую сторону отличалась от совершенно бесцветного и пустого издания французских коллаборантов.

Я отмечаю это здесь, чтобы придать тогдашним событиям аспект, о котором редко вспоминают, настолько память

польских читателей сосредоточена на одном, т.е. на борьбе между немцами и поляками. Мой друг Тадеуш Кронский, разумеется, чтения газеты русских коллаборантов не одобрял, ибо Всеслышащее Ухо могло подслушать антисоветское чтение, но думаю, что тут-то и лежало главное различие между им и мной: он не только не знал русского языка, но и не понимал никаких российских дел. За то его постигла кара: как мне рассказывали — а было это уже после смерти Сталина, — он угрожал его портрету и говорил: «Этот х.. мне испортил жизнь».

После войны я пытался разыскать госпожу Скрижалину, но безрезультатно. Мне кажется, она, должно быть, стала частью безымянной массы варшавян, погибших от немецких пуль. Ничего я не узнал и про ее дочь. Из этого следовало бы, что филантропические экспедиции западных людей в Польшу не приносят счастья.

2004

-
1. Ошибка памяти Милоша: газета называлась «Новое слово». — Пер.

ХВАТИТ УЖЕ, СПАСИБО

«Книга эта настолько искренняя, что когда я ее читал, то думал: «Ну вот, теперь начнется», — говорит Анджей Джицимский, историк, в прежние времена — пресс-атташе Леха Валенсы. — После такого искреннего начала ее невозможно снова закрыть. Всё это выглядит, словно роды: ты выдаешь из себя слова, отрезаешь пуповину — и конец. Слова начинают жить собственной жизнью».

Сразу же после презентации Джицимский пошел на авторскую встречу с Данутой Валенсой в Гданьске. И увидел, как выглядит эта жизнь после того, как книга издана: толпы людей и благожелательность. В Кракове потребовалось сменить зал на больший — столько собралось заинтересованных. Когда Данута едет к сыну, который после мотоциклетной аварии проходит реабилитацию в клинике «Кроянты» одноименной поморской деревни, то не может побыть с ним слишком долго, потому что с ней самой хотят побыть те, кто купил ее книгу. Они не вмещаются в конференц-зал клиники, приходится делить встречу на два тура, и кончается всё это поздней ночью.

Когда в начале февраля супруга бывшего президента подписывала книги в салоне книжного магазина «Эмпик» в центре Познани, к ней подошла пожилая дама и попросила дарственную надпись для своего мужа: «Пани Дануся, пожалуйста, напишите ему, чтобы он меня слушался». Два дня спустя в Катовице — то же самое: читательница хочет личной надписи для мужа, так как благодаря этому он, может быть, прочтет книгу и что-то наконец поймет.

На встречи приходят, главным образом, немолодые женщины. «Меня поразило, насколько сильно они отождествляют себя с тем, что описала пани Данута, — говорит соавтор книги Петр Адамович, гданьский журналист, в коммунистические времена — оппозиционер. — Эти дамы прекрасно понимают, о чем она хотела рассказать. Читают, что в браке у Валенсы бывало по-разному, но ведь и у них в семьях тоже случались похожие испытания, и в результате ее читательницы начинают об этом рассказывать. Встречи перерастали в откровенный разговор, между пани Данутой и зрительным залом устанавливалась сильная эмоциональная связь. Порой бывали даже слезы».

Пани Валенса превосходна в роли звезды. Часами раздает автографы, свободно отвечает на вопросы. И после представления книги во Вроцлаве призналась местной прессе, что муж немножко ревниво относится к ее успеху — его книги так хорошо не продаются: «Он ревнует, потому что всю жизнь я его холила и лелеяла, а теперь взяла и подрезала ему крылья. Но ничего, привыкнет».

В тени Леха

Ранее Данута Валенса стояла в лучах света перед объективами камер только однажды — когда в декабре 1983 г. принимала в Осло от имени Леха Валенсы Нобелевскую премию мира. Накануне этого торжества она долго упражнялась в прочтении благодарственной речи. Уже в королевском дворце, проходя через шпалеру гостей, подумала, что не справится. Но сомнения и нерешительность длились всего один миг; потом она поднялась на трибуну и без запинки, ни разу не заикнувшись, произнесла речь. И осталась горда собой. «После этого я уже никогда не пережила чего-либо похожего, не испытала такого укрепления чувства собственного достоинства и, если можно так сказать, своего “я”», — пишет она в автобиографии.

Это сильная и горькая книга. Данута Валенса признаётся, что на протяжении значительной части жизни ей приходилось со всем: с домом, восемью детьми и вечно отсутствующим мужем — справляться самой. Так было, когда в августе 1980 г. на верфи началась забастовка. И позднее, потому что Лех на полную катушку включился в политику. Даже когда он возвращался домой, вокруг него всегда клубилась толпа народу. Под ногами путались дети, а тут совещания, интервью, постоянно кто-то входит, кто-то выходит. Один хочет кофе, другой — чаю, третий кричит, что голоден. Кто-то являлся с цветами, но были и такие, что поносили и охаивали.

Это тогда «прежняя жизнь расплзлась». «Нет, до формального развода дело не дошло, но в одной семье возникли два мира», — констатирует она. Потом было военное положение, интернирование Леха и снова одинокое бремя со всем на свете. Ничего не изменилось и в свободной Польше. Муж не сообщил ей, что намерен стать кандидатом на пост президента, не спросил даже, что она думает об этом. И, когда он выиграл выборы, Данута не переехала с ним в Варшаву. Потому что никогда не любила столицу, а кроме того не хотела вырывать детей из привычной им среды.

Эти два мира могли сблизиться между собой после 1995 г., когда Валенса потерял шанс на переизбрание. В Гданьск, в их дом на

улице Полянки, он вернулся полным горечи, подавленным и удрученным, считая, что его не оценили. Был не в состоянии найти себя.

Сегодня Данута Валенса считает, что поначалу мужа у нее забрала политика (она пишет о ней «эта треклятая политика»), а в последние годы — компьютер, от которого Лех, по ее мнению, сделался зависимым. Часами сидит на втором этаже их дома на улице Полянки, тогда как она в одиночестве хлопочет на кухне или в саду. Когда он покидает дом, то всегда вооружен доступом к интернету. Данута могла бы с ним куда-нибудь слетать, раз у него столько приглашений, — он бывает в большом мире. Но Лех бы и так в любом случае ее не видел. Сразу же, как вышли бы из самолета, он вытащил бы эту свою коробочку с доступом к сети — и только это ей бы от него и осталось

Данута Валенса, пожалуй, немного разочарована своей жизнью. В принципе даже брак у нее не такой, о котором она мечтала. Он приносит торжественную клятву и тут же говорит: «Ой-ёй! Что ж я наделал?!» Первая беременность? Она радуется, а он принимает случившееся без энтузиазма. Позже не помнит, какой ребенок в каком году родился. Годовщина бракосочетания? Забывает.

Она любит цветы и милые слова, но ему такие вещи и в голову не приходят. Леху кажется остроумным рассказывать, что поменяет жену на более новую модель. Или представлять ее в обществе так: «Это моя жена, пока что первая». Если обращается к ней, то не «дорогая», а только «лягушечка», потому что для него любая женщина — «лягушечка». А она бы предпочла, чтобы он всё-таки обращался к ней и с ней как-нибудь иначе.

Чем дольше они живут рядом, тем отчетливее видно, до чего сильно они различаются. Она — это стихия, а он холоден, ему бы всё на свете распланировать до мелочей. Когда они вместе выходят на какое-нибудь светское мероприятие, муж ее предупреждает: «Только на два часа!» Данута удивляется: «Ну как это можно идти на прием и заранее запланировать, что пробудешь там два часа? С приема либо из гостей можно уйти и через десять минут, если окажется, что скучно или компания неподходящая. А можно просидеть и три часа, когда всё здесь тебе симпатично». Но Лех смотрит на часы и по истечении двух часов встает.

Одна только правда

— Данута всегда была несдержанной на язык. Говорила, что думала. И всё, о чем написано в ее книге, — святая правда, — говорит Войцех Лаский, фотокорреспондент, создатель богатого архива снимков семьи Валенсы со времен первой «Солидарности». — Она сначала играла роль жены лауреата Нобелевской премии, потом первой леди и, пожалуй, чувствовала себя недооцененной. Дети выросли, стали взрослыми, вот она и решила рассказать свою историю.

— Таков Лех, и такова Данута, — подтверждает давний близкий сотрудник Леха Мечислав Ваховский. О себе он тоже узнал из этой книги массу неприятных вещей: что он такой человек, которого трудно расшифровать, со всякими причудами, претензиями и манией величия. Впрочем, не ему одному досталось. Ян Ольшевский? Недоступный, к тому же юрист, который запутался в политике. Блаженной памяти Лех Качинский? Этот бывал в доме у Валенсы, еще когда они жили на Заспе. Немота. А у его брата Ярослава глаза, словно стекло, — холодные, беспощадные.

— Многие люди после прочтения этой книги почувствовали боль. Не только Лех Валенса, — говорит Джицимский, про которого Данута написала, что он интеллигентный, толковый, разумный, доступный, сердечный. Но не поэтому он хвалит книгу.

— В ней есть жизнь, — говорит он. — Подвешенное состояние между большой политикой и необходимостью накормить восьмерых детей, огорчаться и беспокоиться, что из них вырастет, а позже переживать драму матери, которая видит, что жизнь у детей не складывается, что нет у них счастья в супружестве. Из пяти браков ее детей четыре распались.

Рышард Кокошка, гданьский ресторатор и друг дома, утверждает, что бывший президент не вмешивался в написание книги. Он вспоминает:

— Когда я к ним забегал, он брал меня в ту комнату, где всегда сидит за компьютером, а Данута в другой что-то согласовывала с Петром Адамовичем. И Валенса мне говорил: «Гляди, чего-то затевают, строят козни». Подшучивал, всерьез не воспринимал.

Когда книга вышла, а отрывки из нее перепечатало большинство газет, Лех был захвачен врасплох и сильно поражен. «Разочарован и недоволен», — уточняет Кокошка.

— Плохо он это принял, — подтверждает Ежи Боровчак, инициатор августовской забастовки, а сегодня — депутат от «Гражданской платформы». «Мечты и тайны» он прочитал за один вечер, хотя это полтысячи страниц. — Я ему говорил: «Вождь, нечего злиться, это же всё правда». А он в ответ: «Ну, так пусть твоя жена напишет, тогда посмотрим, что ты скажешь». Я говорю: «Если б моя написала, наверно, было бы примерно то же самое. Ведь мы оба, занятые забастовками, уделяли домашним делам мало времени. С той лишь разницей, что я своей покупал цветы, а ты Данусе — нет».

— Он сейчас в такой ситуации, что не позавидуешь, — сочувствует бывшему президенту Мацей Косыцаж, гданьский фоторепортер, который уже много лет фотографирует семью. — Долгие годы на него ищут зацепку, в последнее время против пана Леха снова что-то нарыли и катят, пугают каким-то досье, спрятанным в Сейме. А теперь еще и эта книга.

— В доме у них давно уже что-то трескалось, но лишь теперь эта трещина оказалась бесстрашно выставленной напоказ, — говорит Анджей Джицимский. И добавляет, что восхищается Данутой за ту силу, которая в ней всегда имелаась. И что в конце концов она ее всем показала.

— Столько пережить, столько довелось ей, не дай Господь никому, — говорит Анджей Жечицкий, когда-то водитель Валенсы, известный всем под кличкой Золотце. С Данутой Валенсой он ездил почти десять лет, от первых шагов «Солидарности» и вплоть до времени, когда Лех стал президентом. Она многократно предлагала ему перейти на «ты», но он никогда на это не решился. — Уж слишком я ею восхищаюсь. Видел, как она не дается в руки гэбэшникам, как выбирается из самых худших переплетов, — для меня она всегда будет хозяйкой и дамой.

— Возьмем август 80-го, — вспоминает Джицимский, который был тогда журналистом и сделал интервью с Данутой Валенсой, первое в Польше. — Она рассказывала, что у нее бывали сны, в которых всё рушится, дома валятся ей на голову. После таких ночных кошмаров она шла к мужу, бастующему на верфи, и спрашивала: помнит ли он, что у него есть дети? Тогда их было уже шестеро. Накорми, выкупай — всё она. Потому что он делает революцию.

— Они пребывали в мирах, далеких один от другого, — признаёт Джицимский. Ему вспоминается Валенса, уже президент, сидящий за письменным столом над смертным

приговором. От его подписи зависело, будет кто-то жить или же нет. А тут жена звонит, что ребенок чего-то там напроказил.

Но и сегодня Валенсы тоже живут в отдельных мирах.

— Он одинок. И она одинока, — говорит один их знакомый. — Два человека в большом доме. Один на втором этаже, другой — на первом. И всё, что у них есть друг другу сказать: «Ты спустишься на обед?»

А почему Валенса болезненно воспринял успех жены? Анджей Джицимский: «Это же мужчина, у ног которого лежал весь мир. А тут вдруг оказывается, что рядом с его ногами есть еще и ноги жены».

Всего лишь и настолько женщина

«Мечты и тайны» молниеносно стали бестселлером. За какие-то шесть недель с ноября прошлого года, когда книга вышла, разошлось 300 тыс. экземпляров. «Это гигантский успех. Никакая другая из наших книг не продавалась так хорошо», — говорит Магдалена Смендер из «Выдавництва литерацкого».

На адрес офиса Леха Валенсы в Гданьске приходят письма Дануте. Бывает, их больше, чем писем бывшему президенту. Приходят они и домой. Большинство — от женщин, которые на нескольких исписанных от руки страничках рассказывают о своей жизни. Что они так же, как Данута, родились в маленькой, забытой Богом и людьми деревеньке и что им тоже хотелось оттуда вырваться. Или что раньше им казалось, будто трое-четверо детей — это много, но, читая про ее восьмерых, они поняли, что не имеют права жаловаться. Они чувствуют общность судьбы с пани Данутой. Жили иначе, однако похоже.

— Я горжусь мамой, — говорит Ярослав Валенса. Он полагает, что это еще не последнее ее слово. — Книга продается относительно недолго, так что ее окончательного эффекта надо еще подождать. Но уже теперь видно, что начинается дискуссия о качестве семей, о роли женщины в супружестве. Мамин голос стал важным.

Неожиданно Данута Валенса оказалась иконой польских феминисток.

— Однако она сама, — говорит Петр Адамович, — везде подчеркивала: «Я женщина. Всего лишь и настолько женщина. С феминистскими движениями у меня нет ничего общего. Они действуют сами по себе, а я не вовлекаюсь ни в какие начинания идеологического характера».

Когда-то Данута Валенса, как огня, избегала интервью, теперь она их дает. И продолжает дальше рассказывать свой вариант жизни с легендарным главой «Солидарности». «Иногда я думаю, что он никогда меня не любил. Столько дел было для него более важно, чем я», — призналась она недавно журналу «Viva!».

Средства информации тут же подхватывают этот сюжет, и на радио «Зет» Моника Олейник спрашивает Леха Валенсу: «Так вы любите жену, господин президент?». На что Валенса: «Разумеется, любил, люблю, и до самой смерти мы будем любить друг друга».

То, что Лех и Данута разговаривают между собой через СМИ, начинает возбуждать удивление. Некоторые подозревают, что происходящее может быть акцией специально нанятых специалистов по пиару, которые сделают всё возможное, чтобы поддержать хорошую продажу книги. Магдалена Смендер опровергает: «Мне ничего об этом не известно».

— Я ценю Валенсу, но не думаю, чтобы он был прямо таким Макиавелли, который бы договорился с женой: «Докосим-ка себе в кошелек еще денюжат, устроив из своей жизни нечто вроде сериала “Л как любовь”», — добавляет Веслав Галонзка, член Академии экспертов пиара, специалист по созданию креативного публичного образа. — Зато Данута поняла сущность маркетинга. Если бы она молчала, если бы о ней не говорили кругом, книга бы отошла в область воспоминаний. А так продажи растут, ее банковский счет пополняется.

Петр Адамович уверяет, что Данута Валенса не опьянела от славы:

— Она не стала звездой. У нее множество предложений насчет интервью, но от большинства она отказывается. Говорит: «Не хочу, чтобы из каждого холодильника, газеты и телевизора выглядывала пани Валенса. Я хотела рассказать о том, что рассказала, но хватит уже, спасибо».

Какой развод?

Анна Земянская, председатель гданьского объединения «Амазонки», близкая знакомая Дануты, прочитала недавно в «Факте», что бывший президент уже не хочет больше жить с женой и планирует уехать в Варшаву. Она впала в маленькую панику.

— Может, я чего-то не знаю? Звоню Данусе. «Как ты себя чувствуешь?» Допытываюсь у нее, всё ли хорошо. И уже хочу ее спасти. А она «вся в жаворонках», щебечет, они как раз выпили с мужем по бокальчику шампанского. «Какой отъезд? — удивляется. — Какое расставание?»

Многолетняя парикмахерша Дануты Ирена Завадская несколько часов разговаривала с ней после откровений Леха на радио «Зет».

— Я у нее спрашиваю, слышала ли ты беседу, а она в ответ, что да, конечно. Но какая, мол, разница, коль скоро она уже его не любит. Я говорю: «Дануся, как ты можешь такое говорить?» — а она себя успокаивает: «Мы любим, но уже не такой любовью, как в ту пору, когда были молодыми». Там никакой разлуки не будет. Нет такого варианта!

Мечислав Ваховский: «Нет, не будет развода».

Ежи Боровчак: «Данута дала бы себе за Леха руку отрезать. Эта семья будет существовать и дальше. Я как раз разговаривал с вождем конкретно о данутиной книге, ситуация уже намного лучше. Лех даже способен шутить на эту тему».

Написано в сотрудничестве с Натальей Стахач, Малгожатой Новицкой

ОБЯЗАННОСТИ ЖЕНЫ ПРЕЗИДЕНТА

ПОЕЗДКИ

Когда после приведения мужа к присяге я уже в качестве супруги президента вернулась в Гданьск, тогдашний гданьский воевода Мацей Плажинский повел себя классно. С букетом цветов он приехал в наш дом вместе со Славеком Рыбицким, который был тогда его секретарем, и приветствовал меня как жену президента — жительницу Гданьска. Затем он многократно приглашал меня на разного рода более или менее официальные торжества. Я имею в виду открытие отделения в больнице, какую-то конференцию, присвоение имени «Гданьск» одному из самолетов авиалиний «Лёт», благотворительный концерт либо открытие выставки. Но не только. По его приглашению мы посещали также харцерские лагеря или оазисы [группы христианской молодежи].

Будучи женой президента, я участвовала в публичной жизни. Исходила при этом из принципа, что коль скоро меня приглашают как супругу президента, то моя обязанность, если я располагаю временем, принять приглашение. У меня в распоряжении не было никакого офиса, ассистентки, советницы, швеи или закройщицы. С помощью подруг я была самодостаточной. Время от времени пани Зофья Мартиняк шила мне какое-нибудь платье или костюм. Она знала, в чем я чувствую себя хорошо, какие цвета, какой стиль и фасон мне подходят. Я просила, чтобы всё было элегантно, но скромно. Пани Зося помогала также подбирать аксессуары. А иногда я вместе с Гражиной Пуш или Иреной Завадской покупала что-нибудь в магазине. Вот и всё — нормально, как в жизни.

Со временем обязанностей у меня как у жены президента прибавлялось. Речь шла вовсе не только о том, чтобы обеспечить себе подходящую одежду, чтобы достойно выглядеть как жена главы государства. Можете себе вообразить, что было такое время, когда к нам в дом на Полянки приходило по сто, сто пятьдесят писем. И даже двести. Ежедневно! Я имею в виду письма от простых людей, а не официальную корреспонденцию.

Единственное, что можно было сделать, так это стараться их просмотреть. Обычно, если там не обращались конкретно ко мне, я переправляла письма в Варшаву. Кроме писем, поступали десятки приглашений. О просьбах насчет интервью или о необходимости подготовиться к заграничным поездкам уже и не говорю. А ведь я, кроме того, что была женой президента, старалась вести нормальный дом, в котором есть муж и живут дети.

Поэтому в какой-то момент Анджей Джицимский предложил создать небольшой офис, где работают один или два человека, помогающие жене президента в выполнении ее публичных обязанностей. Я согласилась. Сведения о том, что такой офис возникнет, попали в СМИ. И тогда началось: что это, мол, капризы и причуды, что у нас в головах всё попереворачивалось, что на содержание Дануты Валенсы будут тратиться государственные деньги. Не о чем и говорить. Мне интересно, где теперь все те, кто тогда так громко протестовал.

Между прочим, так и выглядело то первое польское президентство, немного отстающее по сравнению с тем, как делается в Европе и во всем мире; но ведь и мы как страна тоже были во всём немного отсталыми по сравнению с другими. Да, в течение тех первых пяти лет легко не было. Позже другим, нашим наследникам, пришлось уже лучше, так как мы пробили им дорогу, расплачиваясь за свою неопытность.

Когда муж начинал свое президентство, я боялась, справлюсь ли с официальными обязанностями, особенно во время зарубежных поездок. В начале девяностых Польша была на гребне волны, и мой муж — обыкновенный электрик, который стал человеком, символизирующим принесенные свободой перемены, и вместе с тем президентом государства, — получал много приглашений.

Когда я выступала публично как жена президента, мне повезло: несмотря на осознание кое-каких своих недочетов, отсутствия подготовки, я вела себя так, как следовало вести, то есть соответственно ситуации и роли. Никто не обвинил меня в том, что я сказала какие-нибудь неуместные вещи или же была неподходяще одета. Зато в отношении мужа чуть ли не постоянно появлялись какие-то замечания, временами к нему прямо-таки цеплялись. Прекрасно помню: манжетка плохо, галстучек плохо, воротничок плохо или же он плохо посмотрел. О нет, прошу прощения, один раз во время визита в Ватикан некоторые комментировали мой туалет. Однако для меня тут ничего серьезного не было. Дело в том, что у меня не было

черного платья. Но одета я была соответствующим образом — в длинное темно-бордовое платье.

Меня неоднократно спрашивали про впечатления от разных встреч. К примеру, что я чувствовала, проезжая королевской каретой по Лондону. Я отвечала, что чувствовала себя хорошо. Карета как карета. Если же говорить про принца Филиппа, он производил впечатление приятного человека. Только и всего. А что тут можно еще добавить? Мне не до конца верили. Точно так же было, когда я рассказывала про встречу с Елизаветой II. Королева как королева. Раньше я уже познакомилась с королем Улафом V. А королева? Ощущалось определенное достоинство в манере поведения, в том, как она двигалась. Но, судя по ее взгляду, это обыкновенный человек, как и мы все, со своими радостями и трудностями. В общей сложности, оставляя в стороне достоинство, можно было бы сказать, хоть и не знаю, удобно ли: классная бабенка. Вот и всё.

Однако, готовя эти воспоминания, в какой-то момент я начала задумываться: может, что-то со мною было не так? Почему встречи с важными особами, которых я узнала в период президентства мужа, а также до и после этого, не производили на меня такого уж большого впечатления? Ведь я же действительно встречалась с великими мира сего. Но разве это моя вина? Просто я такая. Я заботилась только и исключительно об одном — как можно лучше выполнять обязанности жены президента. Попутно, пользуясь случаем, хочу обратить внимание, что предпочитаю определение «жена президента» определению «первая леди». Жена президента — этого вполне достаточно. Жена главы государства звучит очень официально. А первая леди — и официально, и напыщенно.

Перед заграничной поездкой мне сообщали, какой и на какие обстоятельства требуется туалет. Платье-костюм или же длинное платье — и этого мне вполне хватало. Кроме того, каждый член официальной делегации получал особую книжечку, подготовленную специалистами по дипломатическому протоколу, где, кроме подробного графика, часто расписанного по минутам, содержались и другие важные сведения по отдельным пунктам программы. Для примера, кто с кем и в какой очередности здоровается или прощается во время встречи. Кроме того, всегда присутствовал шеф протокола, который предупреждал о чем-либо существенном или, в случае необходимости, подсказывал. Достаточно было лишь ко всему этому приспособиться.

Часто в резиденциях находился приготовленный специально на польском языке справочник об основных правилах

пребывания. Например, в Виндзорском замке можно было, между прочим, получить сведения о пажах и лакеях: «Пажи и лакеи круглые сутки несут службу в коридоре поблизости от спален и салонов. Они дадут ответы на вопросы, а также служат в качестве посыльных и проводников по замку. Фамилия выделенного Вам лакея находится на карточке, которая размещена на туалетном столике в спальне. В обязанности лакея входит глажка, чистка обуви и оказание помощи в других делах. Пожалуйста, сообщите вечером пажу, в котором часу Вас нужно разбудить, угодно ли Вам, чтобы утром Вам подали чай, и в котором часу подавать завтрак».

Вместе со мной в делегации участвовало сопровождающее лицо. Ими бывали, в частности, Ирена Завадская, Гражина Пуш и Мажена Ваховская. Самоц мне во время официальной поездки было бы трудно со всем управиться.

Великобритания, Италия, Ватикан, Швеция, США, Египет, Индия, Япония... Никогда не подсчитывала, в скольких странах я бывала. Не вижу такой необходимости. Ввиду расстояния кошмарной была поездка в Японию. Промежуточные приземления где-то в Сибири. Чуть ли не пятнадцать часов полета в одну сторону. А я выдерживаю в самолете не больше восьми часов. Похожими, хотя и не столь мучительными, были поездки в США и другие места: за время полета теряется несколько часов, и после посадки там по-прежнему продолжается день, хотя для тебя уже настала ночь. И нет времени приспособиться, так как нужно выполнять программу визита. Причем никуда нельзя опоздать, иначе рухнет остальная часть подготовленного плана.

Во время каждого визита некоторые элементы программы были общими с мужем, а некоторые — отдельными. В таких случаях я вместе с сопровождающим лицом посещала детские больницы, осматривала музеи или какие-нибудь другие особенные места. Все пункты программы устанавливались заранее, и на месте уже не могло быть никаких отступлений, никакого частного осмотра.

В таких поездках нет возможности увидеть всё, что хотелось бы. Известно, что хозяева хотят показать гостям самое лучшее. Но в Египте или в Индии во время переездов в разные места невозможно было не заметить огромных контрастов. Я имею в виду великолепные памятники старины, современные центры городов — и бедность пригородов или деревень.

Первая официальная поездка в США была такой мучительной, что, кроме опухших целыми днями ног, я немного из нее

помню. Должна также упомянуть про осязаемый снобизм и заносчивость некоторых американцев и американок. Не говорю всех — имею в виду некоторых. «Америка большая, в Америке самые большие в мире небоскребы, в Америке самый красивый в мире каньон, Советский Союз рухнул, и Америка теперь единственная великая держава, весь мир держится на американском долларе...» В этом было много правды, но надо соблюдать меру, даже когда хвалишься своим гнездышком.

Неотъемлемым элементом заграничных поездок были встречи с поляками и Полонией. Тогда, в начале девяностых, после падения коммунизма и обретения свободы, поляки, живущие, например, в США, несмотря на все их разделения, проявляли большую радость по поводу этих событий и были очень довольны, что могут принимать нас у себя в гостях. Теперь дела обстоят иначе.

Какие из увиденных мест мне понравились? Старые города в Бельгии, напоминающие мой Гданьск. А также живописные городки с очаровательными домиками и садами в Ирландии.

Во время президентства — и не только в процессе заграничных поездок — мне приходилось иногда обращать внимание мужа на его поведение, заботиться, чтобы он в точности выполнил всё, что было договорено. Я считала это помощью, которая вытекает из обязанностей жены президента. И сотрудники мужа тоже иногда просили меня о помощи. Тогда я вмешивалась. И муж действительно принимал мои доводы, не противился; можно даже сказать, что в период президентства он пользовался моими советами. Зато я никогда не высказывалась по вопросам большой политики.

Сейчас, после многих прошедших лет, хочу сказать, что по моим ощущениям я хорошо справилась с обязанностями жены президента, и мне удалось избежать ошибок, но окончательное суждение принадлежит другим.

Надеюсь, что я достойно представляла Польшу и моего мужа.

Еще прежде, чем я стала супругой президента, был основан фонд «Умелые по-другому». Мне доставляет удовлетворение, что фонд родился на год раньше, в 1989 м. Возник он по велению сердца, а не потому, что я руководствовалась модой или желанием строить образ особы, которую волнует судьба инвалидов и нуждающихся. Мы начинали деятельность, полные запала и стремления нести помощь, хотя, честно говоря, не очень-то знали, как управлять фондом, не имели никакого опыта. Да и откуда бы нам его иметь? Такого рода

деятельность, как и многие вещи после перелома 1989 года, была в Польше чем-то совершенно новым.

Начинали мы с нуля, но быстро двинулись вперед — разумеется, благодаря мужу. Однако через несколько лет, еще до конца его президентства, появились проблемы, стало не хватать денег. Это был новый опыт, указывающий, до чего сильно такая деятельность зависит от того, каковы акции политика. Я не собираюсь это скрывать, потому и говорю.

Другим и тоже печальным опытом была реакция некоторых людей на предоставляемую им помощь. К нам, например, обращались с просьбами об одежках для детей. Мы отправляли в посылках то, чем на данный момент располагал фонд. В ответ приходили письма с претензиями и даже ругательствами, что кому-то достались поношенные вещи, тогда как от фонда жены Валенсы он ожидал получить новые вещи, а лучше всего — заграничные. Такая реакция — правда, не слишком частая — свидетельствовала, что это наверняка не были люди, которые действительно нуждались.

Я поддерживала и поддерживаю этот фонд, но то, что фонд возник, продержался в нелегкие времена и по-прежнему продолжает действовать, главным образом является заслугой его президента, Юстины Рогинской.

ИЗМЕНЕНИЯ В ДРУГИХ, В НАС

Вместе с избранием мужа на пост президента я заметила перемену в отношении некоторых людей ко мне. Это случилось не внезапно, происходил определенный процесс.

Думаете, появилась сдержанность? Нет, не сдержанность. Пожалуй, скорее отчужденность отдельных людей, которых я знала раньше, встречала в магазине или у парикмахерши. Мы здоровались, как и прежде: «Здравствуйте, здравствуйте. Что слышно?» — но я ощущала, что всё иначе.

А ведь я осталась той же самой Данутой, точно так же вела себя, так же одевалась — прическу, и ту не поменяла. Разница была только одна: я стала женой президента.

Стала более узнаваемой. На улице или в магазине люди проявляли доброжелательность, сердечность и заинтересованность, но вместе с тем выражали претензии к мужу, правительству и даже нашей семье.

Разные человеческие подходы и отклики — перемену в них можно было заметить, читая приходящие письма. Как я

упоминала, их в то время было очень много. Приходили прекрасные письма, благодарящие за перемены в Польше, поддерживающие мужа. В какой-то период я передавала ему эти письма, так как он хотел знать, что люди пишут. Но с течением времени приходило всё больше писем с претензиями и жалобами на жизненные неудачи или обиды — писем, в которых нередко встречались кощунства и ругательства.

Такие письма по-прежнему приходят. Их сейчас значительно меньше, но может быть, они приносят больше боли, потому что муж уже полтора десятка лет как не президент; с того времени мы пережили разные правительства, а люди, однако, продолжают иметь к нему претензии и говорят, что всё зло, которое их коснулось, он им причинил. Когда муж что-то говорил о пани Валентинович, о Гвяздах или радио «Мария», писем с оскорблениями было больше. Трудно себе вообразить, какие слова способны употреблять люди, изливая свои обиды и желчь.

И как тогда, так и теперь приходит много писем с просьбами о денежной ссуде или в открытую — о финансовой поддержке.

Изменение настроенности у какой-то части старых знакомых, разные реакции встречаемых людей, поступающие письма были сигналом, что в моей, в нашей жизни снова что-то перестраивается. Характерным сигналом того, что уже не будет, как раньше, и что легко не будет, стало расставание с подругой нашего дома Кристиной. Той самой Кристиной, которая в конце семидесятых, когда мы жили на Стогах, помогала мне и моей семье.

В восьмидесятые Кристина бывала в нашем доме на Заспе — уже не так часто, как раньше, но все-таки навещала нас. А порвала она контакты с нами на первом, а может, на втором году президентства — во всяком случае, в начале работы мужа на этом посту перестала к нам приходить. Я уже не помню подробностей. Однако, если не ошибаюсь, Кристина стала обвинять мужа, что он поступает не так, как должен, что нужно больше делать для тех, кто нуждается, не справляется с жизнью в новой Польше, а таких становится всё больше. Он ей объяснял, что в наследство от коммунизма мы получили разваливающуюся экономику и что государство не всем может помочь, что всегда — так же, как и везде в мире, — у нас в Польше будут бедные. Ей это не понравилось, и после десяти с лишним лет знакомства Кристина вычеркнула мужа из памяти — так же, как вычеркнула всю нашу семью.

Не только для нас жизнь не была такой простой, как могло бы казаться некоторым. Через свои трудности прошли и наши близкие, которые живут в моих родных краях, — к примеру, сестра Богуся. Она помнит, что многие люди из деревни проявляли ревность и зависть. На первых выборах они не голосовали за мужа, оскорбляли его, что у него нет образования и он ничего не умеет. А когда муж стал президентом, то сплетничали, что он помогает Богусе. И попрекали ее: «Думаешь, будто ты лучше нас, потому как твой зять — президент?».

Не раз я разговаривала с сестрой на эту тему. Объясняла, что есть разные люди, поэтому она должна считаться с их разными позициями и реакциями. Растолковывала, что и сама раньше прошла через похожий опыт. Сестра сперва, понятное дело, нервничала, поведение разных людей многого ей стоило, однако со временем она стала воспринимать такие ситуации спокойно.

Сегодня, когда прошло много лет, эта зависть и ревность ощущается меньше.

После чтения писем, а также анализируя сообщения знакомых и собственный опыт, я считаю, что зависть и ревность мы довольно часто ощущали со стороны людей, происходящих из той же самой общественной группы, откуда приходим мы. И муж, и я родом из деревни. Муж, который много лет был обычным рабочим, стал президентом государства. Часть людей из деревень, из маленьких городков, которые имели и имеют претензии насчет всяких вещей, в действительности завидовали и временами еще продолжают завидовать тому, что муж пробился выше них. Он, простой рабочий, происходящий из того же самого общественного слоя, что и они, чего-то достиг; его фамилия стала знаменитой, а не их. Такие люди испытывали бы меньшую боль, если бы всего, чего добился муж, достиг интеллигент.

На первом году президентства я заметила, что муж меняется. Чем дольше он был президентом, тем больше становился нервным, импульсивным. Несомненно, он сильно переживал военное положение, но те трудности его одновременно укрепили. Зато в середине срока своих полномочий муж начал злиться. Став главой государства, он считал, что сможет сделать много хорошего. Ошибка. Права у президента были небольшими. Многим казалось, что при президентстве Валенсы, который раньше столько сделал, свергая коммунизм, страна изменится — словно бы от прикосновения волшебной палочки. К сожалению, в нашей стране после коммунизма

продолжался кризис, и сразу не могло стать лучше, а многие поляки заплатили за кризис полную цену. Кроме того, муж, пожалуй, быстро начал понимать, что пробудил определенные надежды и, раз что-то не получается, то обвинять будут его. Он не имел подходящих людей, которые бы на него работали. Его проблема заключается в том, что он любит руководить и представляет собой тип отшельника с ограниченным доверием к сотрудникам и друзьям. Ведь чтобы провести в жизнь какую-то идею, нужно иметь коллектив людей, а у него ничего такого не было. Те, кого он забрал с собой в Варшаву, в большинстве себя не проявили. А некоторые только устраивали свои дела.

Кроме того, муж постепенно терял контакт с простыми людьми. Так же, как с семьей.

Может быть, тут и моя вина, что я ему этого не разъяснила... Хотя должна сказать, что бывали такие моменты, когда я говорила об этом и убеждала его, что он должен выйти к людям, поговорить и послушать. А он перестал слушать, перестал наблюдать. Хотя ведь до президентства прекрасно всех понимал и со всеми общался. Говорил, что ездит к Папе заряжать аккумуляторы. Но не только туда! Он заряжал эти свои аккумуляторы, встречаясь с другими. А тут вдруг заперся. Может, ему было по вкусу находиться в таком «заключении». Не знаю, что повлияло на это и почему дошло до того, что он, человек, который имел такой великолепный контакт с людьми, который понимал их, вдруг отошел в сторону. Не знаю, откуда взялись эти его опасения перед встречей с другими.

Муж под конец срока своих полномочий чувствовал, что у него нет достаточной поддержки, что он может проиграть выборы. И он проиграл их.

Упоминаемая в этом тексте Зофья Мартиняк сегодня владеет в Гданьске домом моды, Ирена Завадская — дамской парикмахерской, Мажена Ваховская руководит там подразделением таможенной службы, а Гражина Пуш просто остается многолетней подругой Дануты Валенсы.

Литературная обработка Петра Адамовича

ПАМЯТИ АРИАДНЫ ФАДДЕЕВНЫ ЧЕРВИНСКОЙ (ЗЕЛИНСКОЙ)

Десятого апреля сего года завершился земной путь Ариадны Фаддеевны Червинской – младшей дочери Фаддея Францевича (Тадеуша) Зелинского.

О семейной драме отца и дочери, которые обречены были жить в разлуке, но при этом сохранили навсегда взаимную любовь и душевную близость, рассказывалось на страницах «Новой Польши» в моей публикации «Фаддей Зелинский в переписке с младшей дочерью Ариадной. Неизвестные страницы биографии» (2009, № 7–8), вышедшей затем в переводе на польский язык (Новая Польша. Wydanie specjalne 2005–2011).

Благодаря публикации этого материала, написанного мною при непосредственном участии моей матери на основе сохраненных ею писем и фотографий, мне выпала честь быть приглашенным на конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения Ф. Ф. Зелинского. Участники конференции, проходившей в Варшаве 5 декабря 2009 года под эгидой Комитета наук об античной культуре и Института междисциплинарных исследований «Artes Liberales» Варшавского университета, составили приветственный адрес для младшей дочери великого ученого и мыслителя, который я передал ей по возвращении в Ростов-на-Дону. Мама была до глубины души растрогана таким вниманием к ней, а главное – тем, что память о ее отце жива в сердцах его соотечественников.

Младшая дочь Ф. Ф. Зелинского сделала всё, что было в ее силах, для сохранения этой памяти. Много проникновенных страниц об отце содержится в ее мемуарах «Из пережитого», сокращенный вариант которых был опубликован в ростовском литературно-художественном журнале «Ковчег» (2005, №№ VII, VIII); электронная версия http://www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_7_52.html; http://www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_9_108.html), а также в ее очерке, включенном в книгу: Ф. Ф. Зелинский. Римская республика (СПб: Алетея, 2002).

В последние дни жизни Ариадны Фаддеевны я получил сообщение из Варшавы о выходе в свет книги «Tadeusz Zieliński (1859–1944). W 150 rocznicę urodzin», значительную часть которой занимает прокомментированный нами свод писем отца младшей дочери, а также адресованных ей писем старших детей Ф. Ф. Зелинского Феликса и Аматы. Мама успела еще порадоваться этой долгожданной новости, но авторские экземпляры почта доставила, когда ее уже не стало.

Детские годы Ариадны Фаддеевны прошли в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре. Удивительным образом последние месяцы жизни вновь вернули ее к детским воспоминаниям. Сестры обители прочитали ее мемуары и вступили с ней в переписку. Несмотря на преклонный возраст, память мамы не пострадала. Она успела еще ответить на множество вопросов, возникших у сестер. И когда я известил их о маминой кончине, то получил соболезнование, где были, в частности, такие слова: «Неисповедимы пути Промысла Божия, и мы думаем, что Господь неслучайно привел нас познакомиться с Ариадной Фаддеевной. Благодаря ей, ее мемуарам открылись многие, доселе неизвестные стороны истории нашего монастыря. И кроме того, она сама стала для сестер примером мужества, самопожертвования, честности. Мы даже иногда говорим друг другу, а смогли бы мы выдержать такие жизненные испытания, которые стойко перенесла Ариадна Фаддеевна... – и утвердительно никто не может ответить на этот вопрос. О жизни Ариадны Фаддеевны можно было бы написать не только очерк, а целую книгу, и она бы точно послужила назиданием для многих людей».

Олег Лукьянченко